Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 6 30 МАРТА № 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26652. Москва. Тираж 70.000 экз.

Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48.

На ленинских позициях.

Наша партия подходит к шестнадцатой всесоюзной конференции.

Что характеризует нынешнюю политическую обстановку? Мы имеем за последнее время некоторые успехи в области внешней политики. Мирная политика советской власти, удачное разоблачение военных планов международного империализма, несомненно, принесли известные результаты, дающие нам некоторую гарантию от внешней интервенции на ближайшее время. Мы имеем непрекращающийся быстрый рост промышленности и всего хозяйства.

Однако, этот рост продолжает наталкиваться на ряд серьезных затруднений. Положение со снабжением страны хлебом и вообще сельскохозяйственными продуктами является весьма напряженным и останется таким до нового урожая. Мы имеем определенные недочеты в области проведения снижения себестоимости и поднятия производительности труда. Обострение классовой борьбы, совершенно неизбежное на данном этапе социалистического строительства, влечет за собой рост активности антисоветских, особенно кулацких элементов, усиление попыток с их стороны влиять на промежуточные слои (середняцкое крестьянство, кустари, интеллигенция) и даже на наиболее отсталые слои рабочего класса и крестьянской бедноты. Органической составной частью активности антисоветских элементов является работа троцкистских организаций: окончательно скатившийся к меньшевизму, троцкизм превращается на наших глазах в фактор не только внутренней, но и международной контрреволюции, с тех пор как статьи Троцкого появились на страницах наиболее реакционных органов капиталистической прессы Западной Европы и Америки. Однако, гораздо сильнее, чем оживление антисоветских элементов, дает себя знать *дальнейшее сплочение вокруг партии и партийной линии рабочих масс, крестьянской бедноты и середняцкого крестьянства.*

Партия ищет выхода из трудностей, связанных с быстрым ростом социалистического хозяйства, по пути *дальнейшей мобилизации трудящихся масс во главе с пролетариатом.* Партия добивается в этих целях усиленного вовлечения масс во всю работу советского государства, во все дело строительства социалистического хозяйства. Партия беспощадно ломает те бюрократические преграды, которые стоят на пути к этому вовлечению, которые

мешают надлежащему развертыванию активности масс. Партия добивается более энергичного участия профессиональных союзов в преодолении трудностей и в разрешении положительных задач нашего хозяйственного строительства. Партия организует огромную работу очистки всего госаппарата от чуждых, разложившихся и примазавшихся элементов. Наконец, путем усиленного вовлечения рабочих и батраков, путем очистки собственных рядов партия стремится добиться улучшения своего социального состава и поднятия активности и самодеятельности партийных масс.

Только опираясь на растущую активность рабочих масс во главе с их коммунистическим авангардом, только развертывая и развивая эту активность дальше, только поднимая неустанно широкие рабочие массы, особенно новые слои, приходящие из деревни, в политическом и культурном отношении, партия сумеет обеспечить проведение того темпа снижения себестоимости и поднятия производительности труда, которые неразрывно связаны с намеченным ноябрьским пленумом темпом индустриализации.

Важнейшей ударной задачей нынешнего периода, которая должна мобилизовать вокруг себя силы и энергию всей партии во главе десятков миллионов трудящихся, является задача поднятия и реконструкции сельского хозяйства. Нам во что бы то ни стало нужно добиться выполнения всех планов весенней посевной кампании, добиться уже в этом году значительного увеличения наших сельскохозяйственных, особенно зерновых ресурсов как по линии обобществленного сектора сельского хозяйства (совхозы, колхозы), так и по линии тех десятков миллионов мелких и мельчайших индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, которые еще значительный период времени будут являться основными поставщиками хлеба для нашего советского государства. Имея это в виду, партия делает и будет делать все возможное для хозяйственного стимулирования широких бедняцких и середняцких масс.

Еще и еще раз мы повторяем, что партия может разрешить стоящие перед ней задачи в области расширения промышленности и в области поднятия и социалистической реконструкции сельского хозяйства только путем всемерного поднятия и развертывания активности масс, только путем усиления руководящей роли пролетариата во всех областях государственной и хозяйственной жизни. При этом, однако, мы должны систематически преодолевать сопротивление классового врага, в первую голову деревенского кулачества, являющегося в настоящее время внутри страны самым серьезным нашим противником, который пытается срывать хлебоснабжение страны, будет пытаться срывать посевную кампанию, а следовательно, все дело индустриализации страны, неразрывно связанное с поднятием сельского хозяйства.

В то время, как линия партии ищет выхода из трудностей, переживаемых нашей страной, по пути развертывания активности и самодеятельности трудящихся масс во главе с пролетариатом, линия правого уклона ищет этого выхода по пути уступок капиталистическим и прежде всего кулацким элементам. В этой тенденции правого уклона отражается глубокое неверие в силы трудящихся масс успешно строить социалистическое хозяйство, вопреки сопротивлению капиталистических элементов. Исходя из заранее предвзятой идеи уступок, сторонники правого уклона предлагают свернуть темп индустриализации и об'являют совхозы и колхозы музыкой будущего, а для сегодняшнего дня только дорогой игрушкой. Поскольку отказ от широкой индустриализации по существу означает отказ от широкой производственной смычки социалистической промышленности с массами крестьянских хозяйств в том числе и индивидуальных, отказ от широкого машиноснабжения деревни, постольку об'ективным логическим и политическим выводом отсюда делается ставка на кулацкое хозяйство при обречении на действительную, а не мнимую деградацию (измельчание, обестоваривание) десятков миллионов середняцких и бедняцких хозяйств.

Уроки хлебозаготовок со всей очевидностью показывают, что свои ресурсы кулак тратит не на мирное сотрудничество с советской властью, а на политическую борьбу с ней, на попытки срыва ее политики. Эти уроки подчеркивают как нельзя более ярко капитулянтский характер предложений правых уклонистов об уступках кулачеству вопреки линии пятнадцатого партийного с'езда.

Наши условия весьма существенно отличаются от условий капиталистических стран, в которых работают другие секции Коминтерна. Но есть одна общая особенность, которая связывает правый уклон в нашей партии и правый уклон в других секторах Коминтерна. Она заключается в смазывании факта обострения борьбы между рабочим классом и капиталистической буржуазией, между империалистическими и колониальными странами, между капиталистическим миром и Советским Союзом. Как известно, правые элементы в Коминтерне переоценивают капиталистическую стабилизацию, превращают лозунг рабочего правительства в парламентскую комбинацию с левыми социал-демократами, скатываются по всей линии к левой социал-демократии и проповедуют сотрудничество с ней (а это значит об'ективно сотрудничество с буржуазией), проповедуют единый фронт с амстердамскими профсоюзными бюрократами, отказываются от работы среди неорганизованных масс против буржуазии и социал-демократии и открывают бой по всей линии против решений VI конгресса Коминтерна. За последнее время в целом ряде партий (Германия, Чехо-Словакия) правые элементы оказались за пределами Коминтерна.

Правый уклон в Коминтерне явно скатывается к социал-демократии. Совершенно несомненно, что аналогичную тенденцию он имеет

также и у нас. Не даром «Социалистический Вестник» так горячо приветствовал экономическую платформу правого уклона и обещал ей горячую поддержку всех «живых элементов страны». Правда, Дан и К° ставили в упрек нашим правым уклонистам некоторую аполитичность. Вот если к экономической платформе правого уклона прибавить бы еще политические лозунги троцкизма (тайное голосование и т. д.), меньшевики считали бы себя вполне удовлетворенными. И на самом деле, экономическая платформа правого уклона—платформа уступок капиталистическим элементам внутри страны—плюс еще политические лозунги троцкизма, скатившегося не только к антипартийной, но и к антисоветской деятельности, по содержанию ничем не отличающейся от меньшевистской, дают в сумме нечто очень близкое к меньшевизму.

Глубокая пропасть, которая отделяет генеральную линию партии, линию XV с'езда и последующих пленумов ЦК, от линии правого уклона, совершенно ясна. Абсолютно очевидно, что правый уклон логически и политически ведет к срыву всего социалистического строительства и к возврату капитализма. В этих условиях, само собой разумеется, партия не может терпеть колебаний между своей генеральной линией и линией правого уклона, между развертыванием и свертыванием индустриализации, между политикой наступления на кулака и теорией врастания кулака в социализм, между признанием и замазыванием обострения классовой борьбы в стране, между осуждением и поддержкой правых и примиренческих элементов в Коминтерне.

В нынешней обстановке такого рода колебания между линией партии и линией правого уклона, как сказано в резолюции московской губернской конференции по отчету ЦК, неизбежно ведут в оппортунистическое болото. В нынешней обстановке такого рода колебания, характеризующиеся формальным признанием линии партии и фактическим скатыванием от нее к линии правого уклона, играют неизбежно роль поддержки и прикрытия правых уклонистов в их борьбе против партии.

Это особенно наглядно видно на двух примерах. Не так давно к политике нашей партии в деревне были припутаны разговоры о военно-феодальной эксплоатации крестьянства. Об этом шла речь на нескольких ячейках московской организации. Товарищи, позволившие себе говорить о военно-феодальной эксплоатации в связи с политикой партии, на словах отмежевывались от правых. Но пускание в обиход положения, что политика партии в деревне определяется не резолюциями с'езда и пленумов, а не имеющей ничего общего с коммунизмом теорией «дани», теорией военно-феодальной эксплоатации (в момент, когда кулак из кожи лезет вон, чтобы натравить на партию широкие слои крестьянства), не только льет воду на мельницу правым элементам партии, оно прямо дает в руки оружие кулаку против партии и против рабочего класса. Мы считаем, что разговоры о военно-феодальной эксплоатации крестьянства абсолютно ничем не отличаются от разговоров троцкистов о термидорианском перерождении партии. Об'ективным результатом троцкистских разговоров могло быть только натравливание на партию рабочих масс под тем лживым, клеветническим предлогом, что якобы партия переродилась, срослась с новой буржуазией, изменила делу рабочего класса и т. д. Об'ективным результатом разговоров о военно-феодальной эксплоатации крестьянства может быть только натравливание крестьянства на партию под тем лживым и клеветническим предлогом, что она якобы продолжает дело свергнутых Октябрьской революцией царских помещиков и чиновников, в течение ряда веков, как известно, занимавшихся военно-феодальной эксплоатацией крестьянства.

Каждый политический деятель должен быть ответствен за свои слова. И когда начинают шумиху о дани военно-феодальной эксплоатации на весь Советский Союз и за границу, ставят это в связь с тем, что мы вынуждены продавать продукты промышленности по повышенным ценам в интересах индустриализации и поднятия сельского хозяйства, то если перед нами не простая безответственная болтовня, то политический вывод может заключаться в отказе от политики индустриализации, в проведении «восстановительных цен» на хлеб, в отмене монополии внешней торговли и таким образом в капитуляции не только перед капиталистическими элементами внутри страны, но и перед международной буржуазией.

Вот почему безответственным и абсолютно недопустимым разговорам о военно-феодальной эксплоатации партия должна дать самый твердый отпор.

Другим примером всей опасности и вредности колебаний между линией партии и линией правого уклона является начавшееся за последнее время вытаскивание на свет божий и разогревание троцкистских словечек о бюрократизации партии, о режиме, зажиме и т. д. — и это в тот момент, когда небывалый рост активности во всех звеньях партии бьет в глаза каждому, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Нужно отдать себе совершенно ясный отчет, что подобного рода разговоры, способны сыграть роль только своего рода артиллерийской подготовки фракционной работы. Кто говорит, что партия превратилась в казарму, где душится самокритика, свободная мысль и что это стало системой, тот об'ективно (хочет он или не хочет) призывает своих единомышленников к фракционной работе и фракционной борьбе против существующего в партии режима, о который разбила себе лоб троцкистская оппозиция и который, как известно, был установлен Владимиром Ильичем Лениным. Не случайно, что вытаскивание на свет божий отравленного троцкистского оружия о режиме и зажиме совпало с вопиющими нарушениями партийной дисциплины, к которым не привыкла большевистская партия.

Разумеется, партия не может удовлетвориться достигнутыми на сегодня результатами в области проведения внутрипартийной демократии и самокритики. Как ни значительны эти результаты, было бы вреднейшим самообольщением успокаиваться на них. Разрешение задач, стоящих перед партией, требует дальнейшего роста активности партийных и пролетарских масс. Оно возможно только на основе развития и углубления самокритики, энергичнейшего развертывания внутрипартийной демократии.

Здоровая, деловая критика и самокритика на основе генеральной линии партии необходима партии, как свет и воздух. Партия будет решительным образом бороться против того, чтобы кому бы то ни было в наших рядах за такую критику «пришивались» уклоны. Но партия в то же время никому не позволит использовать оружие самокритики против своей генеральной линии и против элементарных основ большевистской дисциплины.

Нынешние условия требуют от всей партии максимальной сплоченности, железного единства. В нынешней обстановке партия более решительно, чем когда-либо, даст самый твердый отпор всякому, кто попытается создавать внутри нее фракционные группировки, всякому, кто будет нарушать партийную дисциплину.

Опасность правого уклона и колебаний в сторону правого уклона является в нынешних условиях главной внутренней опасностью для партии. Однако, из этого не следует, что партия может хотя бы на минуту забыть о том, что в отдельных звеньях ее еще и поныне существуют троцкистские тенденции, существует недооценка контрреволюционной сущности троцкизма.

Именно теперь, когда троцкизм превратился в прямое орудие подготовки войны против Советского Союза, когда для троцкистской клеветы против Коминтерна, ВКП и СССР открыты страницы реакционнейших органов буржуазной прессы, когда перо Троцкого, когда-то служившее рабочему классу, об'ективно превратилось в наемное перо худших врагов рабочего класса, наша партия не может потерпеть в своих рядах ни малейшего примиренчества к троцкизму.

В условиях нынешнего периода, когда укрепление союза с середняком, беспощадный отпор всем попыткам враждебных элементов поколебать этот союз являются необходимейшим условием разрешения тех задач поднятия сельского хозяйства, которые партия ставит себе, партия не может допустить какой бы то ни было неясности в коренном вопросе об отношении к середняку. Партия никому не позволит под прикрытием борьбы с правой опасностью контрабандным путем протаскивать гнилой антисередняцкий троцкистский товар.

Партия будет решительнейшим образом бороться со всеми попытками подрыва смычки с середняком, со всеми извращениями своей политики по отношению к середняку, со всеми фактами применения чрезвычайных мер, нарушения революционной законности и т. д. Партия организует самую широкую популяризацию нового закона

о сельскохозяйственном налоге среди крестьянских масс. Партия приложит все усилия, чтобы еще теснее об'единить вокруг себя бедняцко-середняцкие массы для поднятия сельского хозяйства и для борьбы с кулаком.

Московская губернская конференция и целый ряд других краевых, областных, губернских и республиканских конференций нашей партии прошли под знаком решительного одобрения генеральной линии нашей партии, под знаком решительной борьбы на два фронта с заострением главного внимание на правом уклоне и на колебаниях в сторону правого уклона.

Партия дала единодушный и решительный отпор этим колебаниям.

Итоги выборов в советы показывают, что широкие рабочие и крестьянские массы идут сплоченными рядами за партией и за ее генеральной линией. Все это дает твердую гарантию, что, сохраняя ясность социалистической перспективы, не теряя хладнокровия, не поддаваясь панике, укрепляя свое единство и сплоченность, укрепляя свою связь с массами, партия преодолеет все затруднения и сумеет обеспечить тот темп социалистического переустройства страны, который является жизненно необходимым для нас и который диктуется нам как интересами социалистического строительства внутри страны, так и неразрывно связанными с ними интересами революции в международном масштабе.

Е. Варга.

Десять лет кризиса капитализма.

Три теории существуют в оценке характера современного периода истории человечества: буржуазная, реформистская и марксистско-ленинская.

Буржуазная теория рассматривает капиталистический общественный строй как высшую, окончательную и совершенную форму общественных отношений. Поскольку при этом «наилучшем» общественном строе существует нужда и нищета, то они являются или следствием естественных и неискоренимых путем какого-либо изменения общественных форм причин (закон убывающего плодородия) или следствием того обстоятельства, что капиталистический общественный строй не охватил еще в чистом виде всего мирового хозяйства, существуют еще остатки феодального общественного строя (Оппенгеймер: крупное землевладение, как нечто чуждое в рамках капиталистического способа производства) и т. п.

Реформистская теория: капитализм не является совершенной и окончательной формой общественных отношений. Но раньше, чем капитализм сможет быть заменен высшей общественной формой—социализмом, весь земной шар должен быть охвачен капитализмом. Капиталистический общественный строй далеко еще не развил всех производительных сил, для чего он исторически предназначен. Поэтому предстоит еще длительный период расширения и под'ема капиталистического способа производства.

Марксистско-ленинская теория: капиталистический общественный строй уже выполнил свою историческую миссию. Развитые им производительные силы находятся в постоянном зияющем противоречии с капиталистическим способом производства, превратившимся в оковы для дальнейшего общественного развития. Достигнутая ступень развития производительных сил создает достаточный об'ективный базис для построения социализма. Свержение капиталистического общественного строя является актуальной задачей пролетариата.

Если мы будем рассматривать эти три теории с точки зрения практического действия, то исчезает разница между буржуазной и реформистской теорией, и друг другу противостоят только две теории: контрреволюционная и революционная теория. Это тем более верно, что между чистым видом буржуазной и реформистской теории существует бесчисленные промежуточные ступени. Общим для таких теорий является тот ход мыслей, что между капитализмом и социализмом нет резкой разницы, что в нынешнем состоянии капитализма содержатся элементы социализма, что эти элементы будут развиваться в лоне капитализма без революции и в конце концов будет иметь место мирное врастание в социализм.

В соответствии с противоположным характером реформистской и марксистско-ленинской теории в корне отлична и оценка в них мировой войны, обусловившей общий кризис капитализма. Буржуазно-капиталистическая теория рассматривает мировую войну как

историческую случайность, вызванную неправильной политикой монархов и милитаристов. При правильной политике никогда больше не будет войны. Гарантией против будущих войн является увеличивающееся переплетение экономических интересов всех стран, на основе чего создана Лига Наций, якобы международная организация мира. Место разбойнического империализма занимает мирный сверхимпериализм. Это не мешает, однако, капиталистам и реформистам быстрейшим темпом готовиться к новой мировой войне под предлогом необходимости защиты отечества. Есть и другая разновидность буржуазных теорий, которая утверждает открыто, что война является неизбежным средством осуществления национальных интересов, независимо от любого общественного строя.

Марксистско-ленинская теория рассматривает мировую войну, как выражение кризиса капитализма, как неизбежное следствие развития империалистических противоречий, как событие, которое раньше или позже должно было наступить при капиталистическом общественном строе даже при самых лучших суб'ективных намерениях государственных деятелей. Мы считаем неверной и лицемерной реформистскую теорию сверхимпериализма, будто на основе растущего международного переплетения интересов капитала может быть создана международная надгосударственная организация (Лига Наций), которая была бы в состоянии предотвратить войны. Эта идея находится в резком противоречии с законом скачкообразного и неравномерного развития капитализма.

Наиболее резко и практически действенно выступает различие между буржуазно-реформистской и марксистско-ленинской теорией в оценке нынешнего периода общественного развития. В соответствии со своей основной точкой зрения, что капитализму предстоит еще длительный период развития, капиталисты и реформисты рассматривают послевоенный период как простое «нарушение спокойствия», как последствие «случайного» события—мировой войны. Эти последствия, в том числе и создание диктатуры пролетариата в России, являются преходящими, случайными явлениями, по устранении которых будет продолжаться нормальный ход капиталистического развития. Отсюда отрицание социалистического характера общественного строя СССР. Революция в СССР рассматривается как крестьянская революция (Отто Бауер) или как господство насильнического меньшинства (Карл Каутский). Соответственно этому предсказывается или перерастание советской системы в капитализм, или насильственное свержение «захватнической власти большевиков». Из подобного мировоззрения неизбежно вытекает,—несмотря на попытки делать иногда обратные заверения,—контрреволюционная, антисоветская политика. Можно сказать и обратно: классовое положение сросшейся с буржуазией реформистской верхушки неизбежно ведет к созданию общего с буржуазией мировоззрения, лишь внешне облекаемого марксистской фразеологией, чтобы не вызвать раздражения рабочего класса.

Мы стоим на той точке зрения, что «умирающий капитализм», как Ленин охарактеризовал империализм, уже вошел в период своего общего кризиса, что с тех пор, как в России было свергнуто господство буржуазии и создана диктатура пролетариата, мы находимся в периоде заката капитализма, который в недалеком будущем приведет к полному свержению господства буржуазии и созданию социализма. То обстоятельство, что имеются еще обширные пространства земного шара с докапиталистическими общественными формами, еще мало затронутые капитализмом, ничуть этому не противоречит. Утверждать, что до свержения капиталистического общественного строя и начала строительства социализма весь мир должен стать равномерно-капиталистическим,—это значит извращать марксизм. Не

остатки старого, а *элементы нового, идущего к господству общественного строя в первую очередь определяют характер того или иного периода*. Когда Маркс 80 лет назад охарактеризовал тогдашний общественный строй как капиталистический, и как таковой его изучал, буржуазия находилась у власти лишь в одной части мира, и очень незначительная часть населения земного шара была охвачена непосредственно капиталистическим способом производства: подавляющее большинство составляли «независимые производители»—крестьяне, ремесленники. Тем не менее, было совершенно правильно и теоретически и с точки зрения классовой борьбы пролетариата определять эту историческую эпоху, как эпоху капитализма.

Точно так же теоретически совершенно правильно характеризовать переживаемый нами период, как период общего кризиса капитализма, хотя власть капитала свергнута лишь в одной стране и хотя в некоторых областях земного шара эта власть лишь развивается. История учит, что свержение одной общественной формы и замена ее другой не является одновременным актом на всем земном шаре.

Возьмем ближайшую аналогию: в 1649 г. в Англии произошла буржуазная революция. С полным правом можно поэтому говорить об этом периоде, как о периоде краха феодального общественного строя, хотя этот общественный строй еще до сих пор, спустя триста лет, господствует в некоторых областях земного шара. Само собой разумеется, эта историческая аналогия не должна быть истолкована в таком смысле, что и переход от капитализма к диктатуре пролетариата—социализму—потребует столетий. Ритм исторического развития ускоряется. Переход от феодального к капиталистическому общественному строю происходил гораздо скорее, чем переход от античного к феодальному строю. Переход от капитализма к социализму произойдет еще быстрее.

Стратегия буржуазии и реформистов в подготовке стабилизации.

Непосредственный опыт показывает нам, что, несмотря на общий кризис капитализма, многие миллионы пролетариев, которые по своему классовому положению должны принадлежать к лагерю революции, находятся в лагере реформистов, разделяют их мировоззрение и активно или пассивно поддерживают их контрреволюционную политику.

Идеологическая отсталость является достаточно общим явлением. Идеология изменяется соответственно изменению экономического базиса, но это изменение происходит *не одновременно*, *а с более или менее длительным опозданием*. Хотя изменение экономического базиса требует новой идеологии, старая идеология владеет большинством умов и превращается в контрреволюционную силу, мешающую революционному преобразованию соотношения производительных сил.

В нынешнем периоде мешает победе пролетарской революции прежде всего укоренившаяся идеология реформизма, имеющая свою базу в высоком материальном уровне рабочей аристократии, но держащая в своих сетях и широкие круги рабочего класса.

Потрясение господства буржуазии было наиболее глубоким непосредственно после окончания войны. Стихийное восстание широких народных масс против неслыханных страданий войны, глубокое потрясение народного хозяйства и развал государственного аппарата в побежденных странах глубоко потрясли капиталистический строй на европейском континенте. Реформисты, которые вместе с буржуазией, как активные контрреволюционеры, успокаивали восставшие широкие массы, опираясь на отсталость их идеологии, и вместе с буржуазией силой оружия сломили сознательный революционный

авангард, *изображают теперь результат их общей измены, состоящий во временном укреплении капиталистического господства, как доказательство правильности их контрреволюционной теории* о том, что капитализму предстоит еще длительный исторический период под'ема. То обстоятельство, что после победы буржуазии над пролетариатом жизненный уровень некоторых слоев рабочего класса несколько улучшился по сравнению с ужасными лишениями военного и революционного периода, выставляется как успех реформистов и как доказательство того, что и при капиталистической системе возможен под'ем материального уровня рабочего класса.

Основа сотрудничества буржуазии и реформистов, направленного к спасению капиталистической системы, в первые годы всеобщего кризиса заключалась в том, чтобы путем проведения уступок избегнуть стихийного восстания масс и выиграть время для восстановления аппарата власти, с помощью которого мог бы быть разбит сознательный революционный авангард пролетариата [1]). Буржуазия всех стран приносила «жертвы» для успокоения стихийного недовольства масс: введение 8-часового рабочего дня во Франции (в качестве пробной «премии» против социальной революции, как писал «Тан») и 7-часового рабочего дня в горной промышленности в Англии, общее страхование от безработицы в Англии и т. д. Наиболее далеко в этих уступках должна была итти буржуазия побежденных стран. Буржуазия этих стран, где капиталистический общественный строй был потрясен сильнее всего, *следовала тактике: временно «принести в жертву» все, лишь бы сохранить капиталистическую систему*. Она «жертвовала» монархией, она отказывалась даже от непосредственного распоряжения властью и выдвигала к власти социал-демократию. Старые *политические* требования пролетариата—всеобщее, равное, тайное избирательное право во все представительные учреждения, отмена верхней палаты, право союзов, собраний, свобода печати и т. д.—выполнялись или обещались, равно как и *социальные* требования—8-часовой рабочий день, социальное страхование, обратный прием на службу демобилизованных рабочих *в те предприятия, где они раньше работали*, независимо от того, имелась для них работа или нет. Рабочим на производстве предоставлялись большие права (фабзавкомы). Буржуазия проявляла большую уступчивость по отношению к требованиям об увеличении зарплаты. *Буржуазия отказывалась временно от привычных форм эксплоатации, лишь бы сохранить самую предпосылку эксплоатации в лице капиталистической системы*. Она успокаивала восставшие массы созданием «комиссий по социализации» и т. п. Идеологическая отсталость рабочих масс, которая была самым усердным образом использована изменническими лидерами реформистов, облегчила успех маневра буржуазии. «Социализм шагает»,—таков был лозунг плакатов и речей реформистов. Огромные массы пролетариата, которые видели свои давнишние (но в период общего кризиса капитализма и тогдашней непосредственной революционной ситуации совершенно *устаревшие*) требования осуществленными, а своих вождей сидящими на министерских постах, верили реформи-

---

[1]) Господство буржуазии в различных государствах было потрясено в различной степени. Меньше всего в САСШ и нейтральных государствах, сильнее в странах-победительницах и наиболее сильно в побежденных странах, где повсюду имели место политические перевороты—свержение монархий, уменьшение остатков феодализма. В некоторых государствах произошла пролетарская революция, которая, как в России (а временно также в Венгрии, Баварии и прибалтийских государствах) привела к свержению буржуазии.

стам, об'являвшим, что они осуществили победоносную бескровную революцию.

Но внешней форме нехватало классового содержания. Реформистские лидеры находились у руля правления, но пролетариат, как класс, не был у власти. Социал-демократы управляли, но служили буржуазии. Основа капитализма, частная собственность на средства производства—осталась неприкосновенной. Надломленный в результате поражения государственный буржуазный аппарат не был сломлен: наоборот, он был оживлен и укреплен путем включения в него реформистских лидеров, использовавших в интересах буржуазии влияние стоящих за ними рабочих организаций. То, что рабочим массам казалось победой,—ее лидеры были президентами, министрами, статс-секретарями,—в действительности, было победой буржуазии. Лидеры буржуазии и их реформистские лакеи об'единились, чтобы предупредить создание диктатуры пролетариата.

Совместный маневр буржуазии и реформистов оказался успешным. Буржуазия не напрасно принесла жертвы. Реформисты выиграли необходимое время, чтобы направить стихийное недовольство широких масс в «установленное русло». Буржуазия выиграла необходимое время, чтобы восстановить свой разгромленный аппарат власти опять-таки при активной помощи реформистов.

Они могли совместно приступить к задаче ликвидации уступок, сделанных буржуазией, чтобы снова сделать возможным использование капитала, получение прибавочной стоимости, которое являлось и является основной целью буржуазии. В этом деле буржуазия поступала с большой осторожностью. Общая схема ее борьбы против пролетариата заключалась в следующем: вместе с реформистами буржуазия подавляла попытки революционного авангарда, руководимого коммунистами, превратить кажущуюся победу пролетариата в подлинную пролетарскую революцию. После каждого частичного поражения пролетарского авангарда, буржуазия брала обратно часть уступок, сделанных в период окончания войны, чтобы удержать восстание пролетариата. Она брала их обратно по частям, чтобы не дать вспыхнуть с новой силой скрытому общему недовольству пролетариата.

Общая причина победы буржуазии над пролетариатом в период непосредственной революционной ситуации, победы, создавшей базу для частичной стабилизации, заключалась в полном отсутствии и слабости компартий, которые не были достаточно сильны, чтобы преодолеть питаемую реформистами идеологическую отсталость и организованно повести большинство рабочего класса в бой под своим руководством.

Об'ективные и суб'ективные предпосылки революции развиваются противоречиво и неравномерно. Об'ективные предпосылки имелись в максимальной степени в момент военного краха. Но важнейшая суб'ективная предпосылка победоносной пролетарской революции—компартия—находилась в организационном и идеологическом отношении в стадии образования. Она быстро окрепла в борьбе с буржуазией. Но ее укрепление ни в один из моментов этого исторического периода не шло настолько быстро, чтобы перегнать одновременно происходившую консолидацию сил буржуазии и чтобы повести революцию к победе при ухудшившихся об'ективных предпосылках. Таким образом, буржуазии при помощи реформистов удалось справиться с непосредственной революционной ситуацией, разгромить авангард пролетариата и создать тем самым классовую основу для стабилизации. Но стабилизация не означает окончания общего кризиса мирового капитализма, а лишь временный перерыв в той непосредственно революционной ситуации, при которой возможна была сулящая успех борьба за завоевание власти.

Кризис капиталистического мирового хозяйства.

Механизм, при помощи которого буржуазии удалось преодолеть непосредственный революционный кризис после окончания войны и создать основу для стабилизации, как мы видели, сравнительно прост и ясен. Гораздо труднее выявить основные черты изменения экономической базы этого периода. Это настолько трудно, что даже Зомбарт, один из выдающихся буржуазных экономистов, отказывается от попытки дать анализ послевоенного периода. Он пишет:

«Если бы я подверг исследованию и военные и послевоенные годы, то моя работа распылилась бы, растеклась бы по песку, потонула бы в тумане, ибо она не могла бы завершиться никаким определенным выводом. И прежде всего: всякая цифра, всякие данные, относящиеся к 1926 г., не имели бы уже никакого значения в 1927 г. После 1914 г. каждый год является совершенно произвольно взятым моментом, при чем с тем же успехом за исходный пункт можно было бы взять любой другой год» [1]).

Мы, борющиеся марксисты, разумеется, не можем стать на такую ликвидаторскую по отношению к экономической науке позицию. Анализ, данный Коммунистическим Интернационалом на его шести конгрессах, дает нам возможность взглянуть ретроспективно на картину мирового хозяйства в период заката капитализма. Это действительно быстро меняющаяся картина.

Структуру капитализма XIX века легко обозреть. Вокруг западноевропейского ядра промышленных мастерских мира группируются остальные части земного шара, отстающие в своем социальном развитии. Западная Европа снабжает остальной мир промышленными товарами и капиталом и получает в обмен средства питания и сырье. Она владеет обширными колониальными территориями. Полученная там сверхприбыль служит отчасти для создания рабочей аристократии, которая является опорой капиталистического владычества. Имманентные противоречия капитализма выражаются в периодически возвращающихся, более или менее равномерно охватывающих все капиталистические страны экономических кризисах. Эти кризисы разрешают временно противоречия в рамках капитализма таким образом, что после каждого кризиса становится возможным более высокое развитие и распространение капиталистического способа производства [2]).

Это относительно мирное и относительно (по сравнению с империализмом) равномерное развитие капитализма сменилось в начале XX столетия скачкообразным развитием капитализма прежде всего Германии как империалистической державы. (Такое же скачкообразное развитие Соед. Штатов не стало тогда осью столкновения, так как оно протекало еще по преимуществу в форме капиталистического захвата естественных богатств собственной страны). Попытка германской буржуазии создать себе колониальную мощь, соответствующую ее экономическим силам, выразившаяся в стремлении проникнуть в Переднюю Азию (жел.-дор. линия Берлин—Багдад), между

[1]) См. стр. 12 вступления к «Позднему капитализму», Дункер и Гумбольдт, 1927 г.

[2]) Принципиальная разница между периодически возвращающимися кризисными фазами в промышленном цикле, сопровождающими жизнь капитализма с момента его рождения до полного заката, и общим кризисом капитализма, вызванным войной, заключается именно в том, что последний не нашел разрешения внутри капиталистической системы и привел к взрыву капиталистического фронта, к свержению власти буржуазии в России.

северо-азиатским царским империализмом и южно-азиатской английской колониальной империей, привела к союзу этих двух обычно враждебных друг другу империалистических держав, об'единившихся с целью разбить развивающийся германский империализм до того, как он окончательно окрепнет. Во время мировой войны эта цель действительно была достигнута, но ценой свержения власти буржуазии в России и глубокого потрясения этой власти в других европейских странах.

Отдельные национальные экономические системы вышли из мировой войны в различном состоянии. С.-А. Соед. Штаты, Япония и некоторые нейтральные государства—с укрепившимся производственным аппаратом, увеличившимися запасами золота, но с уменьшившимися запасами товаров, что, понятно, не означает, что они не подчинены всеобщему кризису капитализма. Из воевавших государств страны Антанты, сохранившие связь с мировым рынком, хотя и сильно пострадали от неимоверного непродуктивного потребления во время войны, однако, были спасены от непосредственной нищеты заокеанскими поставками. Центральная и Восточная Европа, вплоть до Азии, полностью обнищала. Запасы товаров и средств питания совершенно иссякли, и возможность дальнейшего их производства была весьма проблематичной в виду восстания трудящихся масс. Ситуация была следующим образом определена первым конгрессом Коминтерна:

«Уничтожение капиталистического порядка и капиталистической дисциплины труда делает невозможным при данном соотношении классовых сил восстановление производства на прежней основе. Колоссальная борьба рабочих всех стран за увеличение зарплаты и т. д.» [1]).

«Разложение капиталистической системы и капиталистической трудовой дисциплины делает невозможным при данных междуклассовых отношениях восстановление производства на прежнем базисе...

Энергичные бои рабочих за увеличение заработной платы в странах, положение которых явно безнадежно, благодаря своему стихийному ожесточению и тенденции к превращению во всеобщие делают невозможным развитие капиталистического производства...

Чтобы поднять производительные силы хозяйства, чтобы как можно скорее сломить сопротивление буржуазии, которая затягивает агонию старого общества и тем самым создает опасность полного разрушения хозяйственной жизни, пролетарская диктатура должна осуществить экспроприацию крупной буржуазии и дворянства и сделать средства производства и транспорта общественной собственностью пролетарского государства.

Коммунизм рождается теперь из развалин капиталистического строя; другого выхода история не дает человечеству». (Платформа Коммунистического Интернационала, принятая I конгрессом Коминтерна).

Это противоречие было непосредственно после войны частично преодолено путем поставки в кредит товаров С.-А. Соед. Штатами Европе. Но, когда в начале 1920 г. Соед. Штаты приостановили предоставление кредитов, то следовавшая непосредственно после войны мнимо высокая кон'юнктура пришла к быстрому концу, и внутри общего кризиса капитализма возникла новая кризисная фаза, охватившая весь капиталистический мир и отличавшаяся такой глубиной и силой, какой никогда не испытывал «нормальный» капитализм. Вздутые во время войны цены упали в золотом выражении наполовину. Накопление приостановилось. Потребление превысило сократившееся производство, что выразилось в колоссальной инфляции, охватившей всю Европу. Инфляция привела к краху как национальной, так и международной кредитной системы. Внешняя торговля сократилась. Выявились

[1]) См. тезисы Ком. Интернационала, принятые I конгрессом в Москве (2—6 марта 1919 г.).

тенденции возвращения к натуральному обмену и к докапиталистическим формам хозяйства: крестьяне частично вернулись к замкнутому домашнему хозяйству, они производили лишь то, что потребляли, и лишь столько, чтобы удовлетворить свои домашние нужды. Капиталистическое мировое хозяйство, как целое, распалось. Капиталистические связи ослабли [1]), между классами воздвигались баррикады.

Многие коммунисты утверждали тогда, что наступил конец господству буржуазии, так как буржуазия не может найти никакого выхода из кризиса. Ленин поднял свой предостерегающий голос против переоценки значения благоприятного об'ективного положения и подчеркнул величайшее значение суб'ективного фактора, в особенности работы коммунистов. Он сказал: «...Иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции» [2]).

Мы видим: раньше, чем кто бы то ни было, Ленин предвидел возможность стабилизации.

Историческая роль инфляции в подготовке стабилизации.

Одним из наиболее интересных проявлений диалектики в экономике является тот факт, что инфляция, вызванная расстройством мирового хозяйства—элемент общего кризиса капитализма—в то же время стала важным элементом в подготовке стабилизации.

Мы видели, что буржуазия с целью избежать стихийного восстания пролетариата шла на столь далеко идущие уступки, что «нормальное» производство прибавочной стоимости временно приостановилось.

Историческая функция инфляции заключалась в том, чтобы сделать возможным получение прибавочной стоимости особым путем. Инфляция привела к новому распределению прибылей в пользу крупной буржуазии за счет пролетариата, рантье и мелкой буржуазии.

Инфляция автоматически снизила реальную зарплату пролетариата. Материальные достижения революции отнимались у пролетариата путем инфляции. Одновременно при помощи реформистов внимание пролетариата отвлекалось от больших революционных проблем к ставшим необходимыми в виду инфляции ежедневным переговорам о зарплате: «Революция растворилась в движении зарплаты», как охарактеризовал Гильфердинг исторический смысл событий, не понимая их, или не желая их понять.

Инфляция означала экспроприацию имущества и доходов рантье в пользу крупной буржуазии, превращавшей свое состояние в материальные

[1]) См. Е. Варга. «Кризис капиталистического мирового хозяйства». 1921 г.; Е. Варга, «Период заката капитализма», 1922 г.

[2]) Речь о международном положении на втором конгрессе Коминтерна (XXV, стр. 340).

ценности. Промышленный капитал освободился, таким образом, непосредственно от необходимости отдавать рантье часть своих прибылей в виде процентов на ссудный капитал; а посредственно—благодаря обесценению государственных и коммунальных ценных бумаг, от необходимости уплачивать из своих прибылей налоги для оплаты процентов, долгов, и, таким образом, от необходимости содержать рантье [1]).

Одновременно происходил процесс экспроприации мелкой буржуазии (ремесленников, мелких торговцев). В то время, как крупные капиталисты продавали товары по ценам, исчисленным в золоте и иностранной валюте, мелкая буржуазия по старой привычке продавала по покупной цене плюс средняя прибыль, исчисленная в бумажной валюте, а потому с каждым оборотом своего капитала она становилась все беднее и беднее [2]).

Крупные капиталисты переложили таким образом бремя кризиса в значительной части на средние слои, на независимых производителей, заставляя их продавать по ценам ниже золотого паритета. Присвоение прибавочной стоимости капиталом было, таким образом, путем инфляции восстановлено хотя и на «ненормальной», временно колеблющейся основе. Таким образом, при помощи инфляции крупная буржуазия могла обеспечить себе значительно большую долю ежегодно уменьшавшейся продукции, чем при стабильной валюте.

Инфляция позволила одновременно буржуазии вовлечь в борьбу против пролетариата новые элементы. Раздражение последовательно экспроприируемых рантье, мелких буржуа и чиновников (жалованье которых еще менее шло в ногу с инфляцией, чем зарплата рабочих) направлялось путем искусной пропаганды против «нуво-ришей», военных спекулянтов, против «еврейских спекулянтов», против «ленивых, постоянно бастующих рабочих». Так инфляция положила начало организации фашистского движения, дала возможность буржуазии организовать, помимо государственного аппарата власти, классовую армию против пролетариата, с помощью которой она в союзе с реформистами сперва в ряде боев разгромила революционный авангард пролетариата, а последовавшим затем угнетением всего рабочего класса создала социальную предпосылку для стабилизации.

Само собой разумеется, что в обогащающей крупную буржуазию инфляции имеется диалектический поворотный пункт, когда инфляция становится опасной и для буржуазии. Если рента уже экспроприирована, независимые производители или разорены или перешли по примеру крупной буржуазии к исчислению цен в золоте, то преимущество инфляции для буржуазии исчерпано. Остается лишь ущерб: дезорганизация капиталистических отношений, непрекращающаяся борьба рабочих и т. д. Поэтому, после победы над рабочим классом, которая составляет социальную предпосылку стабилизации, буржуазия приступает к стабилизации валюты, являющейся необходимой (но не единственной и достаточной) предпосылкой нормального обращения, а тем самым и продукции.

[1]) При этом мы имеем дело с огромными суммами. По моему подсчету, приносящий ренту капитал в Германии (займы общегерманские, отдельных государств и общин, облигации акционерных о-в и земельных кредитных учреждений, вклады в сберегательные кассы) составлял до войны 69 млрд. марок, а доля прибылей ссудного капитала 3—4 млрд. ежегодно. Доход от рентного капитала был экспроприирован в Германии, Польше, Австрии и Венгрии почти полностью, во Франции на 50%, в Италии на 75%. Лишь Англия и маленькие нейтральные государства пошли по пути ревалоризации, восстановления номинальной стоимости золота в валюте, из специальных соображений, на которых мы здесь не можем останавливаться. Дефляционная политика играла немалую роль, как причина хронического кризиса английской промышленности.

[2]) Крупная буржуазия, как бы считаясь с возмущением масс по поводу лихорадочно скачущих цен, вынуждала путем соответствующего законодательства мелкую буржуазию применять это абсурдное при падающей валюте исчисление цен.

Стабилизация капитализма.

Немедленно по окончании войны в мировой экономике обнаружились силы, приступившие к преодолению кризиса. Уже в 1922 году я сделал попытку систематизировать эти силы [1]). Я писал тогда:

«Исследуя хозяйственные условия последних трех лет, мы устанавливаем наличие определенных тенденций и стремлений преодолеть мировой хозяйственный кризис. При этом мы можем различать две категории: иммаментные тенденции и сознательные хозяйственно-политические стремления. Под имманентными тенденциями я подразумеваю действия, совершаемые отдельными суб'ектами капиталистического хозяйства в их частнохозяйственных интересах. Эти действия в своей совокупности составляют тенденцию к преодолению хозяйственного кризиса... Под сознательными же стремлениями я подразумеваю такие действия государства и отдельных хозяйственных групп, такие требования последних, которые сознательно преследуют цель преодоления кризиса».

Отдельные частнохозяйственные элементы таковы:

Сокращение продукции в районах перепроизводства, где нет достаточного сбыта для продуктов чрезмерно развитого производственного аппарата; расширение продукции в районах недостаточного производства, как только первое поражение рабочего класса делает возможным получение прибыли. Обе эти меры в совокупности выражаются в тенденции преодолеть распад мирового хозяйства на район перепроизводства и район недостаточного производства.

Огромнейший рост государственных долгов вызвал к жизни гигантское противоречие между формально гарантированными правами владельцев государственных облигаций на доход, размер которого превышал величину всего общественного продукта, и между вызванным войной обнищанием. Обесценение валюты в результате инфляции устранило это противоречие и заставило прежних рантье снискивать пропитание собственным трудом.

Недостаток капитала в обедневших странах и избыток его в богатых районах перепроизводства делали выгодным для отдельных капиталистов переносить капитал в обедневшие районы, где процентная ставка, а после поражения рабочих и норма прибыли были выше. Это вызванное различием в норме прибыли и продиктованное частнохозяйственными интересами отдельных капиталистов перемещение капитала сильно содействовало возможности стабилизации.

Конкуренция на мировом рынке влекла за собой анархическое частичное уничтожение излишних средств промышленного производства, сокращение сельскохозяйственной продукции в богатых заокеанских странах (С.-А. Соединенные Штаты) [2]) и расширение сельскохозяйственной продукции в Европе благодаря тому, что вследствие инфляции ввозные американские продовольственные продукты, обходились очень дорого. Это создавало тенденцию к восстановлению нового, хотя и весьма неустойчивого равновесия в мировом капиталистическом хозяйстве.

Из сознательных хозяйственно-политических стремлений и мероприятий по преодолению острого кризиса наиболее важным явился план Дауэса и содействие американского и английского капитала в деле стабилизации сперва германской, а затем всех прочих

[1]) Второе издание моей книги «Кризис мирового капиталистического хозяйства», главы VIII—IX.

[2]) Аграрный кризис был последствием того обстоятельства, что после заключения мира продукты сильно развившегося во время войны сельского хозяйства Америки не находили сбыта в обедневшей Европе. Кризис американских фермеров был вызван тем, что земельная рента была установлена на высоком военном уровне.

европейских валют. С частнохозяйственной точки зрения это «содействие» явилось блестящей сделкой для предоставивших заем капиталистов. Для капиталистического же общества в целом оно представляло собою средство обороны против дальнейшего распространения пролетарской революции, в то же время расширение возможностей сбыта товаров в Европе, которая, благодаря оздоровлению своих финансов, стала вновь платежеспособной, и, наконец, содействие развитию продукции в Европе[1]). Что же касается отдельных государств, то для них главную роль сыграли запреты вывоза и ввоза, запретительные пошлины и т. д.

С теоретической точки зрения, однако, *важно* не содержание отдельных стремлений и мероприятий, но *тот факт, что параллельно борьбе против пролетариата, переплетаясь с нею, со времени окончания войны в направлении преодоления остро-революционной ситуации действуют и экономические силы.*

В начале этого процесса не все были в состоянии провести последовательное разграничение между общим кризисом капитализма и тяжелым, но, по существу, кон'юнктурным кризисом, последовавшим за периодом высокой кон'юнктуры, имевшим место непосредственно по окончании войны и в значительной степени являвшимся лишь периодом мнимой кон'юнктуры. Хозяйственный кризис и сопутствовавшее ему огромное падение цен повели, с одной стороны, к массовой безработице, а с другой—в странах со стабильной или относительно устойчивой валютой ко временному сильному повышению реальной заработной платы рабочих, поскольку последние вообще имели работу. Этим путем единая армия пролетариата была расчленена. Хотя хозяйственный кризис и повлек за собой роковые экономические последствия для более слабых в хозяйственном отношении предприятий, но в социальном отношении он укрепил позиции крупной буржуазии. В тот момент, однако, казалось, что хозяйственный кризис поведет непосредственно к свержению буржуазии.

Отождествление хозяйственного кризиса с общим кризисом капитализма проявилось наиболее резко в работах III конгресса Коминтерна. Что касается самых тезисов, то они, ссылаясь на поражение Красной армии под Варшавой, на поражение итальянских рабочих осенью 1920 г. и германских в марте 1921 года, ставят основной вопрос вполне правильно[2]):

«В какой мере новое политическое взаимоотношение буржуазии и пролетариата соответствует более глубокому соотношению сил? Действительно ли буржуазия близка к восстановлению социального равновесия, нарушенного войной? Есть ли основания полагать, что на смену эпохе политических потрясений и классовых боев идет новая длительная эпоха восстановления и роста капитализма? Не вытекает ли отсюда необходимость пересмотра программы или тактики Коммунистического Интернационала?»

На основании анализа мирового положения в 18-м пункте дается отрицательный ответ на этот вопрос:

«В области производства, торговли и кредита, — притом не только в европейском, но и в мировом масштабе, — нет, следовательно, никаких оснований говорить о восстановлении сколько-нибудь устойчивого равновесия после войны».

---

[1]) В соответствии с антагонистическим характером капиталистического способа производства это обстоятельство впоследствии—в «третьем периоде»—превратилось в свою собственную противоположность и обострило новые противоречия периода упадка.

[2]) Тезисы о мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала. Пункт 3.

В противоположность этому целый ряд товарищей защищал «левую» точку зрения и доказывал, что тогдашний хозяйственный кризис являлся конечным кризисом капитализма и должен был быть использован для немедленного наступления и завоевания власти[1]). Напротив, тезисы устанавливают (40-й пункт) возможность *фазы под'ема* капитализма:

«... Этот факт ни в каком случае еще не означал бы наступления «органической» эпохи. До тех пор, пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости».

Лишь 4 года спустя, в начале 1925 года, процесс преодоления буржуазией непосредственно революционной ситуации был уже настолько очевиден, что расширенный пленум Исполкома Коминтерна открыто констатировал это и *определил вновь создавшееся положение как «стабилизацию капитализма»*, сопроводив, правда, слово стабилизация различными ограничительными эпитетами, в роде «временная», «частичная», «неустойчивая», «гнилая».

Необходимость применить столько различных ограничительных эпитетов показывает, что само это выражение—«стабилизация капитализма»—неудачно. Имелась и имеется опасность смешения стабилизации со «стабильностью», с устойчивостью, а также опасность того, что стабилизация будет воспринята или истолкована, как конец периода упадка капитализма, в то время, как она является лишь одной из фаз последнего. Капиталистический строй и при «нормальных» условиях принципиально несовместим с «устойчивостью». С *экономической* точки зрения капиталистическому способу производства всегда присущи противоречия, которые находят временное разрешение в периодически возвращающихся хозяйственных кризисах, но немедленно начинают развиваться на новой, более высокой ступени. С *социальной* точки зрения капиталистический способ производства вовсе не является стабильным, устойчивым, сохраняющим наличное соотношение классовых сил. Напротив, он является таким общественным строем, который с самого своего начала ведет к своей собственной гибели, ибо в процессе своего развития, вследствие экспроприации независимых производителей, централизации и концентрации, он неизбежно суживает круг слоев общества, заинтересованных в его существовании, и в то же время увеличивает численность, организует и концентрирует в гигантские армии массы эксплоатируемых пролетариев, своих «могильщиков». В то же время существует огромное различие между довоенным периодом и еще гораздо более противоречивым периодом так наз. стабилизации. *«Стабилизация» часто ошибочно воспринималась и истолковывалась как конец периода упадка, как безоговорочное возвращение к условиям довоенного времени.* Такой взгляд совершенно неправилен. Он упускает из виду огромные изменения, происшедшие в мировом капиталистическом хозяйстве (позднее мы будем говорить о них подробно).

В чем отличие фазы стабилизации от предшествовавшей фазы?

Остро-революционная ситуация миновала. Позиция буржуазии, как господствующего класса, укрепилась. Социальной предпосылкой стабилизации, как мы уже указывали, явились неоднократные поражения революционного авангарда, который не был в состоянии мобилизовать под своим руко-

---

[1]) От имени «левых» выступали главным образом Тальгеймер, Фрисланд, Фрелих, Вольфштейн и др. Все эти лица стоят в настоящее время вне Коминтерна, а некоторые, как, например, Фрисланд уже несколько месяцев спустя очутились в соц.-дем. лагере. Это далеко не случайность! Отрицая возможность какой бы то ни было временной стабилизации, эти лица показали, что они готовы бороться за революцию лишь при наличии надежды на быстрый успех. В противном случае они предпочитают вернуться в ряды с.-д. хотя бы лишь идеологически

водством большинство рабочего класса против буржуазии. Экономической предпосылкой явилось восстановление присвоения капиталом прибавочной стоимости, а тем самым накопления и расширенного воспроизводства; с другой стороны, стабилизация валюты и в результате последней быстрое повышение, по сравнению с периодом инфляции, жизненного уровня той части пролетариата, которая находит применение в трудовом процессе. Это повышение жизненного уровня шло рука об руку с удлинением рабочего дня, с восстановлением капиталистической дисциплины в предприятии, с ростом интенсивности труда, с повышением нормы эксплоатации, несмотря на повышение реальной заработной платы. Все это создавало условия для отхода широких пролетарских масс от непосредственной борьбы за завоевание власти.

Когда Коминтерн установил наличие стабилизации капитализма, все эти социальные и экономические процессы еще совершались. Стабализация была названа «частичной», ибо консолидация господства капитала не совершилась еще во всех странах, ибо продукция не везде еще достигла довоенного уровня и т. д. Она была названа «временной», «неустойчивой», «гнилой» для того, чтобы в противовес реформистской теории о предстоящем длительном мирном под'еме капитализма подчеркнуть противоречия и ослабление капиталистической системы.

„Третий период“.

Шестой конгресс пошел в своем анализе еще дальше и установил, что общий кризис капитализма вступил опять в новую фазу, для которой характерны как положительные, так и отрицательные моменты. Наиболее важные положительные для капитализма моменты таковы:

В области техники: быстрое развитие техники, «которое в нескольких странах: в С.-А. Соед. Штатах, в Германии, принимает характер технического переворота». С этим связан огромный рост производительности труда.

В области продукции: продукция капиталистической части мирового хозяйства (подобно продукции Советского Союза) перешагнула довоенный уровень.

С организационной точки зрения: огромное развитие национальных и международных монопольных организаций (картелей, трестов, концернов) и тенденций к государственному капитализму.

С экономической точки зрения: сильное накопление и расширенное воспроизводство при одновременном распространении капиталистического способа производства на отсталые раньше области—Южную Америку, Китай, Африку. Позиция Европы, являвшейся раньше очагом революционного кризиса, относительно укрепилась в рамках мирового хозяйства[1]). Норма эксплоатации повысилась в результате связанного с рационализацией повышения интенсивности труда.

Мы не намерены подвергнуть здесь эти положительные моменты более детальному рассмотрению. Но для того, чтобы иллюстрировать рост продукции, мы приведем сводную таблицу, которая характеризует весь исторический период со времени окончания войны. К сожалению, в виду различий в качестве, нет статистики производства готовых изделий, а существует лишь статистика продукции сырья. Точность этих статистических данных невелика, но они дают все же в общем и целом правильную картину развития. Можно предположить, что продукция готовых изделий развивается параллельно производству сырья, хотя и с небольшими различиями во вре-

---

1) Идея Троцкого о том, что «С.-А. Соединенные Штаты посадят Европу на паек», оказалась совершенно ошибочной.

мени; далее, в настоящее время, в результате рационализации и скачкообразного развития химической промышленности, из одинакового количества сырья, топлива и вспомогательных материалов добывается бо́льшее количество готовых изделий одинаковой потребительной стоимости, чем до войны, так что действительный рост продукции предметов потребления, по сравнению с довоенным временем, выше, чем об этом можно было бы судить на основании приведенной ниже таблицы.

Таблица эта такова:

Важнейшие данные о мировой продукции [1]).

		В миллионах единиц				
		1909—13	1921	1920—24	1925—27	1928 [6])
		В среднем в год				
Предметы продовольствия:						
Пшеница [2])	тонны	82,2	75,2	88,7	92,3	**100,8**
Рожь [2])	тонны	26,1	13,8	21,1	22,8	**23,4**
Ячмень [2])	тонны	28,7	16,7	27,6	30,4	**35,8**
Овес [2])	тонны	52,1	39,2	52,0	54,8	**57,6**
Маис [2])	тонны	102,9	87,4	108,0	109,4	**114,0**
Рис	тонны	77,5	74,2	83,2 [4])	85,1	—
Картофель [2])	тонны	128,6	67,8	128,8	137,1	**141,0**
Свекловичный сахар [2])	тонны	69,7	48,8	57,0	72,8	**77,2**
Тростниковый сахар	тонны	96,0	115,5	139,0	160,8	**166,0**
Текстильное сырье:						
Хлопок	тонны	4,84	3,0	4,33	5,6	**5,1**
Шерсть	клгр	1463,0	—	1249,0 [5])	1367,0 [7])	—
Шелк	клгр	29,2	—	38,2	47,3	—
Искусственный шелк	клгр	14,1 [3])	—	49,4 [5])	105,5	**158,0**
Каучук	клгр	114,0 [3])	298,0	303,0	578,6	**620,0**
Топливо:						
Каменный уголь	тонны	1098,0	993,0	1126,0	1215,6	**1238,0**
Нефть	баррели	385,0	766,0	869,0	1137,0	**1279,0**
Металлы:						
Чугун	тонны	68,3	38,0	58,9	80,3	**86,5**
Сталь	клгр	65,2	44,4	68,4	94,8	**107,2**
Медь	клгр	1030,0 [3])	552,9	1015,0	1481,3	**1692,0**
Свинец	клгр	1194,0 [3])	898,0	1084,0	1584,6	**1620,0**
Цинк	клгр	976,0 [3])	434,0	760,0	1227,0	**1404,0**
Олово	клгр	133,0 [3])	94,5	128,0	152,0	**180,0**
Алюминий	клгр	63,0 [3])	75,6	122,0	201,0	—
Золото	клгр	768,0 [3])	497,0	525,0	597,6	**606,0**
Серебро	клгр	6964,0 [3])	5334,0	6467,0	7474,0	—
Судоходство:						
Тоннаж спущенных на воду судов	тыс. тонн	3333,0 [3])	4452,0	3312,0	2051,3	**2693,0**

Для хлебов учтена лишь продукция тех государств, которые обладают сельскохозяйственной статистикой. Поэтому в таблицу не вошли данные о Китае, играющем особенно крупную роль в продукции риса. Вообще, данные о продукции хлебов несравненно менее надежны, чем цифры, относящиеся к промышленной продукции.

---

1) Источники таблицы: «International Statistical Year-Book», 1927 г.; «International Year-Book of Agricultural Statistics», 1926/27. Для 1928 г., а частично и для 1927 г.—журналы и газеты. 2) Без СССР. 3) 1913 год. 4) 1912/13 г. 5) 1922/24 г. 6) Предварительные данные. 7) 1925/26 г.

Мы видим следующее:

а) В то время как до стабилизации, в период 1920—24 гг., продукция важнейших товаров (хлопок, шерсть, чугун, медь, свинец, олово, цинк) была еще ниже довоенного уровня, за последние годы она повсюду превысила уже довоенный уровень. Успех стабилизации обнаруживается наиболее ярко, если сравнить данные о производстве в 1921 году с данными за 1928 год.

б) За последние годы особенно возросла продукция сырья для отраслей, производящих средства производства. Так, производство стали и меди на 60% превысило в 1928 году довоенный уровень. Этот факт свидетельствует о сильном расширении производственного аппарата в процессе рационализации.

в) По сравнению с довоенным временем, население земного шара возросло на 6—8%. Поэтому, если считать на голову населения, то рост продукции продовольствия и текстильного сырья меньше, чем показывают абсолютные данные приведенной выше таблицы.

Переходим к наиболее важным отрицательным (с точки зрения капитализма) моментам «третьего периода». Эти моменты отличают капитализм сегодняшнего дня от довоенного капитализма и придают первому характер периода упадка, несмотря на превышение довоенного уровня в области продукции, несмотря на быстрое развитие германского капитализма за последние годы, несмотря на все еще продолжающийся под'ем капиталистического хозяйства в С.-А. Соед. Штатах, несмотря на развитие капитализма во многих осталых странах.

С точки зрения методологии мы должны здесь прежде всего подчеркнуть следующее: все неизбежно ведущие к свержению капитализма внутренние противоречия капиталистического общества вообще, как их установил Маркс, и периода империализма в частности, как их установил Ленин, продолжают свое дело попрежнему и в период упадка. Всех этих моментов мы касаемся здесь лишь в тех случаях, когда обострение приняло такие размеры, что его можно считать качественно новым, характерным именно для периода упадка капитализма. С этими оговорками можно установить следующие главные моменты кризиса капитализма в «третьем периоде»:

1) Продолжающееся социалистическое строительство в Советском Союзе.

2) Продолжающаяся борьба колоний против империалистического гнета и эксплоатации.

3) Обострение противоречий между возможностями продукции и сбыта.

4) Продолжающееся распространение структурной хронической безработицы.

5) Обострение империалистических противоречий, неизбежно ведущее к новой мировой войне во имя передела земного шара.

Теперь коснемся каждого из этих моментов в отдельности:

1) Мы указывали уже, что кризис, развившийся во время мировой войны, отличался от всех прежних кризисов тем, что он не нашел разрешения внутри капиталистической системы, но взорвал эту систему и повел к свержению буржуазии в России, к пролетарской диктатуре в СССР. Но в первые годы пролетарской власти, когда в СССР к последствиям войны присоединились издержки революции, когда наступил голод и хозяйственный развал, тогда враги могли еще утверждать, что, хотя пролетариат в исключительных случаях достаточно силен для того, чтобы свергнуть власть буржуазии, но он не способен овладеть созданными капитализмом современными средствами производства, не говоря уже о том, чтобы построить социализм; поэтому диктатуру пролетариата в СССР следует, якобы, рассматривать лишь как преходящее последствие войны, которое будет ликвидировано тем или иным образом. Ныне, после великих успехов социалистического строительства нельзя уже оспаривать способности пролетариата овладеть и развивать современные средства производства. Если принять за исходный пункт год наибольшего упадка хозяйства, то ни одна капиталистическая страна не показала такого под'ема, как СССР. Если имеются трудности, то источник их коренится именно в той отрасли народного хозяйства, в сельском хозяйстве, в которой средства производства находятся не в распоряжении рабочего класса, а в распоряжении крестьянства! Эти затруднения вовсе не являются доводом против творческой силы пролетариата в деле построения социализма. Они свидетельствуют лишь о трудности перевести особенно сильные в СССР остатки частного крестьянского хозяйства на рельсы созидающегося планомерного социалистического хозяйства. Несмотря на бешеную кампанию клеветы со стороны реформистов, правильное представление об СССР проникает во все более и более широкие слои мирового пролетариата. Существование Советского Союза является поэтому фактором, революционизирующим широчайшие слои пролетариата, томящегося еще под властью капитала.

Для мировой буржуазии наиболее актуальным лозунгом явилась бы поэтому война против СССР, предпринятая общими силами во имя свержения пролетарской диктатуры и восстановления власти буржуазии. Действительно, буржуазия готовится к этой войне самым энергичным образом. Но она колеблется перейти в наступление, ибо она боится, в связи с войной, пролетарской революции в своих собственных странах. Ибо существует опасность, что на государства, ослабленные войной против СССР, могут напасть оставшиеся нейтральными другие империалистические хищники. Ибо находящиеся в непосредственном соседстве с СССР небольшие государства опасаются, что восстановление капиталистического режима в России повлекло бы за собой для них новый гнет со стороны российского империализма...

2) Антиимпериалистическая борьба колониальных народов за свободу колеблет основы классового господства буржуазии в метрополиях, затрудняет возможность подкупа части рабочего класса за счет колониальных сверхприбылей. Эти факты известны всем читателям, мы не будем поэтому распространяться о них.

3) Противоречие между производительной и потребительной силой общества составляет общее явление капиталистического строя, а не характерную особенность периода упадка. Но никогда еще противоречие это не было столь глубоким, как в настоящее время! До войны это противоречие преодолевалось путем расширения капиталистического рынка сбыта. На внутреннем рынке это происходило путем вовлечения в сферу капитализма независимых производителей, в первую очередь крестьянства, путем замены продуктов домашней крестьянской промышленности (прядение, ткачество, дубление, изготовление домашной утвари и т. д.) изделиями капиталистических фабрик. Этот процесс давал возможность единовременно, так сказать, притом весьма значительно, расширить на внутреннем рынке сбыт капиталистических товаров. Но в наиболее передовых капиталистических странах он почти уже закончен [1]). Это не значит, конечно, что расширение внутреннего рынка в этих странах совершенно невозможно, но оно затруднено. На внешних рынках расширение сбыта капиталистических товаров совершалось путем вовлечения в сферу капитализма колониальных народов. Этот процесс все еще продолжается, но наталкивается на растущие затруднения. Все аграрные страны пытаются создать

[1]) В С.-А. Соед. Штатах фермеры потребляют в собственном хозяйстве менее 20% сельскохозяйственной продукции.

собственную промышленность путем таможенной охраны, при чем крупную роль играют соображения военного характера: без собственной промышленности страна бессильна в случае войны. Колонии и полуколонии точно так же пытаются ослабить свою хозяйственную зависимость от империалистических держав при помощи разнообразных средств (пошлины, бойкот иностранных товаров). Этот момент составляет важную составную часть антиимпериалистической борьбы за свободу. Таким образом, быстро растущим производственным возможностям не противостоит соответственно быстрое расширение общественного потребления. Вот почему противоречие становится все глубже и глубже, а борьба за сбыт—все более и более острой.

Рационализация является последствием этого противоречия, но в то же время и причиной дальнейшего его углубления. Отдельный капиталист-предприниматель усматривает причину затруднений со сбытом в первую очередь в чрезмерно высокой себестоимости своих товаров. Если бы он мог продавать свои товары дешевле, то он вытеснил бы своих конкурентов с рынка и увеличил бы свой сбыт. Вот почему стихийной реакцией на трудности сбыта является стремление к удешевлению продукции—«рационализация». Рационализация—это новое слово, обозначающее старое, характерное для капитализма в целом явление, а именно сокращение количества общественно-необходимого рабочего времени, приходящегося на единицу продукта. Это достигается путем повышения производительности (технический прогресс) и интенсивности труда (сдельная работа, система Тейлора, конвейер и т. д.). Однако, методы рационализации могут быть применены лишь при условии одновременного расширения производственного аппарата и производственных возможностей. Поэтому рационализация, проводимая каждым отдельным капиталистическим предпринимателем для того, чтобы устранить для самого себя противоречие между продукцией и сбытом, в результате общего расширения производственных возможностей ведет к обострению противоречия для капитализма в целом [1]). Это проявляется в форме хронического бездействия значительных частей производственного аппарата.

4) Продолжающееся распространение структурной хронической массовой безработицы является одной из наиболее важных черт общего кризиса капитализма. Буржуазия не в состоянии более давать работу своим наемным рабам: буржуазная идеология, провозглашающая, что каждый работоспособный и желающий работать человек может снискать себе пропитание «честным трудом», наглядно опровергается фактом хронической массовой безработицы.

Хроническая массовая безработица составляет последствие обостренного рационализацией противоречия между производительной и потребительной способностью общества. Количество продуктов, производимое одним рабочим, возросло чрезвычайно сильно в результате повышения производительности и интенсивности труда [2]). То же число рабочих производит значительно большее количество товаров. Расширение сбыта отстает от повышенной продукции. Вот почему «высвобожденные» рационализацией рабочие не находят вновь применения в производственном процессе. Последствием этого является:

а) Массовая хроническая безработица в наиболее развитых капиталистических странах, не исчезающая даже в периоды высокой кон'юнктуры.

---

[1]) В более широком смысле к рационализации относится и повышение прибылей путем создания монополий, путем устранения прибылей торгового капитала и т. д.

[2]) За пять лет, с 1923 по 1927 г., продукция одного рабочего возросла в промышленности С.-А. Соед. Штатов круглым счетом на 20%. Подробно см.: Е. Варга, «Экономика капитализма в период упадка после стабилизации», гл. III.

б) Сокращение количества рабочих, занятых в сфере производства, и переполнение рабочей силой сферы обращения и так называемого «личного услужения»—в руководящей капиталистической стране, в С.-А. Соединенных Штатах.

Приведем несколько цифр.

Германия. Число полностью безработных членов профсоюзов составляло в среднем за год (в процентах к общему числу членов профсоюзов) [1]).

1907—13	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1923—1928
2,4	9,6	14,7	9,1	18,3	9,1	8,0	**11,1**

Итак, мы видим, что даже в 1925 и в 1927 гг., в периоды высокой кон'юнктуры процент безработных был в 3 раза выше среднего довоенного уровня.

Англия [2]). Процент полностью безработных среди членов профсоюзов составлял:

1907—13	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1923—1928
4,5	11,3	8,1	16,5	12,0	9,7	10,9	**10,4**

Массовая хроническая безработица в Англии до сих пор вызывалась главным образом неспособностью английской промышленности к конкурентной борьбе на мировом рынке. В ближайшем будущем в связи с усиленной рационализацией безработица еще более повысится.

Для С.-А. Соединенных Штатов нет данных о безработице [3]). По интересующему нас вопросу можно использовать до некоторой степени данные периодических промышленных переписей. Для периода 1919—1925 гг. получается следующая картина:

Рабочая сила и размер продукции с 1919 г. [4]).

	Число рабочих в 1000-х		Индекс для 1925 г. (1919 = 100)		
	1919	1925	Число рабочих	Размер продукции	Продукция на 1 рабоч.
Сельское хозяйство [5]) . .	11.300	10.500	93	108	**118**
Горное дело	1.065	1.065	100	133	**133**
Индустрия	10 689	9.772	91,5	128,5	**140**
Желдороги	1.915	1.744	91	104,5	**115**
	24.969	23.081	93	120.0	**129**

Итак, в период 1919—25 гг. число рабочих сократилось в С.-А. Соед. Штатах на 7%, а в то же время размер продукции возрос на 20%. Но и после

---

[1]) «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1928, стр. 386. Средняя годовая вычислена нами.

[2]) «Abstract of Labour Statistics», 1915—26. Для 1927 и 1928 гг. приведены данные о проценте безработных по отношению ко всему числу застрахованных на случай безработицы, так как после 1926 г. профсоюзы не публикуют данных о безработице среди своих членов, считая это излишним, в виду почти полного совпадения этих данных с официальными данными о безработице среди застрахованных.

[3]) Данные Американской федерации труда охватывают лишь безработицу среди ее членов в незначительном числе крупных городов. Обобщать эти данные не следует. То же относится к данным единственного штата Массачузетс, ведущего статистику безработицы.

[4]) «Commerce Year-Book», 1926 г., т. I, стр. 18.

[5]) В эти числа включены не только наемные рабочие, но и фермеры. Но это обстоятельство не меняет общего вывода.

1925 г. развитие шло в том же направлении, о чем свидетельствуют нижеследующие данные, относящиеся к заводской промышленности [1]):

	1924	1925	1926	1927	1928 [2])
Индекс продукции . . .	95	104	108	106	111
Индекс числа рабочих .	95	95	96	92	89,8

Мы видим, следовательно, что на протяжении пяти лет, с 1924 по 1928 г., размер продукции возрос на 16%, число же рабочих уменьшилось на 5,2%! Рост продукции, приходящейся на одного рабочего, огромен. При таких условиях в С.-А. Соед. Штатах неизбежно должна была возникнуть грандиозная армия безработных, насчитывающая уже миллионы человек. Эта армия была бы еще больше, если бы сферы обращения и потребления, не создающие непосредственно прибавочной стоимости, не привлекли часть высвобожденной из сферы производства рабочей силы. Торговля, обслуживание автомобилей, гостиницы, рестораны и места развлечений, государственная и коммунальная служба, а также свободные профессии поглотили несколько миллионов трудящихся. Кроме того, в строительной промышленности, являющейся единственной отраслью промышленного капитала, в которой технический прогресс до сих пор совершался относительно медленно, число рабочих возросло в круглых цифрах—на 700 тыс. И тем не менее в этой руководящей, богатейшей стране капитализма, находящейся еще в полосе под'ема, имеется грандиозная, из года в год возрастающая, армия безработных. Эта хроническая структурная безработица составляет один из наиболее важных фактов в период упадка капитализма.

Последствием этого факта является обострение классовой борьбы. Норма эксплоатации повышается из года в год. На свою заработную плату пролетариат в состоянии приобретать все меньшую и меньшую часть производимого им продукта. (Это не исключает, конечно, повышения реальной заработной платы занятых рабочих, ибо благодаря росту производительности труда цены товаров понижаются, поскольку монопольные организации не препятствуют этому падению цен). Неуверенность в завтрашнем дне становится все больше и больше вследствие хронической массовой безработицы. Конвейер делает работу на фабриках все более интенсивной и убийственно однообразной. Реформистские лидеры ратуют за капиталистическую рационализацию, вся тяжесть которой ложится на рабочие массы. Именно это обстоятельство составляет основу полевения масс.

Наиболее характерным проявлением обострения внутренних противоречий является тот факт, что в целом ряде государств Европы место парламентской демократии, являющейся замаскированной диктатурой буржуазии, занял режим буржуазного террора. Парламентаризм и «демократия» открыто отменены (Италия, Испания, Польша) или же при помощи террора превращены в комедию (Балканы). Парламентская демократия, свободная деятельность любой политической партии—это идеология и форма господства развивающегося капитализма той эпохи, когда буржуазия верила еще, что она представляет интересы большинства населения. Фашистское государство, систематический террор в интересах капиталистов, запрещение коммунистических партий—это форма правления буржуазии в период упадка, когда над властью буржуазии нависла серьезная опасность.

[1]) «Federal Reserve Bulletin», январь 1929 г., стр. 19. Этих чисел нельзя непосредственно сравнивать с предшествующими, т. к. они относятся лишь к некоторому числу типичных крупных предприятий, в которых, правда, занято в общей сложности 3 млн. рабочих. В индексе продукции за 100 принята средняя годовая за 1923—25 гг., индексе безработицы—1919 г. Вследствие различия основ обоих индексов, расхождение между размером продукции и числом рабочих в действительности больше, чем его рисуют приведенные цифры.

[2]) Данные за первые 11 месяцев.

5) К концу войны буржуазия, учитывая настроение масс, выступила с идеей «вечного мира». Реформисты подпевали ей при помощи своей теории о мирном «над-империализме», органом которого является Лига Наций. Но «демократически-пацифистская эра» быстро миновала. Со стабилизацией и рационализацией противоречие между продукцией и возможностью сбыта становится все глубже и глубже, а взаимная борьба буржуазии отдельных государств за рынки сбыта—все острее и острее. Борьба колониальных народов за свободу сокращает колониальные сверхприбыли. Стремительное развитие экономической базы империализма в С.-А. Соед. Штатах и Германии все более и более обостряет противоречие между потребностью капиталистов этих государств в монопольных рынках сбыта и отсутствием, либо недостатком колоний. В порядке дня стоит вопрос о переделе земного шара. Гигантские вооружения показывают, что подготовка к неизбежному столкновению находится на полном ходу. Нам предстоит пережить не эру мирного «над-империализма», но эру величайших междоусобных войн империалистов, войн капиталистических государств против Советского Союза, войн колониальных народов против их империалистических угнетателей, гражданских войн в отдельных капиталистических странах и самых разнообразных комбинаций всех этих разновидностей войны.

* * *

Капиталистический строй—это исторически преходящая форма общества, сама создающая элементы своей гибели. Период империализма является уже периодом умирающего капитализма. В нынешнем периоде заката эта смерть уже началась: на ряду с обреченным на гибель капиталистическим строем существует уже первая основа будущего общественного строя—занятая социалистическим строительством пролетарская диктатура в СССР. Буржуазии и реформистам удалось оттянуть крушение капиталистического строя, временно укрепить господство буржуазии. Но этот факт свидетельствует не об окончании общего кризиса капитализма, а лишь о временном его смягчении. Об'ективное развитие и сознательная деятельность коммунистического авангарда приведут в ближайшее же время к новой остро-революционной ситуации, и господство буржуазии будет свергнуто в ряде новых стран.

А. Бубнов.

Военные планы и военная действительность современного империализма[1]).

Развитие военного дела империалистических государств представляет в настоящее время большой интерес не только с точки зрения военной опасности, которая является осью нынешнего международного положения, но также и с точки зрения установления того, куда растет военное дело современного империализма.

Капитализм бьется в тисках неразрешимых для него противоречий, которые находят свое отражение и в военной области. Эти противоречия обнаруживаются в самых различных направлениях и, между прочим, в расхождении военных планов некоторых наиболее «смелых» в своих выводах военных писателей с той военной действительностью, которая воздвигается практической деятельностью капиталистических генеральных штабов.

Но по логике капиталистических противоречий эти военные планы отдельных военных писателей, пытающиеся дать «гипотетический образец будущего» и расходящиеся с официальным военным курсом, в то же время отражают скрытые стремления современного империализма.

С этой точки зрения эти военные планы, граничащие подчас с «военными утопиями», представляют для нас интерес в том смысле, что они-то именно с величайшей наглядностью вскрывают то, куда толкается военная мысль современного империализма в своем стремлении избежать тех противоречий, с которыми неизбежно встречается в настоящее время капиталистическое военное дело. Но интерес их не ограничивается только этим, так как, вскрывая сокровенные намерения военных деятелей современного империализма, эти планы в то же время совершенно по-новому освещают перед нами и то, что в действительности, в повседневной практике военного дела осуществляется генеральными штабами капиталистических армий.

В силу этого, они не только наглядно вскрывают противоречия империализма в их отражении в военной области, не только обнаруживают тот путь, на который под давлением ряда обстоятельств хотелось бы капитализму повернуть развитие военного дела, но и в известной мере, конечно, с большими поправками на действительность, говорят нам также и о том направлении, куда имеет тенденцию расти военное дело современного империализма.

Три главнейших группы обстоятельств толкают в настоящее время военную мысль капиталистических армий в одном и том же направлении.

П е р в а я группа обстоятельств — это изучение опыта империалистической войны 1914 — 1918 годов. В т о р а я группа обстоятельств — это

[1]) Настоящая статья представляет собой доклад А. С. Бубнова, прочитанный им в Промышленной Академии и на Курсах марксизма при Ком. Академии. Доклад подвергся некоторой переработке и сокращениям.

тот гигантский кризис и сопровождавшее его широчайшее революционное массовое движение, которое было пережито империализмом после окончания войны. И т р е т ь я группа обстоятельств — это новые явления в послевоенной экономике капитализма. Сюда должен быть отнесен и весьма неприятный для империализма «опыт» нашей гражданской войны 1918—1921 годов, а также и не менее для них неприятный «опыт» революционных войн колониальных народов против империализма, которые имели место за последние годы в целом ряде колоний и полуколоний.

Вот эти главнейшие группы обстоятельств всей своей тяжестью толкают военную мысль в капиталистических армиях в одном направлении, вскрыть которые прежде всего и является моей задачей.

Мировая война 1914 — 1918 годов со всей тщательностью изучается современными генеральными штабами. И это делается не только в интересах изучения прошлого, но главным образом в интересах использования этого прошлого для грядущих военных столкновений.

На ряду с этим мы видим, что изучение опыта первой империалистической войны привело целый ряд военных писателей Западной Европы к мысли о том, что период империалистической войны был периодом банкротства военного искусства.

Я возьму для примера двух военных писателей: буржуазного французского журналиста, по всей вероятности, офицера военного времени, Жана де-Пьерфэ и полковника английского генерального штаба Джона Фуллера.

Жан де-Пьерфэ написал ряд книг, которые в чрезвычайно острой форме касались именно этого вопроса о банкротстве военного искусства, как выводе из учета опыта мировой войны. В своей книге «Плутарх солгал» (очерки из истори мировой войны) он пишет так: «Бег к морю (это та операция, которая явилась заключительным моментом после марнских военных действий на франко-бельгийском фронте. *А. Б.)* закончился установлением некоторого устойчивого положения—непрерывного фронта. Это совершенно новый факт в анналах истории, и можно сказать, что с этого момента военного искусства больше не существует». Далее, он пишет: «Армии, расстянувшиеся друг против друга на протяжении сотен километров и расстреливающие друг друга почти в упор, — вот к чему сводится теперь военная действительность», и заканчивает эти рассуждения таким характерным выводом: «После этого остается только закрыть военные училища и доверить землекопам оборону страны».

Но это лишь «штатские» мысли французского журналиста, а вот вам умозаключение английского кадрового офицера.

В 1923 году в книге «Преобразование войны» Фуллер пишет: «Военное искусство пришло в упадок. Армии невероятно разбухли, снабжение материальной частью и снарядами отнимало столько людей, что боевые части оказались почти задавленными тылом, призванным заботиться об их нуждах; армия превратилась в организм с огромным брюхом и гороховыми мозгами». А в 1926 году в статье «Идеальная армия артиллерийского цикла» тот же самый вывод он повторяет в следующих словах: «В действительности в течение последнего столетия мы видим постоянный упадок военного искусства, несмотря на громаднейшее улучшение оружия, и, наконец, в мировой войне окончательно исчезает искусство, там действует только грубая сила».

Фуллер упорно ищет выхода из этого кризиса капиталистического военного дела, он стремится восстановить подвижность армии. Он пишет так: «Армии превратились в человеческие стада; они жевали жвачку за своими изгородями и время от времени рычали друг на друга. Перед ними встал вопрос о том, как восстановить свою подвижность». Какими путями пытается он добиться этого, мы увидим ниже.

Эти выводы об упадке военного искусства исходили из того, что армии были прикованы к земле своей гигантской численностью, что их задушила «злоба количества» и что они были невероятно перегружены материально-техническими средствами борьбы. Численность армии империалистической войны измерялась десятками миллионов. Накопление материально-технических ресурсов было грандиозно. За время империалистической войны во французской армии число артиллеристов более чем удвоилось, число пушек почти утроилось, а количество батарей с 5 на километр, в начале войны возросло до 40 батарей. Во время германского наступления 1918 года на один километр приходилось 100 орудий. Количество автотранспорта, количество действующей авиации, химические средства борьбы увеличивались в чрезвычайно широком масштабе. За время империалистической войны количество простроенных самолетов увеличилось в 80 раз, а количество построенных моторов — в 81 раз.

М. Шварте в книге «Техника в мировой войне» указывает, что «мировая война дала в позиционном периоде огромное накопление инженерно-технических средств борьбы» и приводит следующий пример: для оборудования одной только дивизии убежищами необходимо было иметь 31 тысячу куб. м. железобетона или 57 тысяч тонн щебня или гравия, 12 тысяч тонн цемента, 3 тысячи тонн железа и 6.300 куб. м. отрывки земли. Для этого требовалось 9.300 железнодорожных вагонов и 3 тысячи рабочих.

Именно эта сторона в развитии военного дела периода империалистической войны толкает военную мысль капиталистических армий на поиски выхода из этого тупика. Эти поиски направлены в сторону восстановления маневренной подвижности современных армий при условии мощной нагрузки их техническими средствами борьбы. В чрезвычайно резкой форме это стремление находит свое выражение у Фуллера, который является наиболее энергичным проповедником механизации современных армий. Он мечтает о полной замене мускульной силы механической тягой.

«Война, — говорит он, — ясно доказала, что большие армии, основанные на мускульной силе, страдают двумя существенными недостатками: чрезвычайной уязвимостью в виду размеров занимаемой ими площади и чрезвычайно малой подвижностью, вытекающей из их численности. Первый заставляет искать убежища под землей, что еще усиливает неподвижность армии, привязанной к шоссейным и железным дорогам».

Исходя из положения, что «в прошлом войны часто решались живой силой, в будущем они будут решаться механической силой», Фуллер пытается, на основе анализа «тенденции развития», построить «образцовую армию 1946 года», которая, по его мнению, является не чем иным, как попыткой предвидеть «гипотетический образец будущего» или «идеальную армию артиллерийского цикла».

В дальнейшем мы увидим, как и в какой мере эта «военная утопия» английского полковника, безусловно отражающая одну из важнейших тенденций в современном капиталистическом военном деле, находит свое реальное отражение в весьма реальной работе генеральных штабов, лихорадочно подготовляющих будущую кровавую бойню.

К слову сказать, Джон Фредерик Чарльз Фуллер является довольно-таки типичной фигурой кадрового офицера английской армии. Он имеет все добродетели этого слоя людей и в должной мере награжден всеми пороками своей среды.

Он восторгается «средним англичанином», который «делит человечество на два класса — англичан и «арапов» и ко второму классу относит не одних только чернокожих. От вторых ему нечему учиться, презрение к ним он возвел в высшую добродетель и на этой добродетели основана Британская империя».

Он звериной ненавистью ненавидит послеоктябрьскую Россию, так как он смертельно боится, что «призрак разрушительной пропаганды, исходящей из этого трупа, может преодолевать все границы и нападать на самые основы военной мощи, а именно на патриотизм и гражданскую мораль». Он с пугливой опаской оглядывается на Индию, на Афганистан и на весь подымающийся против империализма Восток, так как, по его «просвещенному» мнению, «в Азии извращенный национализм взрывает нации, благодаря брожению, вызванному алкоголем свободы. Мы отчетливо видим это в Китае и Индии, хотя ни один человек не может ясно предвидеть, каков будет конец».

В своей книге «Преобразование войны» он тщательно занимается вопросом «защиты внутреннего порядка». Для Англии он намечает организацию сети полицейских постов «достаточно сильных, чтобы выдержать нападение, и достаточно подвижных, чтобы оказывать помощь друг другу». При чем здесь он приводит в движение свою идею механизированной армии.

Для Индии, «обеспечение спокойствия которой, как он об этом свидетельствует, является важнейшей военной задачей Великобритании», он намечает организацию армии, построенной по тому же типу.

Этот полковник знает, откуда угрожает опасность «его», фуллеровской Великобритании, Великобритании банков, циничного грабежа колоний, тюрем и вышколенных военных профессионалов, которые по воле самодержавной лондонской Сити на всем земном шаре автоматическим пулеметом и скорострельной пушкой устанавливают и охраняют начала так называемой «европейской цивилизации».

Он в той же книге в маленьком абзаце, названном им «Задачи внутренней безопасности», с заслуживающей всяческого одобрения откровенностью заявляет: «Внутренний мир обеспечивается вооруженной силой, и поддержание спокойствия внутри страны является более важной задачей, чем вторжение в неприятельскую страну. Если распустить английскую армию, то придется увеличить в пять раз полицию и в о о р у ж и т ь е е, или правительство может быть в любую минуту свергнуто революцией».

Рабочим всего мира полезно знать, что, по авторитетному свидетельству полковника английского генерального штаба, внутренняя безопасность правительства его величества короля английского настолько «прочна», что стоит только разоружить английскую наемную армию, как правительство «может быть в любую минуту свергнуто революцией».

Вторая группа обстоятельств, мимо которой не смогли пройти политики современного империализма, а также и генеральные штабы, это тот гигантский послевоенный кризис, который охватил почти все крупнейшие страны Западной Европы и который подземными толчками громадной силы напоминает и ныне всем капиталистическим владыкам о том, что они живут в эпоху пролетарской революции.

Совершенно очевидно, что тот громадный массовый поток революционного движения, который потрясал основы капитализма в течение первых лет после окончания мировой войны, который и в настоящее время в условиях возрастающих классовых противоречий империалистической системы продолжает обнаруживать свою гигантскую мощь, — этот массовый поток революционного движения не мог не пересечь и капиталистических армий.

Я не имею возможности дать картину этого движения, но я позволю себе привести только одну иллюстрацию, которая является весьма характерной для понимания всей этой группы явлений. Я возьму Черноморское восстание 1919 года, в котором принимала участие довольно большая масса французских, румынских, польских и сербских войск, а также довольно значительная французская эскадра, крейсеровавшая в 1919 году в водах Черного моря.

Это восстание было описано Андре Марти в его интереснейшей книжке «Красный флаг над французским флотом». Эти факты нашли также себе место и в его замечательном письме, которое в свое время он адресовал маршалу Фошу.

Черноморское восстание интересно и типично именно потому, что мы имеем дело здесь с движением совершенно стихийным, в котором по сути дела не было и намека на организованное участие какого-либо руководящего начала. Это было стихийное восстание, которое само в своем развитии рождало вождей, расширяло свой размах и создавало громаднейший резонанс в целом ряде портов Средиземного моря.

Это восстание состоит, если можно так выразиться, из трех частей.

Первая часть это момент, когда 5-го апреля 1919 года при эвакуации Одессы союзными войсками 19 артиллерийский, 2-й саперный и 1-й пулеметный полки устроили перед Одесским советом демонстрацию. Марти в своей книге описывает этот момент таким образом: «Союзные войска без помехи эвакуировали город. Они уходили в большом беспорядке, мелкими отрядами, большей частью без офицеров. 5 апреля проходившие мимо думы французские солдаты устроили совету восторженную манифестацию. Часть, проходившая первой, заметив красный флаг над входом, проходила с пением «Интернационала». Солдаты следующих частей выходили из рядов, забегали в совет и просили у рабочих что-нибудь на память, главным образом красные ленточки, которые они прикрепляли к своим курткам. Многие поднимали кверху приклады винтовок, кричали: «Да здравствуют большевики!» Последними проходили 12 танков, и, когда они поравнялись со зданием совета, часть команды кричала «до свидания!», а другая «задайте им хорошенько!»

20-го апреля восстала Севастопольская эскадра в составе следующих судов: «Франс», «Жан Барт», «Вернио», «Жюстис» и др. Марти описывает этот момент в следующих словах: «Пробило 8 часов — час поднятия флага. И вот на фоне безмятежного утра разыгралось незабываемое зрелище. Команды «Жан Барт» и «Франс» почти в полном составе выстроились на громадном баке и вместо того, чтобы приветствовать трехцветный флаг, подымавшийся сзади на корме, все они обратились лицом вперед и, стоя неподвижно, с обнаженными головами, запели «Интернационал», между тем как на носу обоих кораблей подымался красный флаг».

В тот же день была организована демонстрация с 5 тысячами участников, в том числе 800 — 900 иностранных матросов. Марти говорит: «Французские патрули, обходившие город, наталкиваясь на шествия, бросали оружие и братались с товарищами». Демонстрация была расстреляна французскими офицерами и греческими патрулерами. «Первыми стали стрелять,— пишет Марти,—молодые мичманы с крыш, затем полувзводы морской пехоты с «Жан Барта» и несколько взводов греческих солдат, которые залпами стреляли с колена со стороны часовни, расположенной приблизительно в 25 метрах от аптеки в том месте, где улица обрывается крутым склоном в 5 метров высотой».

Необходимо отметить, что, как указывает Марти, «адмирал не осмелился прямо отправить «Жан Барт» во Францию, а оставил его на некоторое время в Константинополе»; в Константинополе же матросы «Жан Барта» устроили демонстрацию с пением «Интернационала» и «Молодая гвардия». Это — вторая часть восстания.

И третья часть восстания — это восстание под Одессой 27-го апреля крейсера «Вальдек Руссо». Марти пишет: «Вальдек Руссо» в состоянии открытого мятежа пошел в Константинополь, прошел через Дарданеллы и вместо того, чтобы итти в Тулон через Мессинский пролив, поднялся по Адриатическому морю в Каттаро. На вторую ночь стоянки в Каттаро на борт крейсера вошли солдаты-мальгаши и без дальних слов арестовали 32 матросов».

При чем Марти указывает, что в апреле 1919 года на Черноморском побережье действовали не больше, не меньше, как 100 тысяч солдат сербов, румын, поляков, русских добровольцев и французов, поддерживаемых 60 военными судами.

Таким образом, мы имели здесь дело не с маленькими отрядами, а с настоящей большой экспедиционной армией, которая была поддержана мощной эскадрой. И мы имели картину того, как эти солдаты империализма, у которых сзади находился взбудораженный империалистической войной «тыл», а впереди — батальоны рабочих, крестьян и солдат, воевавших против капитализма, — маршировали по Черноморскому побережью под красным флагом пролетарской революции.

Это есть такой факт, который очень «ощутительно» действует и на капиталистические генеральные штабы, которые, конечно, не могут не учитывать и действительно учитывают подобные обстоятельства, ибо они знают, что ежели не учесть этих обстоятельств, то в будущей войне придется иметь дело с результатами для них более чем плачевными.

Если капиталист на фабрике, скажем Форд, принимает целый ряд мер для того, чтобы удержать в своих эксплоататорских руках заводы и фабрики, и если мировой империализм уже не на отдельной фабрике, а в значительно более широком масштабе имеет в качестве подсобного инструмента для удержания своей власти фашистскую социал-демократию, то естественно, что такой острый инструмент, как армия в капиталистическом государстве, не может строиться без учета указанных выше обстоятельств.

Какие же выводы делаются военными писателями из фактов этого рода? Полковник Фуллер утверждает: «Коллективная выносливость армии тесно связана с ее численностью, и, как это ни странно звучит, чем больше армия, тем меньше ее психологическая выносливость». Это заявление весьма характерно для кадрового офицера, живущего в эпоху пролетарской революции.

И далее он ту же мысль повторяет в следующих, еще более резких словах: «человек на поле сражения является помехой как с физической, так и с психологической точек зрения; поэтому выносливость не следует искать в увеличении численности».

И Фуллер не одинок в этом своем парадоксальном выводе, ему вторит немецкий майор Георг Зольдан в своей брошюре «Человек и битва будущего».

«Человеческая масса в материальном сражении, — пишет он, — уже ничто; более того: она — зло».

Майор Зольдан является наглядным примером того, в каком клубке неразрешимых противоречий бьется военная мысль армий современного империализма.

Он ставит крест над «человеческой массой» в будущих сражениях и открыто выступает против массовой армии.

Но, придя к заключению о необходимости организации «небольшой качественной армии», он рядом логических рассуждений приходит к выводу «об общем банкротстве узко-военного ведения войны».

Стремясь преодолеть громадное давление современной военной техники, он, вместо восстановления маневренной подвижности армии, снова загоняется в тупик вывода о том, «что и в будущем типичной формой современного сражения сделается позиционная борьба, т.-е. чрезвычайно медленная и ограниченная подвижность действующих армий».

Отрицательно относясь к массовым армиям, мечтая о небольшой армии вышколенных наемных профессионалов, он в то же время не может не признать, что с такой армией «ни одна страна не могла бы выдержать современной войны», а отсюда он совершенно неизбежно приходит к выводу о

необходимости многомиллионной «армии тыла». И если бы он это последнее положение взял снова за исходную точку своих рассуждений, то, само собой разумеется, что он опять бы оказался в замкнутом кругу совершенно неразрешимых для него противоречий. И он мог бы повторять это десятки раз, и десятки раз с одним и тем же результатом.

Его рассуждения настолько показательны, что я считаю необходимым подробно рассмотреть важнейшие из его умозаключений.

«В век материального сражения, — говорит Зольдан, — массовая армия это пережиток». С этого, повторяю, начинает он цепь своих выводов. Это скептическое отношение к массовой армии основывается у Зольдана на весьма низкой оценке «внутренних качеств» такой армии, а она, в свою очередь, исходит из того, что нынешняя массовая армия не может быть надежным инструментом в руках современного империализма.

Зольдан ставит под большой вопрос и целесообразность массовых призывов на военную службу и действительность такого испытанного средства установления палочной дисциплины, как муштровка, он побаивается связи армии со своим собственным тылом и т. д., и т. п.

О массовых призывах он говорит прямо, без обиняков, что «ухудшение внутреннего качества армии явилось естественным последствием массовых призывов». Из опыта мировой войны он вынес убеждение, «что не массы, непрерывно бросаемые командованием в огонь, решали дело, но отдельные бойцы... Ими, а не массами держались боевые армии мировой войны».

Зольдан весьма высокого мнения о «воспитательной школе» германской армии. Но и здесь он, опять-таки на основании опыта войны, приходит к выводу, что «даже муштровка не помогла. Возлагавшиеся на нее надежды оправдались менее всего».

Это очень интересное признание кадрового немецкого офицера, в «воздействии» которого на солдата муштровка занимает первое место. Конечно, не следует представлять себе капиталистических армий в таком виде, что единственным инструментом овладения солдатской массой является палка и палочная дисциплина. Способы этого овладения в настоящее время более сложны, тонки и изворотливы, но во всяком случае «муштровка» была, есть и будет основным инструментом, с помощью которого империализму удается держать солдат своих армий в надлежащем виде и в надлежащем повиновении. И вот Зольдан свидетельствует, что этот инструмент превращения солдата капиталистических армий «в подобие машины» оказывается недействительным. От этого вывода Зольдан шарахается в сторону, ставит крест над массой и провозглашает культ «крепких парней», которыми, по его мнению, «держались боевые армии мировой войны».

В своей книжке Зольдан приводит мнение Муссолини, высказанное им в 1918 году, что в нынешнюю эпоху «нельзя рассчитывать на мобилизацию пригодного населения, но лишь на призыв тех, кто готов добровольно выступить на защиту данного дела».

Но это еще не все. Зольдан не только проникнут скептицизмом в отношении «массы», в отношении «массовых призывов» и даже в отношении такого испытанного средства, как «муштровка», он начинает сомневаться и в командном составе массовых «народных армий». Он говорит: «Новые войска нуждались и в новых людях на командных постах». Он склонен думать, что, «как армии народные, они в целях своего внутреннего укрепления должны были быть тесно связаны с тылом при посредстве своего командного состава, вышедшего из всех слоев народа». И вот этого-то именно и начинает опасаться майор Зольдан, — «их боевая ценность, — продолжает он, — отчасти пострадала бы от этого». Это тоже весьма характерное признание, в основе которого лежит опасение, что связь с тылом действует в сторону понижения «боевой ценности» армии.

Весь этот анализ и приводит Зольдана к общему выводу «о банкротстве миллионных армий». Но одновременно с этим он отлично понимает, что вести современную войну с небольшой действующей армией невозможно, как бы эта армия ни была хорошо обучена и вооружена. Попутно он ставит вопрос о «создании условий возможности сопротивления человека действию материальных сил», считая, что именно в этом состоит «проблема будущей войны». А отсюда он возвращается к признанию того, что при нынешнем развитии военной техники никакой иной формы сражения, кроме как сражения позиционного, не может быть. Отсюда же он прямым путем идет к выводу «об общем банкротстве узко-военного ведения войны», т.-е. об устранении «военного разрешения проблемы войны».

Таким образом, характерным для будущего явится, по его мнению, «совокупное ведение войны», т.-е. сочетание «войны военной» с «войной моральной» и «войной экономической».

Эти выводы, в которых уже нет ничего нового, приводят Зольдана к декларации «народной войны» и признанию необходимости «армии тыла».

Вот в каких противоречиях бьется мысль буржуазного военного писателя, который хочет во что бы то ни стало выскочить из тягостной для него «обузы» массовой армии, так как он имеет все основания опасаться, говоря словами Энгельса, что массовая армия в современных условиях имеет все данные для того, чтобы из «войска государей» превратиться «в войско народа».

Анализируя проблему будущей войны, Зольдан говорит и о так называемой «моральной войне». При чем он эту войну понимает, по его же собственному признанию, как «войну лжи и обмана». И участь именно такого понимания «моральной войны» Зольдан разделяет со всеми буржуазными писателями, которые занимались этим вопросом.

Кембель Стюарт в своей книге «Тайны дома Крю», которая посвящена описанию организации английской пропаганды во время войны, под руководством лорда Нордклифа, пишет, что «в той стадии своего развития, которой она достигла в конце войны, пропоганда являлась, несомненно, новым и могучим орудием ведения войны».

Ф. Шенеман в специальной книге, посвященной «Искусству воздействия на массы Соединенных Штатов Северной Америки», приводит определение пропаганды английского писателя Джемса Брайса, который характеризовал американскую пропаганду в таких характерных словах: «Искусство пропаганды — путем ловкой и деятельной подачи ложных или односторонних представлений обмануть или одурачить тех, которые не имеют средств или времени составить себе собственное убеждение в данных фактах».

Тот же Шенеман приводит иллюстрации американской пропаганды среди рабочих, которая целым арсеналом ловких приемов (соответствующие лозунги, надписи, рисунки и т. д.) приводила к тому, что, как он отмечает, «прежде всего мешала возникновению «классового чувства».

Шенеман останавливается в своей книге и на «пропагандистской работе» Вудро Вильсона.

«Особенно ловко и успешно, — пишет Шенеман, — обрабатывал Вильсон рабочих».

«Военное бюро труда, — рассказывает он, — нечто в роде национальной примирительной комиссии, удерживало от стачек и ловкой пропагандой держало большинство рабочих в порядке и патриотизме. Сам президент использовывал каждую малейшую возможность, чтобы взывать к совести и национальной гордости этих масс, и работал при этом, естественно, рука об руку с их вождями, прежде всего с Самюэлем Гомперсом. В 1917 году он даже лично явился на рабочий конгресс в Буффало и наобещал золотые горы. Конечно, большая часть его прогрессивных законов осталась на бумаге, но

успех стоил всех усилий: американский рабочий класс сохранил фактически национальное настроение во все время войны».

Вопрос о «пропаганде» интересует и полковника Фуллера. Особенно его беспокоит наш Советский Союз, ибо, по его мнению, «Россия установила смертельную форму психологической войны». Опасения его увеличиваются в силу того, что, как он это сам утверждает, «каждая страна имеет теперь врага в своих пределах».

Итак, целый ряд фактов, указанных мною выше, толкает буржуазную военную мысль в вопросе о принципах построения современной системы вооруженных сил империализма в определенном направлении.

Целый ряд военных писателей говорит о том, что надо итти к построению небольшой наемной профессиональной армии. А как только они сказали это, они немедленно впадают в противоречие, потому что знают, что с небольшой армией, даже состоящей из преданных наемников и вооруженной до зубов, нельзя вести современной войны, ради которой они живут и которую они сами же и подготовляют. И тогда они возвращаются к мысли о том, что нужно иметь «армию тыла», что надо иметь за собой всю страну. Тут они опять наталкиваются на то же противоречие современного империализма, который чувствует, что почва под ногами у него с каждым годом становится все более и более зыбкой. И таким образом получается клубок противоречий, из которого сам собой напрашивается такой «выход»,—нельзя ли все же выбраться из этого положения с помощью построения наемной профессиональной армии.

Конечно, в таком «голом» виде этот выход практической военной программой для империализма явиться не может, но он очень наглядно показывает, во-первых, то противоречие, в котором в настоящее время находится капиталистическое военное дело, а, во-вторых, то, о чем «мечтают» кадровые офицеры капиталистических армий, куда хотели бы они повернуть организацию военного дела.

Характерно, что многие из них, как бы они ни ходили вокруг да около, в конце концов приходят к выводу, что нынешнему капиталистическому государству необходимо в той или иной форме переходить к организации армии наемных профессионалов.

«До великой войны,— пишет Фуллер в своей книге о танках,— я твердо верил в воинскую повинность и в вооруженную нацию; в 1870 году я был солдатом. Мое пребывание в корпусе танков изменило эти понятия. Теперь я верю в механическую войну, т.-е. в армию, снабженную машинами, которая потребует мало людей и сильные машины».

Ему вторит Зольдан, который утверждает, что «по опыту мировой войны путь строительства вооруженных сил будущего ведет к небольшой действующей армии, отлично снабженной технически и впитавшей в свои ряды лучший человеческий материал».

И, наконец, о том же пишет в своей книге «Мысли солдата» генерал фон-Сект, правда, в более осторожных выражениях, но суть дела от этого, конечно, не меняется.

«Я вижу, — пишет он, — таким образом особенности ведения будущей войны в применении высокоценных и сильно мобильных (армий), следовательно, малых армий, которые приобретают повышенную эффективность благодаря содействию воздушного флота и при одновременном приведении в боевую готовность остальных сил страны, будет ли это для поддержания сил нападения, или же для жертвенной защиты родины». К этому он добавляет, что «армия прикрытия» должна состоять из солдат, «проведших длительную действительную службу», и «по возможности из добровольцев».

Я не считаю возможным входит здесь в подробности организации подобной армии, как она представляется Фуллеру и Секту. Моя задача — лишь вскрыть основную тенденцию этих планов и показать, что современный империализм, лихорадочно вооружаясь, непрерывно увеличивая свои армии, в то же время хотел бы повернуть назад колесо истории и возвратиться к наемным профессиональным армиям, вооруженным до зубов «механическим оружием» («мало людей и сильные машины»).

Теперь я перехожу к третьей группе обстоятельств, о которых я говорил выше, — именно к тем изменениям, которые мы имеем в экономике послевоенного империализма, которые оказывают определенное воздействие на военные планы и военную действительность империализма.

Так называемый третий период в развитии международного рабочего движения после мировой войны характеризуется, как известно, тем, что налицо имеется «выход экономики капитализма за довоенный уровень», быстрый рост техники, рост тенденции к государственному капитализму и т. д., а наряду с этим выросла целая система разнообразных средств для закрепощения масс рабочего класса, подкупа социал-демократических и профсоюзных верхушек и целый арсенал орудий для систематической борьбы с растущим коммунизмом и массовым революционным движением. Из фактов этой области я возьму лишь то, что имеет прямое и непосредственное отношение к той теме, которую я сейчас рассматриваю.

В современной мировой экономике обращает внимание рост так называемых «новых» отраслей промышленности (химической, автомобильной, электр. машиностроения и т. д.). В 1924 — 1925 году удельный вес этих отраслей промышленности в Англии равнялся по числу занятых рабочих — 11% и по валовой продукции — 10,2% ко всей промышленности, а в Америке—по числу занятых рабочих 15,7% и по валовой продукции—20,3%. При чем некоторые из этих отраслей промышленности обнаруживают весьма высокий темп развития.

За послевоенные годы в Америке и в крупнейших странах Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Италия) крупное развитие получила автомобильная промышленность и моторостроение.

В Америке производственная мощность автомобильных предприятий измеряется в 7,3 миллионов машин в год, а произведено за последний год — 4,6 миллионов машин. В Англии продукция автомобильной промышленности возрастала таким образом—в 1913 году—73 тысячи машин, в 1922 году—153 тысячи, в 1926 году — 180 тысяч и в 1927 году — 230 тысяч.

Наличное количество автомобилей возросло с 1924 по 1927 год в Англии с 643 тысяч до 1.024 тысяч, в Германии — с 193 тысяч до 319 тыс., во Франции — с 445 тысяч до 891 тысячи, в Италии — с 75 тысяч до 138 тысяч, в Чехо-Словакии—с 9 тысяч до 27 тысяч и в Северо-Американских Соединенных Штатах—с 15 миллионов до 22 миллионов.

Чрезвычайно быстро растущий автомобильный транспорт требует колоссального количества горючего. В настоящее время наличное количество находящихся в эксплоатации автомобилей требует 46 миллионов тонн бензина в год, а из общего количества потребляемого бензина около 30% получается в результате применения так называемого крекинг-процесса.

Рост новых отраслей промышленности (химической, автомобильной, моторостроительной, электр. машиностроения и проч.) создает новую материально-техническую базу для развития военной техники.

Военная авиация и военная химия перед и в начале мировой войны находились еще в зачаточном состоянии. За годы войны они значительно продвинулись вперед. После войны, за последние годы, они делают новые успехи в своем развитии.

Если за годы империалистической войны количество самолетостроительных заводов увеличилось в 15 раз, моторостроительных заводов в 9 раз, а общее количество рабочих на этих заводах увеличилось в 100 раз, то в

настоящее время авиационная промышленность в целом ряде стран Западной Европы представляет собой мощную материально-техническую базу для развития современного воздушного флота.

Самолет и танк представляют собой продукцию высокоразвитой индустрии. В свою очередь развитие «новых» отраслей промышленности, высокосортное сырье, усовершенствование конструкторской работы и гигантское расширение научно-исследовательской базы (в Америке ежегодный расход на научно-промышленные исследования выражается в 200 миллионах долларов),—все это создает новые материальные предпосылки для дальнейшего развития военной техники.

Необходимо здесь же отметить, что в результате столь быстрого индустриального развития начало получать осуществление то, что находит свое выражение в термине «автоматическая машинерия», а в результате этого вырастает «новая» организация труда на капиталистической фабрике. Одним из наиболее ярких примеров этого являются заводы Форда.

Все эти обстоятельства и вызвали в жизнь идею механизации и моторизации армии, инициатором и энергичным проповедником которой является Джон Фуллер.

Необходимо иметь в виду, что штабы и армии в настоящее время переживают полосу большого интереса к этому плану.

Фуллер говорит о том, что надо и можно построить такую армию, в которой мускульная сила движения была бы заменена механической тягой. Фуллер набрасывает план организации такой армии, в основе которой будут лежат танк и двигатель внутреннего сгорания.

Таким образом, фуллеровские планы являются проекцией в военную область последних достижений промышленной экономики.

В своих подчас весьма фантастических планах Фуллер исходит из тех общих предпосылок, которые мною были уже приведены выше и прежде всего он стремится, как он об этом говорит, преодолеть неподвижность современных капиталистических армий.

«Чтобы преодолеть эту неподвижность,—пишет он,—армиям пришлось прибегнуть к механическим средствам передвижения без дорог, и, что бы ни говорили противники этих средств, можно наверняка предвидеть полную замену движения, основанного на мускульной силе людей, движением при помощи механических средств».

Фуллер, как артиллерист и танкист (Военную Академию он окончил в 1915 году и в конце войны был начальником штаба корпуса танков), является, как он сам говорит об этом, «энтузиастом» танковых войск.

В своей книге «Танки в великой войне 1914—1918 годов» он пишет: «Так и с танком он пришел не только для того, чтобы упрочиться, но и совершить переворот; и я сам, как энтузиаст, ни одной минуты не сомневаюсь, что мои самые смелые мечты относительно его будущности не только осуществятся, но будут превзойдены и что из его неловких потуг во время Великой войны возникнет совершенно новое направление в самом искусстве ведения войны».

И во всех своих последующих книгах и статьях он занимается, по сути дела, лишь тем, что развивает, детализирует, уточняет и конкретизирует это положение, провозглашенное им в конце 1919 года.

Свою мысль о том, что танк произведет переворот в военном деле, Фуллер развивает и в своей книге «Преобразование войны» (1923 год).

«Таким образом,—говорит он,—мы можем предсказать, что танк произведет быстрый переворот с у щ е с т в у ю щ и х способов ведения войны. Конница, вероятно, исчезнет, сохранив разве обязанности конной полиции; пехота, быть может, станет «царицей крепостей», но на поле сражения она, лишившись своей наступательной силы, потеряет свою корону. Артиллерия

приобретет двойное значение и, так как ей будет придана скорость, то на суше повторится происходящая на море борьба между пушкой и броней. На смену пехотного танка придет тяжело-вооруженный и бронированный сухопутный линейный корабль—артиллерия будущего; кавалерийский же танк более легкий и быстроходный, сделается сухопутным линейным крейсером».

Отсюда он делает вывод (в статье «Идеальная армия артиллерийского цикла»), что «высшим оружием будущего будет артиллерийское оружие, высшим солдатом—артиллерист-танкист, а высшей армией—армия, состоящая главным образом из механически двигающейся артиллерии. Сегодня мы стоим на пороге третьего великого тактического цикла (эпохи)—артиллерийского».

Фуллер намечает и тот путь, по которому должна пойти эта реорганизация армии.

По его мнению, следует «начать с механизации транспорта», затем необходимо «механизировать артиллерию», и, наконец, приходит очередь «механизировать пехоту», посадив одну часть ее в танки, предназначенные для атаки позиций, а другую—в гусеничные «автобусы», назначение которых удерживать позиции».

В 1926 году, в цитированной мною выше статье, он устанавливает «состав идеальной армии 1946 года», при чем он не «сомневается» в том, «что если бы существовала армия, организованная по моей схеме, мы разбили бы все эти армии-орды».

Этот, как говорит сам Фуллер, «гипотетический образец будущего», не являясь какой-либо практической программой реорганизации английской армии, представляет для нас большой интерес, ибо эта «военная утопия» английского полковника с максимальной наглядностью вскрывает одну из важнейших тенденций в развитии современных капиталистических армий.

Империализм хочет иметь такую «армию прикрытия», которая состояла бы из «крепких парней», рекордсменов, циркачей, профессионалов, наемных солдат, которые были бы куплены со всеми своими потрохами и являлись бы послушным инструментом в руках своих господ. При этом условии на ряду с такой армией он допускает существование «армии тыла» или «войск второй линии», т.-е армии «пушечного мяса», самое которую нужно держать под угрозой расстрела и истребления в случае малейшего неповиновения.

Это в известной степени напоминает организацию труда на фордовских заводах, где рабочие являются автоматическим придатком к системе машин, где количество квалифицированных рабочих сравнительно незначительно и где громадная масса состоит из «подученных» рабочих. Одновременно с этим Форд целой системой мероприятий стремится выделить из рабочей массы наиболее для него подходящих, купить их, воспитать в своем фордовском духе и сделать из них надежный инструмент для того, чтобы держать всю рабочую массу на заводе в своих руках. Форд имеет дело только с отдельными рабочими, он не признает ни заводских комитетов, ни профессиональных союзов. Он окружает рабочего и вне завода целой системой контроля и сыска. Фордом разработаны специальные предписания «об образе жизни» рабочих его заводов, для проведения которых была организована специальная инспекция. Когда-то у американских рабочих существовала такая поговорка о системе Тейлора: «Есть ложь, есть подлая ложь, и есть система Тейлора». Система Форда—есть система Тейлора, возведенная в куб, она есть система крепостнического закабаления рабочих «усовершенствованными» методами современного империализма.

Сравнение этой системы с военными планами некоторых военных писателей устанавливает между ними несомненное сходство.

Полковнику Фуллеру рисуется в будущем механизированная танковая армия, которая будет иметь «мало людей и сильные машины». Помимо этого он предполагает, что всеобщее введение механического оружия должно принести с собой конец малым войнам, а может быть, и гражданским мятежам».

Он тщательно разрабатывает систему полицейской охраны и подавления «беспокойного района длиной в 600 миль и шириной в 300 миль». Эти же «расчеты» он пробует «приложить», как он сам говорит об этом, и к Индии, давая схему построения специальной армии из англичан и индусов, вооруженной до зубов современным механическим оружием».

В 1927 году он опубликовал статью, в которой в довольно-таки откровенной форме изложил ряд соображений о той «тактической области», которую, по его мнению, «мы будем вынуждены разработать».

Он дает картину тех изменений, которые произошли за последние 13 лет (1914—1927 годы) «в политических, стратегических и тактических условиях войны».

«Стоимость войны,—пишет он,— и то разрушение, которое она вызвала, привели к социальной революции, захватившей все страны, и в России установился новый режим, идеалы которого антипатичны западной цивилизации и симпатичны беспокойному подпольному миру в каждой стране».

Он рекомендует итти «путем устранения социальных болезней, которые развились внутри нашей цивилизации». Он заявляет, что «эта чистка общества» не является «обязанностью солдата», но он недвусмысленно рекомендует не забывать, «что первым назначением военной силы является поддержание закона и порядка при помощи постоянной угрозы применения физической силы».

Исходя из этих предпосылок, Фуллер ставит вопрос об изменении организации «военной силы» и высказывает мнение, что ежели армия не в состоянии выполнить задачи, о которой он говорил выше, то «или должна быть изменена ее организация, или должен быть создан новый аппарат, который бы справился с этим».

«Россию» он изображает в качестве нападающей стороны, которая ведет войну «против нас в течение последних девяти лет»—и от лица «военной силы» он требует «лойяльности» от английской нации.

«Война,—пишет он,—начатая при наличии бунтующей и разделенной на части базы, в скором времени привела бы к параличу любое правительство».

А в заключение этих своих размышлений он заявляет, что «фактически главной причиной, об'ясняющей оттягивание правительствами об'явления войны нападающему на них противнику, является то обстоятельство, что правительства желают быть уверенными, что нации, которые они представляют, от всего сердца поддержат их».

Эти поучительные размышления кадрового английского офицера не требуют, как это ясно для каждого, никаких комментариев,—они целиком и полностью обнаруживают те скрытые пружины, которые так настойчиво толкают капиталистическую военную мысль на путь рассмотрения способов такого изменения организации военной силы империалистических государств, которое обеспечило бы полную гарантию выполнения ею своего «первого назначения», т.-е. поддержания капиталистического закона и эксплоататорского порядка «при помощи постоянной угрозы применения физической силы».

В эпоху гигантского революционного движения масс, взрывающего основы империализма, военные слуги капитала неизбежно наталкиваются на эту новую «тактическую область», которая со всей остротой ставит перед ними задачу сохранения их военной силы в качестве надежного орудия в руках капитализма для беспощадного подавления «малых войн» и «гражданских мятежей».

Они пытаются изобразить «Россию» нападающей стороной. Этот номер не пройдет, ибо каждый просто честный гражданин любого капиталистического государства знает, что мы строим Красную армию не для нападения, а для обороны и что политика мира есть, не на словах, а на деле, наша политика.

В противовес организации армий гибнущего капитализма государство побеждающего социализма строит свою систему вооруженных сил на совершенно иных принципиальных основаниях.

Красная армия имеет «открыто классовый характер». Основой ее является территориально-милиционная система, которая в максимальной степени связывает армию с миллионами трудящихся. «Организующей силой» армии является наша партия—авангард рабочего класса, над которым развивается знамя мировой пролетарской революции. Важнейшим проводником руководящего влияния партии в армии являются политорганы. Военное обучение и воспитание Красной армии ведется на основах «классового сплочения» и «социалистического просвещения». Командный и политический состав Красной армии не отделен непроходимой классовой пропастью от рядовой красноармейской массы; он работает на основе крепчайшей революционной дисциплины и теснейшего боевого товарищеского единения с красноармейцами, имея в качестве опорных пунктов в армии коммунистическую ячейку, комсомол и массовые добровольные организации, широко охватывающие как красноармейский, так и начальствующий состав. В Красной армии осуществлена «тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты». Дисциплина Красной армии есть «новая дисциплина». Наш Дисциплинарный Устав говорит: «Чем более сознателен воин Красной армии, тем он лучше выполняет свои революционные обязанности перед социалистическим государством, тем более боеспособной является Рабоче-Крестьянская Красная армия».

К подготовке красноармейцев мы пред'являем такие требования, «чтобы в соответствии с основными задачами партии вырабатывать из них сознательных бойцов для вооруженной защиты пролетарского государства и подготовлять их к роли активных организаторов социалистического переустройства деревни».

Красная армия ни в малейшей степени не пренебрегает военной техникой, но и не «преклоняется» перед ней, как бы высока она ни была по своему развитию. И, пожалуй, даже чем выше техника, тем меньше имеем мы основания «преклоняться» перед ней. Мы знаем, что техника есть производный результат победоносных усилий человеческого общества над силами природы, а военная техника есть лишь производное от общей материально-технической базы страны.

Пролетарское государство и его военная организация, каковой является Красная армия, используют военную технику для максимального повышения своей боеспособности, как массовой социалистической армии, являющейся не чем иным, как только вооруженным авангардом миллионов трудящихся.

Даже кадровые офицеры армии современного империализма в целях ее сохранения ищут путей изменения «ее организации» и даже создания «нового аппарата», который был бы в состоянии справиться с задачей охраны и поддержания капиталистического строя.

Мы же непоколебимо уверены в силе нашей Красной армии, которая является вооруженной опорой пролетарской диктатуры.

Рассмотренные нами военные планы достойны внимания не только потому, что они обнаруживают некоторые тенденции в капиталистическом

военном деле нынешнего дня, но также и потому, что эти тенденции находят свое реальное отражение и в нынешней капиталистической военной действительности.

Немецкий генерал Сект в книге, которую я уже цитировал, между прочим, рассматривает «те выводы, которые сделали главные державы из опыта войны для организации своих армий», и приходит к заключению, что, по первому впечатлению, «будто при практическом использовании опыта войны не произошло особенно больших изменений против основ, положенных в довоенное время». Но в то же время он считает необходимым подчеркнуть, что, «однако, начинают сказываться новые точки зрения».

Сект отмечает, что «Америка и Англия вернулись по существу, к своей довоенной организации». К этому надо добавить, что ряд армий (Австрия, Венгрия, Болгария, Германия) по Версальскому договору комплектуется на началах добровольной службы. Громадное же большинство капиталистических стран и после империалистической войны организует свои армии на началах всеобщей воинской повинности.

Но в рамках всеобщей воинской повинности начинает находить свое отражение то, что генерал Сект называет «новыми точками зрения». Тенденция—это не практическая программа, и практическое отражение данной тенденции может итти разными путями,—все же в настоящее время мы наблюдаем эволюцию капиталистической военной системы именно в том направлении, которое столь наглядно выступило в рассмотренных мною военных планах ряда кадровых офицеров капиталистических армий.

Капитализм бьется в тисках гигантских противоречий. Открыто классового характера своим армиям он придать не может. Классовую сущность своей армии он пытается тщательно прикрыть фразами о «всенародной», «национальной» армии, «вооруженном народе», «об организации нации во время войны» и т. д., в то же время он хочет гарантировать себя от «ненадежных» масс, и в системе массовых армий, комплектуемых на началах всеобщей воинской повинности, он предпринимает в этих целях ряд мер.

Все они идут по линии внедрения в армию элементов наемничества и внеармейских формирований фашистского типа. Конкретно же эта линия выражается: во-первых, в повышении в армии удельного веса кадра профессионалов (офицеры, унтер-офицеры); во-вторых, в организации специальных частей, целиком комплектуемых на началах наемничества, и, в-третьих, в создании фашистских формирований и фашистских военно-общественных организаций.

Для примера возьмем Францию, где под прикрытием фраз об «организации нации» происходит внедрение в армии самых настоящих элементов наемничества.

И в нашей военной литературе совершенно правильно уже отмечалось, что «вся реорганизация французской военной системы пронизана идеей возвращения к наемничеству, к армии профессионалов».

В 1911 г. во Франции было 8,4% профессионалов ко всей армии, а в 1928—40,3%.

Колониальные войска составляют, примерно, около одной трети французской армии. Создан специальный сорокатысячный корпус (5 дивизий), комплектуемый исключительно из наемников-туземцев. Во французских военно-общественных организациях насчитывается 1.185 тысяч членов (в 1928 году).

Регулярная армия Франции равняется 730 тысячам, а буржуазные фашистские организации насчитывают 1.185 тысяч, т.-е. армия, если даже взять всю ее численность (с кадрами профессионалов), составляет лишь 61,6% численности фашистских организаций.

Сект в своей книге говорит об Италии: «Италия, повидимому, рассчитывает на применение фашистской милиции в помощь своей армии и ведет чрезвычайно активное военно-фашистское воспитание молодежи».

Регулярная итальянская армия насчитывает в настоящее время 407 тысяч, фашистская милиция—не менее 300 тысяч, а фашистские военно-общественные организации—1.860 тысяч (по приблизительным данным). Таким образом, если взять общую численность сухопутной армии и фашистской милиции, то 57,5% падает на армию и 42,5%—на фашистскую милицию.

Фашистские организации в настоящее время составляют неот'емлемую принадлежность любого буржуазного государства. За последние годы они растут чрезвычайно быстро. Я приводил уже их численность во Франции и Италии,—в Англии они насчитывают 778 тысяч членов, а в Северо-Американских Соединенных Штатах—1.896 тысяч.

Если взять военные организации Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши, то за последние пять лет (с 1923 по 1928 год) их численность возросла в пять раз.

Так обстоит дело с реализацией тенденции к наемным профессиональным армиям в буржуазных армиях, организованных на началах всеобщей воинской повинности.

Теперь рассмотрим, находят ли какое-либо отражение в нынешней работе капиталистических генеральных штабов фуллеровские планы создания механизированных армий, и если находят, то как и в какой степени.

В английском боевом уставе танковых и автоброневых частей мы находим официальную точку зрения английского командования по вопросу о боевом применении этих новых формирований. Предисловие к русскому переводу устава называет его «знаменательным историческим документом». Знаменательность его, между прочим, и стоит в том, что он показывает степень отражения фуллеровских планов в официальном английском уставе.

«Свойства, присущие всем бронеповозкам», устав определяет следующим образом: они соединяют в одной машине «силу огня (вооружение)», «подвижность (двигатель)» и «защиту (броня)» (§ 10). Устав также указывает, что «танки являются преимущественно орудием наступления» (§ 51). В § 26 английский устав считает необходимым отметить, что «мнение, что танки и бронеавтомобили должны в течение операции находиться в тесном физическом соприкосновении со своей кавалерией или пехотой, устарело».

В § 13 устав дает общие указания о значении танковых войск в английской армии.

Устав подчеркивает, что «организация сухопутных сил Британской империи в общем и целом не основана на механической базе» и что «число соединений танкового корпуса в настоящее время ограничено и является лишь незначительной частью всей армии».

Устанавливая из этих общих положений «руководящие тактические принципы» по боевому применению танков и бронеавтомобилей, устав указывает, что «танки обязаны содействовать другим войсковым частям, а иногда действовать также и самостоятельно».

Отсюда можно сделать вывод, что фуллеровские планы находят уже свое отражение и в практической работе английского командования.

Известно, что танки имели свое применение в конце империалистической войны. За последние годы внимание к ним, а также и их численность в капиталистических армиях возросли. Но этим ни в какой мере не разрешается еще тот вопрос, который был поставлен мною выше.

Идея механизации и моторизации войск возникла в капиталистической армии после мировой войны, в нашу эпоху на основе общего расширения материально-технической базы современной промышленности, и ее реализация мыслима лишь как результат общего роста военной техники.

Громадный рост военной техники имел место во время мировой войны, что нашло свое выражение в росте артиллерии, авиации и военной химии.

Накопление и усовершенствование военно-технических средств происходит и в настоящее время. Оно идет по следующим основным направлениям: первое—усиление огневой мощи пехоты и кавалерии (станковые и ручные пулеметы, мелкокалиберная артиллерия), второе—усовершенствование артиллерийского вооружения (увеличение дальности, скорострельности, мощности и подвижности артиллерийских средств), третье—развитие броневых и танковых частей, четвертое—рост авиации, пятое—механизация и моторизация войск (моторизация транспортов и обозов, моторизация артиллерии и создание специальных моторизованных частей). К этому надлежит добавить развитие активных химических средств борьбы и работу над новыми техническими средствами истребления. Основное в развитии военной техники за последние годы заключается в том, что на ряду с усилением технических средств обороны во всех армиях наблюдается стремление к максимальному развитию технических средств наступления, подавления и прорыва. Это направление в развитии военной техники нынешнего дня является прямым продолжением того, что имело место в годы империалистической войны и военно-технические усилия в настоящее время направлены на разрешение той проблемы, которую не удалось разрешить во время мировой войны, в силу чего она и получила позиционный характер.

В нашей военной литературе из общего обозрения нынешнего развития военной техники делались уже преждевременные выводы такого рода, что «мы сейчас подходим к новой исторической эпохе в деле организации армии» или «развитие танкового дела в настоящее время дает серьезные основания последователям Фуллера говорить о замене основных родов войск соответствующими видами танков». Эти выводы преждевременны и слишком поспешны.

В то же время необходимо тщательно учитывать тот рост военной техники, который безусловно имеет место за последние годы, особенно в части, касающейся технических средств наступления.

В связи с этим стоит, несомненно, значительное продвижение вперед моторизации и механизации войск.

В американской, английской и французской армиях прежде всего происходит перевод на механическую тягу корпусных и дивизионных тылов; имеет место уже частичная моторизация и полковых обозов.

Моторизация энергично проникает и в артиллерию (например, во Франции переведена на механическую тягу большая часть артиллерии резерва главного командования, в Америке моторизирована артиллерия главного командования, частично корпусная и дивизионная артиллерия).

В стадии опытов находится механизация войск, т.-е. создание специальных механизированных войсковых соединений различных родов войск. В Англии в 1927 году был создан специальный механизированный отряд, который в 1928 году был переформирован в отдельную бригаду, а в конце 1928 и в начале 1929 года бригада была расформирована, и двум стрелковым дивизиям были приданы особые механизированные соединения (бригада).

В Северо-Американских Соединенных Штатах в 1928 году был также сформирован один механизированный отряд из различных родов войск.

Таким образом, от практического осуществления механизаторских планов Фуллера еще очень далеко, но все же несомненно, что работа в этом направлении в капиталистических армиях уже началась.

Капиталистические военные планы и их реализация в практике генеральных штабов должны тщательно учитываться в работе Красной армии, в частности и в той ее области, которая носит название «политического обеспечения» действий войск.

Б. Маркус.

Необуржуазные и мелкобуржуазные установки в вопросах труда.

I. Позиции противника.

«От курящего табак нередко пахнет духами», — размышлял Козьма Прутков. Наши классовые враги, иногда выступающие настолько откровенно, что достаточно их показать, чтобы тем самым разоблачить их, большей частью все же предпочитают пахнуть советским духом. Более того, часть из них готова обижаться на то, что ее подозревают в курении табака: ведь они «политикой не занимаются», они — не более чем скромные совслужащие, благонамеренные члены профсоюза, которые только вносят свои «практические предложения», «варианты», «критические замечания», «поправки» — не более. По вполне понятным причинам они сравнительно мало пишут, но их устные выступления, их «умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом». В центре несколько десятков человек: Кондратьев, Макаров, Каценеленбаум, Альб. Вайнштейн, Юровский, Железнов, Соколов, Огановский, Никитский, Дезен, Герчук и прочие выступают спаянным коллективом пишущих и говорящих идеологов, сыгранным оркестром, исполняющим национальные, почти-что «истинно-русские» мотивы. На местах же мы видим практическую деятельность их единомышленников, которая не менее выразительна и ощутительна.

Буржуазные элементы, однако, отнюдь не только витают на теоретических и идеологических высотах: желая по-своему переделать нашу действительность, буржуазия — нэпман, кулак — ищет в нашей среде проводников ее воли. В определенной прослойке рабочего класса, среди тех, кто связан с деревней, среди служилой интеллигенции она находит подчас этих исполнителей.

Именно отсюда, через эти ручейки просачиваются чуждые влияния и в органы советской власти и даже в ряды классового авангарда—в партийные ряды. Б ю р о к р а т и ч е с к и е и з в р а щ е н и я в р а б о т е с о в а п п а р а т а, губящие иной раз в угоду чуждым и во вред нашим классовым интересам самые правильные начинания; открытая и стыдливая ревизия основных решений партии в области классовой политики и линии экономического развития, — преувеличение трудностей, предложения об уступках кулаку и т. д. и т. п. — об'ективно все это разновидности того же буржуазного влияния, разновидности, между которыми существует ясная, видимая невооруженным глазом неразрывная цепочка логической связи. Это обязывает к тому, чтобы брать под обстрел буржуазные установки не только в их идеологическом оформлении, но и в практическом преломлении через те бюрократические извращения, которые против нашей воли смещают вправо результаты нашей работы.

Общая концепция взглядов и пожеланий наших классовых врагов не изложена в одном каком-нибудь документе, но она вовсе не представляет

собой груду разбросанных кирпичей, балок, цемента и прочих строительных материалов: их здание построено, и достаточно снять леса, чтобы вся его архитектура была видна каждому. Программа их выражена в сумме различных выступлений весьма четко и выпукло. Она встретила своевременный должный отпор со стороны ряда наших товарищей [1]). Не возвращаясь поэтому к критике общей системы взглядов и установок необуржуазных идеологов, мы ограничим себя более узкой темой — разбором их программы лишь в области проблемы труда или, — как иной раз не вполне правильно выражаются,—в области так называемого «рабочего вопроса».

Наличие целой системы буржуазных взглядов в области регулирования труда в условиях СССР по сей день отрицается или кажется сомнительным многим нашим товарищам. Даже специально посвященные этим вопросам журналы, напр., «Вопросы Труда» и газеты (взять хотя бы профсоюзную печать) ни единым намеком не обмолвились на эту тему за все время их существования [2]). В лучшем случае, соглашаясь с наличием такой системы буржуазных взглядов, наши добродушные Маниловы считают себя и свои аппараты застрахованными от их идеологического влияния.

Наши задачи здесь заключаются в том, чтобы 1) на конкретных примерах выявить наличие и формы легального проявления в СССР буржуазных и мелкобуржуазных установок и тенденций в различных областях регулирования труда, 2) показать их отражение на работе советского аппарата и даже отдельных членов партии, противопоставляя эти установки нашим партийным установкам, 3) разоблачить их содержание, чуждое идеям и направлению социалистического строительства.

Буржуазные тенденции в области вопросов труда проявляются в двух направлениях:

1) Лево-звучащие, а по существу типично мелкобуржуазные хвостистские установки, в виде предложений добиться такого быстрого роста материального благосостояния рабочего населения, который нам не по силам и попытка достижения которого могла бы лишь задержать намеченный темп индустриализации или привести к столкновению и подрыву союза с основными массами крестьянства повела бы в конечном счете к снижению нынешнего уровня благосостояния.

2) Открыто-буржуазные установки, которые заключаются в стремлении, исходя из интересов кулака и нэпмана, всячески уменьшать тот уровень благосостояния рабочего населения, который достигнут сейчас и может быть обеспечен при дальнейшем росте народного хозяйства, который является предпосылкой успешности самой индустриализации и социалистического строительства.

Обе эти установки одинаково неприемлемы для пролетариата, ибо в конечном счете означают — первая через короткий промежуток времени, а вторая прямо и непосредственно — потерю завоеваний революции.

[1]) Общий критический разбор взглядов необуржуазных идеологов дан в печатных выступлениях многих наших партийцев-экономистов; мы отсылаем интересующихся хотя бы к следующим работам: А. Леонтьев, «Социалистическое строительство и его критики», ГИЗ, 1928 г.; Н. А. Ковалевский, «На новую ступень», «Плановое Хозяйство» № 4 и 5, 1927 г.; С. Г. Струмилин, «Индустриализация СССР и эпигоны народничества», ГИЗ, 1927 г.; М. Бронский, «Проблемы экономической политики СССР», ГИЗ, 1929 г.; М. Кубанин, «Буржуазная программа в земельном вопросе», сбор. «Основные положения землепользования и землеустройства», 1927 г.; Г. Зиновьев, «Манифест кулацкой партии», «Большевик» № 13, 1927 г.; А. Силонов, «О критике справа», «Эконом. Обозр.» № 3, 1928 г.; Арслан, «Двойная бухгалтерия коммуноидов», «План. Хозяйство» № 6, 1928 г.; Г. Крумин, «В борьбе за рост производительных сил», «Эконом. Обозр.» № 4, 1928 г.

[2]) Во время печатания настоящей статьи в «Вопросах Труда» (№ 1 за 1929 г.) появилась небольшая статья на эту тему, которая ни в какой мере не исчерпывает вопроса.

Первой установки придерживается в своих выступлениях ряд группировок, исключенных из коммунистической партии (троцкисты, сапроновцы, «децисты»), ту же позицию поддерживают и меньшевики.

Мелкобуржуазный демагогический характер этой меньшевистско-троцкистской установки рассчитан на «потребительские» настроения хвостистской прослойки пролетариата: внося предложения об уменьшении норм и повышении расценок, пытаясь вызвать забастовки против напряженного под'ема производительности труда, расшатывая трудовую дисциплину, мелкий буржуа идет против индустриализации в целом, подрубая тот сук, на котором укреплено все благосостояние рабочего класса.

Все они требуют, чтобы немедленно и значительно был поднят уровень зарплаты, хотя бы для этого пришлось повысить промышленные цены и взять таким путем средства у основной массы бедняков и середняков-крестьян. Уменьшая средства советского государства, вложенные в торговлю, сельское хозяйство, увеличивая налоги на середняцкое крестьянство, троцкисты предлагают таким путем резко увеличивать наши вложения в индустрию, на этом пути ища разрешения проблемы безработицы.

Их путь — не наш: рабочий класс не смотрит на середняцкое крестьянство, как на колонию, из которой можно только качать средства, через увеличение цен и налогов; развитие промышленности, мы не мыслим оторванно от роста других отраслей хозяйства. Сельское хозяйство и торговлю мы не отдадим на благоусмотрение частного капитала, хотя бы все эти пути и могли привести к временному повышению зарплаты и расширению индустрии. Рабочий класс не поддастся на предложения проесть свою диктатуру и союз с основными массами крестьянства.

Не трудно предсказать, в какое болото катятся сейчас троцкисты и пр. их «левые сподвижники». Мы видим уже на деле, до чего договариваются откровенные меньшевики, стоя на этом пути. Начиная с «лево»-звучащего требования более решительного повышения заработной платы, чем это имеет место у нас, и большего изживания безработицы,—«Соцвестник» выбалтывает до конца свои выводы: «в русских условиях попытка построить плановое хозяйство — утопия, которая должна быть сорвана стихией» [1]). «В современных русских условиях невозможность для государства снабдить промышленность необходимыми капиталами и все растущая безработица ярко говорят о том, что государству не по силам существующий сейчас об'ем национализации промышленности» [2]). Особую слюну бешенства вызывает у меньшевиков «новейший припадок совхозно-колхозного безумия». В противовес этому они выставляют четкий тезис о том, что только «преодоление диктатуры и создание экономических, культурных и политических условий свободного развития крестьянского хозяйства» (т.-е. «прежде всего товарного хозяйства», как поясняет сам автор абзацом выше), «является основной предпосылкой действительного изживания массовой безработицы» [3]).

Денационализация промышленности, свободное развитие кулака и преодоление диктатуры — вот какую цену назначают меньшевики за призрачное обещание чечевичной похлебки, повышения заработной платы в будущем [4]).

Одновременно с фланговыми, чисто маскировочными стычками меньшевиков буржуазия ведет на нас лобовую атаку, выставляя откровенную про-

[1]) А. Югов, «Основные проблемы советск. народн. хоз.», «Соцвестник» № 20, за 1927 г.

[2]) То же, в № 21 за 1927 г.

[3]) С. Шварц, «Страусова политика», «Соц. Вестник» № 13 за 1928 г.

[4]) Мелкобуржуазный характер троцкистско-сапроновских программ в области регулирования вопросов труда был подробно разобран мной в ряде статей, помещенных в «Большевике» в 1927 г (№№ 17, 19—20, 21). Предложения и лозунги, выбрасываемые ими в последнее время, не отличаются по существу от того, что они провозглашали в своих платформах перед XV с'ездом.

грамму ограничения благосостояния рабочего класса и, в частности, снижения заработной платы, сокращения соцстраха, отказа от 7-часового дня и т. д. Здесь сосредоточиваются главные силы противника: Кондратьев и все приверженцы его «школы», которые тянут на буксире менее откровенных наших беспартийных попутчиков и даже некоторых из коммунистов, бессознательно поддающихся влиянию буржуазных тенденций. На этой лобовой атаке классового врага мы и хотим сосредоточить сейчас внимание читателя.

Стремясь политически к свержению пролетарской диктатуры, экономически к срыву нашей линии на индустриализацию, наших темпов развития промышленности, осуществляемого нами ленинского плана кооперирования крестьянства, ратуя за аграризацию страны, за всемерное развязывание кулака, частника, — наш классовый враг подбирается по существу к экономически-центральному узлу — к перераспределению национального дохода в пользу буржуазии за счет пролетариата. Проблема благосостояния различных классов населения становится поэтому той фокусной точкой, в которой собираются и классово преломляются все отдельные предложения по вопросам труда.

Уровень благосостояния пролетариата определяется в основном, следующими моментами:

1) Его доходами (которые слагаются из индивидуальной и обобществленной части заработной платы), той реальной массой промышленных, сельскохозяйственных товаров, жилища, коммунальных, социально-культурных и иных услуг, которые он может получить (в обмен на денежные доходы, или бесплатно).

2) Условиями его труда (продолжительностью рабочего времени и отдыха, нормами охраны труда женщин и подростков, степенью изнашивания рабочей силы, санитарными условиями труда, техникой безопасности и пр.).

3) Размерами безработицы среди индустриальных рабочих и уровнем помощи безработным (регулированием рынка труда, воспроизводством рабочей силы, смягчением тягот безработицы).

Все эти моменты являются мишенью, по которой направлен огонь наших противников.

II. Проблема благосостояния рабочего класса, взятая в целом.

Линии нашей конкретной политики в области регулирования благосостояния рабочего класса определяются решениями XV с'езда ВКП(б). В основе роста социалистического хозяйства лежит всемерное повышение производительности труда в промышленности, в сельском хозяйстве и в других отраслях хозяйства. Этот рост дает нам все основания для дальнейшего повышения жизненного уровня рабочего класса и заработной платы, «в то же время, понижая расход заработной платы на единицу изделий, уменьшая тем самым их себестоимость и давая прочную базу для снижения цен».

> «Правильное решение центральных проблем 5-летнего плана обусловливает такое возрастание народного дохода и его распределение, которое обеспечивает рост благосостояния рабочего класса, беднейшего и среднего крестьянства при сохранении максимально возможного темпа развития всего народного хозяйства.
>
> Растущая численность рабочего класса и повышающаяся производительность труда в обстановке коренной реконструкции промышленности, резко увеличивающей выпуск продукции на одного рабочего, приводит в условиях пролетарского государства к сокращению рабочего дня до 7 часов, усилению мер охраны труда, направленных к оздоровлению обстановки труда на предприятиях, и к дальнейшему росту заработной платы, особенно интенсивному в реальном выражении. Общий под'ем народного хозяйства обеспечит возможность дальнейшего увеличения расходов на другие материальные и культурные нужды рабочих масс, в первую очередь на жилищное строительство, постройку школ, техникумов, клубов, организацию общественного питания, детских яслей, детских домов и общего благоустройства рабочих поселков».

Нашим взглядам на необходимость, при наступлении на буржуазию, увеличения доли рабочего класса в распределении национального дохода Кондратьев, Макаров, Огановский, Вайнштейн и др. противопоставляют двуединую формулу: необходимость роста накопления кулака при одновременном ограничении потребления пролетариата.

> «Препятствия к поднятию благосостояния наиболее крепких (!) слоев крестьянства служат задерживающим фактором в деле накопления»,—пишет А. Дезен [1]).

Профессор Макаров ратует за урезку доходов и потребления города во имя «целостного интереса народного хозяйства».

> «Примат производства, а не потребления неизбежен на данной стадии развития народного хозяйства СССР. Доходы и потребление города должны быть подчинены целостному интересу народного хозяйства. Индустриализация страны требует жертв, хотя и при них в каждом новом году благосостояние городских масс улучшается, но более сдержанным темпом» [2]).

Проф. Огановский, спорящий с Макаровым и Кондратьевым относительно некоторых их установок, в этом коренном вопросе — с ними: он — за «общий под'ем производительных сил и благосостояния всей крестьянской массы» и специально оговаривает «необходимость устранения препятствий на пути роста верхних слоев» [3]).

> «Мы полагаем,—аргументирует Вайнштейн,—что нельзя держать народное хозяйство все время в напряженном состоянии, пытаясь осуществить капит. строительство в намеченных размерах и даже увеличивать его, а также одновременно повышать благосостояние городского населения» [4]).

Дезен говорит то же самое, что Макаров и Вайнштейн, но другими словами. Он за «правильно понятый режим экономии, за усиление производительного расходования средств, сравнительно с удовлетворением личных потребностей». Он не за «жертвы», а за рабочие «сбережения», без которых «и самое проведение индустриализации страны невозможно».

По странной, однако, случайности Дезен, заявлявший о сомнениях в высоком уровне непроизводительного потребления буржуазии в царской России, счел возможным обратиться с призывом к ограничению потребления почему-то только к... рабочим. Вот где истинные расточители, угрожающие росту хозяйства!

> «Потребительский уклон нашего народного хозяйства,—пишет он,— когда всякий рабочий хотел поесть в волю, одеться, обуться, теперь представляет значительную угрозу для дальнейшего роста нашего хозяйства».

Как видит читатель — откровенность полная, удивляться приходится лишь тому, что при режиме пролетарской диктатуры ученые экономисты заговорили таким понятным языком. Еще более удивительно, что они ухитряются подцепить на свою удочку членов нашей партии, которые начинают, по сути дела, перепевать те же песни. Вот, что пишет т. Фрумкин:

> «При стремлении советской власти дать трудящимся максимум материальных благ, потребности страны беспредельны... В капиталисти-

---

[1]) А. Дезен, «Развитие промышленности» и т. д., «Эконом. Обозр.» № 5, за 1927 г., стр. 65.

[2]) Н. И. Макаров, «Несколько замечаний о «перспективах развертывания нар. хоз. СССР», «Плановое Хозяйство» № 5, за 1927 г., стр. 57.

[3]) Н. Огановский, «Равновесие сельского и нар. хозяйства СССР в аспекте 5-летнего плана», «Эконом. Обозр.» № 7, за 1927 г., стр. 71.

[4]) Альб. Вайнштейн, «Итоги и основные экон. показ. нар. хоз. СССР в 1926/27 г.», «Эконом. Бюлл. Кон'юнктурн. Ин-та» № 11—12, за 1927 г.

ческих странах кризисы нарастают благодаря усиленной эксплоатации, ведущей к неудовлетворению потребностей широких масс трудящихся, отсюда к перепроизводству. В Советском Союзе кризисные явления могут вырастать на почве удовлетворения потребностей без должного учета наших возможностей» [1]).

Тов. Фрумкин слишком однобоко трактует «почву», на которой «могут» вырастать кризисные явления в Советском Союзе. Выставленное им положение, может быть, годится для того, чтобы бить по «левым» установкам в вопросах труда. Но оно не только упускает из виду откровенно правые установки, — автор фактически сам становится на почву этих установок. Словно невдомек, что расширение потребления является одним из основных принципов пролетарской революции, которая для того и нужна, чтобы вывести из нищеты и обеспечить рост благосостояния рабочих, крестьян—бедняков и середняков, что активное расширение возможностей для удовлетворения этих потребностей, т.-е. под'ем производительности труда в первую очередь, при одновременном ограничении эксплоататоров, является основной задачей нашего строя и что мы от этого никак не откажемся.

Характерно, что основными предлогами для нападения на намеченный рост благосостояния рабочего класса идеологи новой буржуазии избирают 1) необходимость роста накопления, 2) необходимость сближения уровня благосостояния в городе и в деревне во имя уменьшения отхода в города.

Рассмотрим их аргументы по существу. Мы знаем, что чем больше средств уходит на личное потребление населения, тем непосредственно меньше идет на накопление, на расширенное воспроизводство в народном хозяйстве. Но внутри населения есть классы, а в производстве тоже есть социалистический и необобществленный сектор. Конечно, «лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту». У нас грешных есть склонность обратиться с предложением урезки роста накопления и потребления к городскому и деревенскому капиталисту. И это нам дает кое-что. Пролетариат не мало жертв приносил и будет приносить во имя индустриализации, в этом смысле мы имеем достаточно доказательств. Но приносить жертвы на алтарь капиталонакопления кулака и во имя обрастания жирком нэпмана—за это, г-да профессора, простите, покорно благодарим.

Располагая фондами социалистического сектора хозяйства, мы понимаем, конечно, что нельзя исходить из максимальной цифры производства и потребления одновременно, приходится, очевидно, интересы потребления частично подчинять, ограничивать несколько, заботясь об успешности разрешения наших классовых задач в области расширения социалистического производства. Но совершенно ошибочным немарксистским было бы голое, схематическое противопоставление расширенного производства и потребления, ошибочная постановка нашими критиками вопроса в плоскости решения дилеммы: либо то, либо другое. Противоречивость этих моментов весьма условна. Они находятся в тесной зависимости; их надо рассматривать диалектически, ибо в развитии, на длительный срок интересы эти в общем совпадают.

«Рост социалистической промышленности—констатирует ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. — сопровождается и не может не сопровождаться ростом рабочего класса и повышением его материального и культурного уровня».

У наших критиков—еще аргумент в запасе. Оперируя средними цифрами роста дохода на душу населения, наши критики говорят, что в городе этот доход будет расти быстрее, чем в деревне (что вполне правильно, ибо производительность труда в городе растет гораздо быстрее, чем в деревне), а этим-де

[1]) М. Фрумкин, «К контрольным цифрам ВСНХ на 1928/29 г.», «Финансы и Народное Хозяйство», 1928 г., № 40. Курсив мой. *Б. М.*

будет углубляться разрыв в уровне дохода и будет увеличиваться тяга крестьянского населения в города. Но и тут они делают слишком наивный вид [1]). Ведь за средними цифрами потребления крестьянства, скрываются большие колебания уровня благосостояния различных групп деревни.

При достаточном ограничении роста благосостояния верхних групп и при активной политике кооперирования и коллективизации, повышения производительности труда и доходности индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, может быть достигнут значительно более высокий, чем в средних цифрах, рост уровня жизни беднейших и менее обеспеченных и середняцких групп. Таким образом, наша задача некоторого сближения уровня жизни этих слоев деревни с доходами рабочего может быть успешно решена отнюдь не за счет задержки роста уровня жизни пролетариата.

II. Уровень заработной платы.

Профессор Н. Д. Кондратьев в своих тезисах «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализации» пишет [2]):

> «Необходимо осуществить политику зарплаты в городах так, чтобы движение зарплаты не служило фактором повышения промышленных цен и не препятствовало их снижению. В связи с этим номинальная заработная плата должна быть приостановлена в своем росте. Что касается реальной заработной платы, то в связи с проектируемым снижением промышленных цен, а следовательно, и общего уровня цен она возрастает автоматически».

Еще более четкую позицию занимает Вайнштейн, который в июле 1927 года высказывался не только за стабилизацию зарплаты, он просто требует ее снижения. Правда, делает это под видом милостивого согласия «повысить» номинальную заработную плату, но только за 5 лет... на 5—6% по сравнению с ее уровнем в 1925 — 26 году (то-есть практически, по сравнению с нынешним уровнем — снизить). Учитывая снижение цен, он «разрешает», чтобы зарплата «механически повысилась в реальном выражении на 15 — 16%». Этот коэффициент повышения благосостояния — по его мнению — является предельным за 5 лет» [3]).

Снижение зарплаты, в лучшем случае — прекращение ее роста, — вот суть буржуазной программы. Так расшифровываются и читаются на деловом языке все их разговоры о «жертвах» для индустриализации, о бережливости, о «режиме экономии».

Что же противопоставляем этому мы?

Основная установка партии в вопросах зарплаты нашла свое преломление в проектировках Госплана в следующем виде: первый вариант центральной комиссии по пятилетнему плану предусматривал рост номинальной зарплаты по промышленности на 33%, а в реальном выражении примерно на 50%. В среднем же для всего наемного труда намечалось повысить реальный заработок на 45% [4]).

В этих цифрах, однако, недоучтено значение для реального бюджета рабочего намеченного неизбежного повышения квартплаты, которое несколько

[1]) Мы уже не говорим о том, что капиталистический «рай», который грезится буржуазным профессорам, связан с гораздо большим, чем у нас, разрывом между доходами города и деревни.

[2]) Цитирую по статье тов. Зиновьева «Манифест кулацкой партии», «Большевик» № 13 за 1927 г.

[3]) Альб. Вайнштейн, «К критике пятилетн. плана развертывания народн. хозяйства СССР» «Эконом. Обозрение» № 7, 1927 г., стр. 66 и 67.

[4]) «Персп. разверт. нар. хоз. СССР на 1926/27 г.—1930/31 г.», изд. Госплана 1927 г., стр. 12—13.

снижает итоговые цифры роста реального дохода (примерно до 40%) для всего наемного труда.

В следующей перспективной ориентировке Госплана, захватывающей новый год, был дополнительно учтен возможный рост производительности промышленного труда (он определен с безусловным преуменьшением в 57%); из новой пятилетки выпал вместе с тем 1926—27 г., давший около 12% прироста номинальной оплаты труда; одновременно были внесены поправки в перспективы снижения цен.

В результате, в этом варианте пятилетки намечается денежную зарплату повысить на 26%, а реальную с учетом снижения рыночных цен — на 57%. Внося и в эту цифру необходимую поправку на повышение квартирной платы и стоимости коммунальных услуг, Госплан исчислил увеличение реального дохода рабочего в 45% [1]).

Однако, и эта проектировка страдает, как показал опыт двух последних лет, недоучетом возможного темпа роста производительности труда. По последним исчислениям ВСНХ рост производительности труда, учитывая ожидаемый эффект наших капитальных вложений, может быть исчислен для пятилетия 1928/29 — 1932/33 (здесь опять сдвиг на один год вперед) не менее чем на 94,9% (сейчас имеются даже более оптимистически расцениваемые, оптимальные варианты, исчисляющие рост производительности труда в 107%), это позволяет ВСНХ запроектировать еще более высокий рост номинальной заработной платы — на 35,9%, а повышение реальной зарплаты исчисляется более чем в 50% [2]).

При росте уровня номинальной заработной платы доля зарплаты вместе с накидными расходами на нее на единицу продукции уже по первому варианту снижается на 17,8% благодаря более высокому росту производительности труда [3]). Последующие варианты не изменяют направления этой проектировки.

Темп повышения заработной платы, при котором она в реальном выражении повысится на 50%, надо признать минимальным. Такой темп по существу означает возможность ежегодного повышения реальной зарплаты в среднем примерно на 8% по отношению к предыдущему году, а в номинальном выражении — в среднем около 6% [4]). В пределах этой средней цифры, во-первых, должно проводиться подтягивание зарплаты отсталых по зарплате групп (1 — 2% ежегодно). Во-вторых, при таком темпе роста зарплаты должно быть обеспечено проведение такого повышения индивидуальной оплаты, которое сможет материально заинтересовать рабочего в гораздо более быстром повышении производительности его труда. Для одного лишь осуществления этих двух задач, среднее ежегодное 8% повышение реальной заработной платы и около 6% повышение номинала является скромным минимумом.

В условиях, когда заработная плата является не только измерителем потребления рабочего, но и могучим рычагом под'ема производительности труда, обеспечение такого минимального роста номинала является экономически совершенно обязательным в интересах самой индустриализации [1]), и пренебрежение этим приводит к отрицательным результатам.

---

[1]) «Перспект. ориентировка на 1927/28—1931/32», изд. «План. Хоз.» 1928 г., стр. 19

[2]) См. материалы к докладу т. Куйбышева на VIII с'езде профсоюзов «О пятилетнем плане развития промышленности», изд. «Торг.-Пром. Газеты», декабрь 1928 г., стр. 25. Тов. Куйбышев указывает рост реальной зарплаты на 56%, но он не учитывает при исчислении реальной зарплаты неизбежного роста квартплаты и коммунальных услуг и преувеличивает падение бюджетного индекса за счет преуменьшения цен на сел.-хозяйственные продукты. С внесением соответствующих поправок его цифра не будет превышать 50%. Именно поэтому, надо думать, VIII с'езд союзов по докладу т. Куйбышева и принял цифру в 50% увеличения реальной зарплаты, как директиву для профсоюзов.

[3]) «Перспект. развития нар. хоз. СССР на 1927/28—1931/32 гг.», стр. 154.

[4]) Речь идет о применении наращенных процентов.

Следующий пример наглядно говорит об этом.

В практике проведения нашей линии в области заработной платы благодаря перегибам в области технического нормирования имеются весьма существенные извращения, «об'ективно идущие в сторону удовлетворения цеховых, групповых интересов в ущерб общеклассовым. В результате этих извращений не только не выполнены партийные директивы в этой области, но, что еще важнее, об'ективно получаются затруднения на пути развития тяжелой индустрии. Дело в том, что уровень заработной платы, в абсолютных цифрах более высокий в тяжелой индустрии, в темпе роста, особенно у горняков и металлистов, значительно отстал по сравнению с быстротой роста зарплаты в легкой индустрии. Директивы партии сводились к необходимости смягчить этот разрыв и осуществить более быстрый рост зарплаты в тяжелой индустрии. Контрольные цифры и промфинпланы правильно отразили эту директиву. Однако, на местах минувший год был закончен с совершенно иными — противоположными — итогами, не уменьшив, а увеличив разрыв в темпе роста зарплаты по отдельным отраслям промышленности. Так, например, намечавшееся по кожевенной промышленности увеличение зарплаты на 3,6% оказалось выполненным со значительным превышением и достигло 10,2%, по пищевкусовой промышленности зарплата повысилась вместо намечавшихся 4,1% на целых 15,6%, полиграфическая промышленность вместо намечавшегося прироста в 6,8% дала увеличение на 13% [2]). Все это имело место при среднем росте зарплаты по всей промышленности на 11% и при росте зарплаты в горной промышленности — лишь на 6,3%. Сопоставьте с этим общеизвестные факты весьма пониженной производительности труда горняков за прошлый год, и ясно будет, что эти извращения, идущие по линии чрезмерного удовлетворения частных интересов рабочих легкой индустрии, противоречат общеклассовым интересам, ибо увеличивающийся разрыв в темпе роста зарплаты рабочих тяжелой индустрии и легкой создает ненужные и лишние затруднения в стимулировании повышения производительности труда в тяжелой индустрии.

IV. О социализированной части зарплаты.

Небезынтересны установки наших противников и в других частях дохода рабочей семьи. Мало того, что им хочется срезать заработную плату. Исподтишка они протягивают руки, чтобы урвать кое-что и по линии тех благ, которые рабочий получает через каналы соцстраха и целого ряда бесплатных услуг.

Дезен печется о необходимости увеличения сбережений рабочего. Его огорчает то, что такое стремление к индивидуальным сбережениям подрывается у нас не нравящейся ему «системой социального обеспечения, осуществляемого целиком за счет государства и его органов» [3]).

---

[1]) Надо сказать, что и в нашей партийной среде (см., например, стенограмму IV С'езда Советов СССР) раздавались предложения о прекращении прироста номинальной зарплаты и улучшении положения занятых рабочих только за счет снижения цен. Но там это ошибочное предложение мотивировалось гораздо более добрыми намерениями: оно связывалось с одновременным предложением немедленного перехода всей промышленности на 6-часовой рабочий день и массового вовлечения в производство безработных рабочих. Автор этого неприемлемого предложения исходил, таким образом, не из интересов чуждых классов, и было бы ошибочным механически об'единять его предложение с кондратьевско-вайнштейновскими.

[2]) См. «Контр. цифры по труду на 1928—29 г.», изд. «Вопр. Труда» 1929 г., стр. 32.

[3]) А. Дезен, цит. ст., стр. 66.

Вайнштейн, предлагавший, как мы видели, понижение зарплаты, высказывается в другом месте за «развитие» доли индивидуальной оплаты труда, но это не более чем фиговый листок для прикрытия предложения об уменьшении той части зарплаты, которая идет рабочему «косвенным образом в виде медицинских, социально-культурных и других услуг через начисления на зарплату. Последние достигли у нас уже настолько больших размеров, что приходится думать об их сокращении, а не увеличении» [1]).

Не трудно расшифровать всю антипролетарскую установку этих предложений. Социальное страхование, являющееся частью советской «системы социального обеспечения, осуществляемой за счет государства и его органов», бесплатная помощь и прочие социально-культурные услуги, рассматриваются нами не как «благотворительность» по ведомству какой-нибудь императрицы, а как система экономических мероприятий, неразрывно связанных с методами пролетарского ведения народного хозяйства.

Человек, мало-мальски знакомый с эффектом всех этих мероприятий в отношении роста самой производительности труда, знает, что все социальные расходы с народнохозяйственной точки зрения экономически оправдывают себя. Исключительная напряженность бюджета социального страхования, заставляющая уже сейчас, в начале пятилетия, ставить вопрос о повышении среднего тарифа взносов на соцстрах, позволяет скорее бросить Госплану упрек обратного порядка: он недоучел в прежних вариантах необходимость и целесообразность расширения доли обобществленной части заработной платы. При реконструкции народного хозяйства в силу одного лишь усиления удельного веса тяжелой индустрии, строительных работ и других отраслей, платящих взносы по льготному тарифу, средний тариф соцстраха придется увеличивать даже для сохранения нынешнего уровня услуг соцстраха. Но одновременно перед социальным страхованием стоит ряд серьезнейших новых задач; в частности мы должны будем перевести до 200.000 стариков на страховую пенсию, дав возможность реконструируемой промышленности безболезненно омолодить рабочий состав за счет переростков и создав этим предпосылку для повышения производительности труда и быстрого усвоения новых приемов работы.

Если основные устремления наших противников сводятся к откровенной урезке обобществленной части заработной платы и к уменьшению уровня соцстраха, то на практике мы имеем буквально десятки и сотни скромных «деловых» предложений, исходящих из страхового аппарата, предложений, маскирующихся проведением режима экономии, а по существу сводящихся к повседневному мелкому бюрократическому ущемлению интересов и к урезке прав застрахованного. Вслед за Вайнштейнами и Дезенами враг посылает в наш стан других агентов, которые, исходя из ведомственного усердия вносят различные предложения об изменении нашего страхового законодательства в сторону уменьшения пособия за первые дни болезни, в сторону общего прекращения выдачи дополнительных пособий и т. д. Какими бы благими намерениями эти предложения ни были продиктованы, мы должны их назвать своим именем — это тенденции, идущие вразрез с интересами рабочего класса.

Со стороны маленького чиновника страхкассы мы тоже нередко видим стремление выслужиться, пролезая в щели недомолвок страхового законодательства. Мы наблюдаем факты бездушного отношения к человеку, придирки к букве, затеивание сложнейших, запутанных и безобразно распухших бумажных дел, во имя весьма сомнительной грошевой экономии на рабочем.

[1]) А. Вайнштейн, «Заработная плата и уровень благосостояния различных слоев населения по пятилетнему плану»,—«Финансы и Нар. Хоз.» № 28, за 1927 г., стр. 314.

Только человек, сознательно не желающий сводить концы с концами, может благодушно отмахиваться от таких извращений, относя их за счет «маленьких недочетов механизма». Надо понять, что здесь дело идет именно об утере классовой чуткости в отдельных ржавых звеньях аппарата. Здесь дело идет о чуждом, буржуазном влиянии на наш аппарат, который не покладая рук надо чистить, чистить и чистить железной метлой. Упростить систему обжалования неправильных решений, максимально децентрализовать систему рассмотрения индивидуальных жалоб, гораздо смелее, чем сейчас, привлечь к этому делу рабочий актив и орабочить аппарат служащих в страхкассе,— вот пути увеличения нашей сопротивляемости этому чуждому влиянию.

Знакомясь с критикой и установками в проектировании других отраслей строительства, которые связаны с улучшением быта рабочих, то и дело натыкаешься на недооценку их значения для под'ема производительности труда и для внедрения социалистических, коллективных и культурных навыков в жизнь рабочего. Прежде всего, сталкиваешься с недооценкой необходимости расширения вложений государственных и кооперативных средств в жилстроительство. На ряду с этим мы встречаемся здесь с предложениями «максимального вовлечения частного капитала».

Первая проектировка Госплана была построена из расчета некоторого снижения жилищной обеспеченности городского населения (в первые четыре года в домах обобществленного сектора намечалось снижение средней жилплощади с 6,1 кв. м на человека до 5,65 кв. м [1]). Начало роста душевого размера жилплощади намечалось лишь с 1931—32 года. Это было безусловной ошибкой, и XV с'езд партии дал установку на «такое увеличение жилищного рабочего строительства, которое обеспечило бы на протяжении ближайших пяти лет повышение обеспечения жилищной площадью рабочего населения».

В «Перспективной ориентировке» Госплан уже признал эту свою ошибку и указывает, что «душевая норма площади для пролетарских групп городского населения может быть заметно повышена».

Проектировка НКТ СССР, со своей стороны, предусматривает такое увеличение вложений в жилстроительство, которое обеспечит рост за пятилетие душевой нормы жилища рабочего с 4,8 кв. м. до 6 кв. м., т. е. на 25% [2]). Однако и эта цифра безусловно недостаточна и может служить тормозом индустриализации. Ее надо повысить.

Сравнительно небольшое увеличение (против запроектированных размеров хотя бы на 1%) обобществленной части заработной платы с целевым назначением на жилстроительство было бы, безусловно, посильно нашему хозяйству, между тем оно позволило бы гораздо решительнее продвигаться к достижению санитарной нормы жилища для рабочих.

В печати нашли свое освещение имевшие место извращения классовой линии в распределении нововыстроенной жилплощади. С каждым днем все чаще встречаются образцы обнаглевния буржуазных элементов в жилтовариществах. Все это красочно говорит о том, что далеко еще не завершена борьба за завоевание рабочим просторного, удобного и дешевого жилища,— предпосылки здорового отдыха, культурного и материального роста благосостояния пролетариата.

К обобществленной части заработной платы можно отнести, кроме страховых отчислений, целый ряд «накладных расходов и начислений на

[1]) «Перспект. разверт. нар. хоз. СССР 1926/27—1930/31», стр. 309.

[2]) И. А. Толстопятов, «Перспективы труда в свете развития нар. хоз. СССР», изд. «Вопросы Труда», 1929 г., стр. 61. Примерно ту же норму намечал ВСНХ СССР (см. тезисы т. Куйбышева к VIII с'езду профсоюзов), см. также сообщение в «Эконом. Жизни» от 14 февраля 1929 г.

зарплату», идущих на спецодежду, снабжение рабочих вредных профессий мылом, жирами, нейтрализующими веществами, содержание фабзавуча и сети школ профтехнического образования, расходы на культнужды, стипендии, ясли, аренду коек в санаториях, домах отдыха и т. п.

Идеологи буржуазии, как мы видели, устами Вайнштейна высказываются прямо за необходимость сокращения всех этих расходов. Но Вайнштейны не остаются без отклика в нашей практике. При перезаключении колдоговоров мы наблюдаем целый ряд необоснованных конфликтов, возникающих на почве бюрократических попыток многих хозяйственников вести наступление на достигнутый уровень услуг путем проведения мелочной экономии за счет урезки рабочего.

Стремление к огульному снижению норм спецодежды, к лишению рабочих так называемого «спецпитания» без устранения самих вредностей; вызывающих необходимость этих мероприятий, стремление к сокращению расходов на профтехническое образование, сужение сети школ ФЗУ и т. п., наблюдавшееся со стороны некоторых кругов хозяйственников, идет вразрез с общей линией пролетарского государства в этих вопросах. Прикрывание этих предложений мотивами ложно понятого «режима экономии», «выравнивания» условий труда и борьбы с цеховщиной и т. п. не может изменить по существу нашего отношения к этим извращениям. Партийная установка здесь ярко отражена в известном письме СНК и ЦК партии «о режиме экономии», письме, клеймившем, как «безобразия» и «прямое преступление», всякие попытки ухудшения материального и культурного уровня рабочего класса, в роде «ухудшения качества спецодежды», прекращения подачи воды в кипятильники, прекращения освещения рабочих клубов, сокращения школ ФЗУ, замаскированного понижения зарплаты и т. д.». Мотивировка всего этого необходимостью снижения доли зарплаты в стоимости продукции не выдерживает критики. Оно должно быть достигнуто не путем урезки той или иной части зарплаты, а соответствующими мерами по социалистической рационализации производства: ее основными составными частями являются введение новой техники, улучшение организации труда, повышение квалификации рабочей силы, уплотнение рабочего дня с одновременным его сокращением. Все, что укрепляет силы рабочего, делает его более работоспособным, технически - грамотным, обученным, культурным, все это ни в какой мере не должно подлежать урезке, как мероприятия, органически связанные с индустриализацией страны.

Более того, нам кажется, что в дальнейших проектировках Госплан должен гораздо смелее продиктовать хозяйству расширение вложений в те области, которые обслуживают быт рабочего. Путем частичного вовлечения средств заинтересованного рабочего населения на кооперативных началах (с повышением взносов для более высоко оплачиваемых) при одновременной дотации государства из обобществленных фондов зарплаты может быть значительно расширена ныне намеченная сеть домов отдыха, общественных столовых, детских яслей, детсадов и др. подобных начинаний, организующих досуг, освобождающих работницу от привязанности к домашнему хозяйству. Все это значительно приблизило бы нас к внедрению социалистических начал в быт.

(Окончание следует).

Я. Никулихин.

О темпе роста и социальном составе кооперации в деревне [1]).

III. Причины слабой кооперированности бедноты в сел.-хоз. кооперации.

Слабая кооперированность бедноты и сравнительно высокая кооперированность зажиточных, с тенденцией стабилизации или дальнейшего роста удельного веса последних по ряду районов важнейших специальных систем, должно обратить сейчас к себе большое внимание партии. Два обстоятельства подчеркивают актуальность этого вопроса: 1) в 1927-28 г. прирост членов в с.-х. кооперации шел главным образом по линии специальных систем, плюс колхозы и простейшие об'единения; 2) в дальнейшем, в связи с реконструктивными процессами в сел. хоз. (индустриализация, специализация) рост сел.-хоз. кооперации пойдет преимущественно по линии специальных систем, простейших об'единений, колхозов (по контр. цифрам на 1928—29 г. спец. системы дают прирост 48,6%, при общей средней 27,4%). Поэтому очень важно вскрыть причины обнаружившегося положения с социальным составом специальных систем и крайне слабой кооперированности бедноты по многим районам универсальной и сел.-хоз. кредитной кооперации. Только тогда будут ясны и меры, которые помогут радикально изменить дело к лучшему.

Чем об'яснить, что по некоторым кооперативным системам, особенно по таким важным, как молочная и животноводческая кооперации, замечалось за последнее время усиление удельного веса верхних групп? Конечно, известную роль в этом деле сыграла передвижка вверх середняцких групп, которые при помощи кооперации, при отсутствии глубоких процессов коллективизации, экономически поднимаясь, увеличивали прослойку зажиточных. Но не эта причина имела решающее значение, определяя тенденцию повышения в составе кооперации групп зажиточных и кулаков. Оно об'яснялось главным образом фактом недостаточного роста кооперированности бедноты, при далеко опережающем росте кооперированности зажиточных. По Рубцовскому округу число коров в 1928 г. по сравнению с 1927 г. увеличилось всего на 7%, а зажиточная группа увеличила свой удельный вес на 110,5%. По Бийскому округу число коров увеличилось за год на 5%, а зажиточная группа свой удельный вес повысила на 40%. По Архангельской губернии число коров в 1927 г. по сравнению с 1926 г. сократилось

[1]) Окончание. Начало ст. см. в пред. номере.

на 6,8%, а в кооперации удельный вес двух верхних групп вырос в 3 раза. Повышение доли зажиточных в составе пайщиков по ее старым районам происходило на фоне медленного роста кооперации. (В целом молочная кооперация в 1927—28 г. по числу членов дала прирост 22,8%, в то время как средняя прироста по специальным системам 94,7%). По старым районам темп прироста еще ниже.

Процент кооперированности хозяйств в молочной кооперации:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Бийский округ (Сибирь)	—	50,2	50,6
Рубцовский округ (Сибирь) . .	74,6	76,8	79,9

В новых районах молочной кооперации темп роста кооперированности шел много быстрее, чем в старых районах, но вследствие того, что степень охвата кооперацией крестьянских хозяйств пока в новых районах небольшая, обслуживание зажиточных происходило в еще большей мере по сравнению с беднотой, чем в старых районах (по Белоруссии, например, за последние два года ежегодно происходило удвоение молочных артелей, но все же на 1/IV—28 г. население в молочной кооперации было кооперировано всего на 2%). Подобная же картина наблюдалась и по ряду других систем. Темп роста по многим из них был велик только по отношению к небольшим исходным величинам (ряд специальных систем только-что создавался), но в абсолютных цифрах не так значителен, и степень охвата населения во многих районах достигнута еще крайне небольшая. Зажиточные же в связи с процессами интенсификации сел. хоз., более благоприятным индексом на ряд технических культур и продуктов животноводства делали попытки опереться на специальные системы кооперации, использовать их в своих интересах. Очень часто, как мы видели, это им с успехом удавалось.

На общем фоне слабой кооперированности населения по большинству специальных систем, медленного роста кооперированности в 1928 г. по молочной и с.-х. кредитной кооперации мы имели еще ряд причин, которые обусловили низкую кооперированность бедноты.

Прежде всего надо отметить слабую работу самой кооперации по кооперированию бедноты. Если потребительской кооперации удалось создать в 1927—28 г. фонд кооперирования бедноты в 6.770 тыс. руб. и кооперировать только за счет этого фонда 1½ млн. бедняков, то с фондами кооперирования по сел.-хоз. кооперации дело обстояло очень плохо. Они выделялись в небольших размерах и, как правило, были ниже 10%, установленной Союзом Союзов нормы (фонд по 8 общ. с.-х. кред. кооп. РСФСР достигал на 1/X—27 г. всего 258 тыс., по Украинскому сел.-хоз. банку 160 тыс. руб.). При чем при многих кооперативах и союзах они не создавались вовсе. Созданные фонды расходовались несвоевременно и очень часто не по назначению, часть их застревала в оборотах кооперации, часть шла не на кооперирование бедноты, а служилого элемента, середняков и иногда даже зажиточных. Наблюдались часто случаи, когда в результате этого середняк выжидал с вступлением в кооперацию, пока его не кооперируют за счет бедняцкого фонда.

Рассрочка паевых взносов применялась, но дело с диференциацией паевых взносов дальше общих разговоров в кооперативных центрах не двинулось, еще в жизнь по сети не проводилось. Кооперативные доплаты за исключением Льноцентра также не использовывались на это дело.

В понимании самой работы со стороны кооперативных кадров наметился ряд искривлений. Большая часть кооперативных кадров кооперирование бедноты осуществляла кабинетным путем, без привлечения к этому делу самой бедноты, без проведения бедняцких собраний, без пробуждения бедняцкой самодеятельности. Поэтому часто не знали, сколько в своем районе бедноты, не знали кого кооперировать (если бедноту где и собирали, то обычно для выбора делегатов и раз'яснения проводимых кампаний). Еще более серьезная часть искривлений шла по линии формальной отписки, будто что-то «сделано», по линии забвения, а в некоторых местах молчаливого саботажа этой работы со стороны части кооперативных кадров. Поэтому часто не было инициативы и доброй воли. Если ее и проводили, то под давлением кооперативных центров и партии. В ряде случаев кооперативные кадры не увязывали работу с беднотой с классовым подходом ко всей работе советской кооперации, которая должна укрепить ее социалистический характер, а рассматривали эту работу, как неизбежную, вынужденную со стороны кооперации дань, ее ослабляющую. При этом забывалось, что кооперация работает на средства, в огромном своем большинстве одолженные пролетарским государством. По всем этим искривлениям надо теперь серьезно ударить.

Отсутствие четкой классовой линии в агротехнической работе кооперации служит также причиной слабого вовлечения бедноты. Кооперацией по линии многих специальных систем обслуживается в большей степени зажиточная часть деревни, чем беднота. Особенно характерным это является по линии самой большой системы—молочной. Контрольные т-ва ориентируются главным образом на хорошую корову зажиточного. В составе контрольных т-в % зажиточных неизмеримо больше, чем в составе молочных артелей. Так, по Сев. Кавказу их 34,3% (они использовали 55% госуд. средств), по Башкирии в Бакалдинском районе их 80%, в Шаровском 20%, даже в Калужской губ. их 15½%, в то время, как в составе пайщиков по Калужской губ. зажиточных 5%. В деле снабжения жмыхами, в финансовом отношении к кооперации зажиточные опять-таки в большинстве случаев лучше поставлены, чем беднота. В Терском округе на Сев. Кавказе кулаки жмыхов получили в 1½ раза больше, чем беднота. По Вологодской губ. по укрупненной Доминской маслодельной артели зажиточные получали жмыха на одно хозяйство в кредит на 17 руб. 30 коп., беднота на 11 руб. 69 коп.—11 руб. 72 коп.; за наличные зажиточные покупали на 33 руб. 86 коп., беднота на 2 руб. 9 коп.—10 руб. 3 коп., середняки на 15 руб. 84 коп. Задолженность кулацких групп кооперации, как правило, много выше, чем бедноты. Так, по той же артели Вологодской губ. задолженности на одно хозяйство зажиточных приходилось 14 руб., бедноты 3 руб. 75 коп.—6 руб. 45 коп. По В.-Чехчерумской артели Архангельской губ. задолженность кулацкой группы была 81 руб., середняцкой — 45 руб., бедняцкой — 35 руб. Выдача премий на выставках падает главным образом на скот зажиточных. Зажиточные при помощи кооперации в большинстве случаев скорее улучшают породу скота, повышают удои, чем беднота и середняки. Это потому, что в агротехнической работе кооперации не было четкой классовой линии, обслуживание пайщиков проходило или по линии пропорциональности коров у них, или в первую очередь зажиточных групп. Агрономический и технический персонал делал накрен именно на более крепкие хозяйства. Примерно такое же положение с агротехнической работой обстоит и по ряду других систем. При чем там, где развивалась за последние годы частная переработка с.-х. продуктов (особенно в области молока в Сибири, Архангельской губ.), кулак, используя агротех-

ническую помощь кооперации, однако, в некоторых районах (ряд пунктов Сибири) уменьшил заносы молока на корову, предпочитая значительную или большую часть его перерабатывать на собственных сепараторах или на частных заводах (т.-е. налицо происходит обман кооперации: записываются в члены для получения сильных кормов, а полученное при их посредстве молоко перерабатывают по-капиталистически).

По многим системам, в том числе по молочной, льняной, с 1928 года начался известный перелом в агротехнической работе кооперации, начался известный накрен в сторону большего обслуживания бедноты. Но этот перелом только пока в начальном своем этапе. Многие решения кооперативных центров в этом смысле еще не проведены в жизнь.

Для этого нужна основательная проверка, нужна переориентировка и перемена в личном составе значительной части кооперативных и агрономических кадров, особенно из тех, кто уклон на обслуживание бедноты расценивает как угрозу развала кооперации. Необходимо сломить всякое противодействие проведению четкой классовой линии в работе всей кооперации, проверяя на ее осуществлении кооперативные кадры. Только при этом условии агротехническая работа кооперации станет могучим стимулом к вступлению бедноты в кооперацию.

Отсутствие широкой работы по производственному кооперированию и коллективизации, особенно по линии специальных систем, было одной из главнейших причин слабого вовлечения бедноты в кооперацию. Выгоды кооперативной переработки будут слабо ощутимы беднотой, если она не будет поставлена в одинаковое положение с другими группами в области условий производства сырья для переработки, что достижимо при коллективизации сначала отдельных производственных процессов, а затем и всего производства в целом. Начать надо с обобществления по линии строительства утепленных кооперативных скотных дворов, кооперативных телятников, кормушек, птичников, с кооперативных участков кормовой базы, чтобы итти дальше по линии общественных запашек вообще и к обобществлению остальных производственных процессов.

Надо прямо сказать, что процессами производственного кооперирования, коллективизации до 1928 года специальные системы почти совершенно не занимались. В 1928 году произошел только небольшой сдвиг в этом направлении, и главным образом он пока выразился в обслуживании, в помощи существовавшим, возникшим в этом году колхозам (организация при колхозах случных пунктов, рассадников племенного скота и птицы, снабжение сильными кормами, семенами, выдача повышенных авансов, организация пасек, садов и т. п.). При чем активное участие в создании колхозов принимали главным образом четыре системы: Семеноводсоюз, Свеклоцентр, Хлопкбюро и Табаководсоюз. Работа по обслуживанию колхозов, конечно, очень важная, она поднимает специализацию колхозов, товарность их продукции, их эффективность. Но не менее важна, а в смысле широты охвата крестьянских масс для многих систем еще более важна работа по коллективизации отдельных производственных процессов вокруг кооперативной с.-х. индустрии. К этой работе специальные системы сделали небольшой приступ только в 1928 г. Теоретические и практические вопросы коллективизации, связанные с с.-х. индустрией, проработаны кооперацией очень слабо (не выработаны организационные формы, типовые уставы, не намечены источники финансирования и т. д., массовой пропаганды за коллективизацию—нет). Существует также большой разрыв между намечаемыми планами коллективизации и их фактическим выполнением (большое недовыполнение предположений). Но и сами-то планы коллективизации по линии с.-х. индустрии не выходили еще из круга минимальных предположений. Но и они, благодаря недостаточному вниманию к этому делу, слабой работе (или отсутствию ее) по привлечению к процессам

производственного кооперирования самой кооперативной общественности—часто не выполнялись. К примеру, в старом районе молочного земледелия,—Бийском округе,—летом 1928 г. числилось всего 3 коллективных двора, а отпущенные Госторгом кредиты на постройку подобных дворов в размере 55 тысяч рублей были закрыты за неиспользованием. В других районах Сибири по имеющимся данным строительство кооперативных скотных дворов идет крайне медленно, плохо, стройка их часто приостанавливается, задерживается по возведении фундамента. В районе Архангельского Молсоюза до лета 1928 г. и вопросов об этом совершенно не ставилось. Это факты по молочной кооперации, которая, как известно, стоит далеко не на последнем месте. В отношении универсальной и с.-х. кредитной кооперации по данному вопросу имеются очень скудные материалы как в данных обследований (отдела по работе в деревне ЦК), так и у Союза Союзов. Но имеющиеся данные говорят, что с.-х. кооперация и в 1928 г. не повернулась сколько-нибудь значительно от сбытово-снабженческих операций к работе по производственному кооперированию.

Большинство вновь возникших простейших об'единений и колхозов создавалось стихийно, не по инициативе, не при помощи с.-х. кооперации. С этой помощью она приходила им только впоследствии. Такие зачаточные формы коллективизации, как прокатные, случные, зерноочистительные пункты, разного рода предприятия деревни (ремонтные мастерские, молотильные и пр. установки) не были в должной мере использованы. Это и было главной причиной медленности роста с.-х. кооперации. Там, где в редких случаях с.-х. кооперации удавалось привлечь внимание населения к созданию важнейшего для населения предприятия, она в высшей степени поднимала кооперированность населения, на много увеличивала паи. Так, в С.-Бардинском районе, Бийского округа на строительстве электромельницы с.-х. кооперации удалось вовлечь 85,5% населения и увеличить пай до 9 руб. 98 к., в то время как по всему Бийскому округу из-за слабой работы по производственному кооперированию годовой план с.-х. кооперации выполнен всего на 34,2%.

IV. Основные рычаги по усилению темпа кооперирования бедноты и середняков.

На большой размах в росте членов по потребительской кооперации села на ряду с более энергичной работой ее по вербовке членов, лучшей работой среди бедноты оказал свое влияние и такой важный стимул, как отпуск дефицитных товаров только пайщикам. С.-х. кооперация не могла в такой степени использовать последний стимул для вовлечения бедноты и значительной части середняка, так как многие с.-х. машины и орудия и прочие средства производства непосильно было приобрести в индивидуальной форме для маломощных слоев деревни. При чем сама степень дефицитности по ряду основных средств производства была в истекшем году и остается на ближайшее время много выше, чем дефицитность по предметам потребления промышленного происхождения. Характерно в связи с этим отметить, что рост сбыта через с.-х. кооперацию растет неизмеримо быстрее, чем рост снабженческих операций. (Так, например, если с 1925/26 г. по 1927/28 г. общая сумма сбыта выросла примерно в 2½ раза, то снабжение только в 1½ раза). Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает задачу, с одной стороны, более усиленного направления средств производства по линии с.-х. кооперации и, с другой стороны, более рационального и отвечающего задачам социалистического строительства использования поступающих средств производства. Все вместе взятое является основным фоном, на котором обеспечен дальнейший рост с.-х. кооперации во всех ее видах.

Но, чтобы на этом фоне пойти быстро вперед, с.-х. кооперации необходимо, не забывая о развитии своих сбытовых операций, центр тяжести своей работы все более переносить на вопросы производственного кооперирования, коллективизации. Именно последнее является, и чем дальше, тем больше будет являться, основным методом под'ема производительных сил в сельском хозяйстве экономического под'ема бедноты и большинства середняков, поскольку производственное кооперирование идет по линии уничтожения огромных ножниц между издержками производства, между условиями труда в бедняцких и в большинстве середняцких хозяйств, с оодной строны, и хозяйств крупных (в том числе зажиточных, кулацких),—с другой стороны. Кооперирование только сбыта и переработки, как бы полно оно ни было, но при сохранении неравенства в вооруженности средствами производства в различных группах крестьянства, без коренной технической и социальной реконструкции сельского хозяйства, не даст бедняку через вхождение в с.-х. кооперацию необходимого эффекта и не устранит большей степени использования с.-х. кооперации зажиточным, не приостановит роста капитализма в сельском хозяйстве. Процесс кооперирования новых массивов бедноты и середняков должен теперь одновременно все более совпадать с процессами их производственного кооперирования и коллективизации через с.-х. кооперацию и вокруг кооперативной сельскохозяйственной индустрии.

В это упирается сейчас дальнейшее развитие кооперативной с.-х. индустрии главным образом по линии сырья. Постоянный недостаток сырья, недогрузка заводов в старых районах ее деятельности довольно остро все время чувствуются по ряду специальных систем, некоторые из них (молочная) переживают даже кризисное состояние. В тех районах, где кооперирование переработки и сбыта товарной продукции достигло уже больших размеров (70, 80, 90%), переход к кооперированию самого процесса производства сырья назрел с насущной необходимостью.

Для широкого развертывания работы по производственному кооперированию и коллективизации по линии с.-х. кооперации есть несколько путей. В основном они сводятся к трем:

а) Организация при с.-х. универсальной и с.-х. кредитной кооперации зачаточных форм производственного кооперирования (прокатных, зерноочистительных, ремонтных пунктов, тракторных колонн и т. п.); б) организация по инициативе и при помощи с.-х. кооперации простейших форм производственных об'единений и колхозов; в) широкое кооперирование производственных процессов вокруг с.-х. индустрии (вокруг разного рода предприятий по переработке с.-х. продуктов).

Большие государственные средства, которые отпускаются теперь по линии с.-х. кооперации, при этом условии получат наиболее рентабельное применение и дадут высокий народнохозяйственный эффект. Средства населения в таком случае удастся привлечь в неизмеримо большем размере, ибо крестьянин будет заинтересован увеличивать пай, вносить дополнительные сборы и вклады, когда убедится, что деньги нужны на такие хозяйственные мероприятия, которые коренным образом улучшают его хозяйство. На примере Бардинского района мы уже видели, насколько глубоко захватывает интерес деревни строительство необходимых кооперативных предприятий.

На усиление роста с.-х. кооперации по линии ее специальных систем будет иметь огромное влияние более широкое развертывание кооперативной с.-х. индустрии в новых для нее районах, чем это имеет место до сих пор.

Знакомство с материалами за истекший год и с контрольными цифрами Союза Союзов на 1928/29 г. приводит к выводу, что кооперативные центры строительство с.-х. индустрии сосредоточивают преимущественно в старых насыщенных ею районах и ничтожное внимание уделяют таким новым районам, где она имеет значительные условия для своего развития. Между тем, эффективность каждого вновь выстроенного завода по его реконструирующему влиянию на сельское хозяйство, по выпуску товарной продукции на каждый рубль оборудования значительно выше в новых районах, чем в большинстве старых, уже насыщенных ею, районах [1]). Сам темп роста кооперации в новых районах идет в несколько раз быстрее, чем в старых районах (например, по Сибири и Вологде прирост кооперативной сети по маслоделию небольшой и очень большой по ЦЧО, Средне-Волжской, Нижне-Волжской, Западной области, Башкирии; по картофельной кооперации больший темп по Западной и Средне-Волжской обл., чем в ЦПР).

Крайняя сдержанность в строительстве с.-х. предприятий по новым районам не поспевает за развертыванием сети кооперативных первичек, мало используется, как могучий стимул по широкому охвату кооперацией огромных крестьянских массивов ЦЧО, Средне-Волжской, Нижне-Волжской, Западной области, Белоруссии. И в отношении привлечения средств населения по этим районам (в % к затрате государственных средств) дело обстоит не хуже, а во многих случаях лучше, чем в старых районах. Между тем, строительство сосредоточивали главным образом в старых районах и, по свидетельству тов. Каминского, в Сибири, «где был бы нужен и мог получить нагрузку один завод, их понастроили несколько», в результате большая недогрузка большинства вновь выстроенных маслозаводов, а в новых районах их огромный недостаток. При чем в районах с ничтожной с.-х. индустрией как раз и степень кооперированности по всем видам с.-х. кооперации является очень низкой. Чтобы поднять ее по всей стране, надо, кроме всего прочего, максимально подогнать отстающие районы. На ряду с колхозами и простейшими производственными об'единениями с.-х. индустрия должна явиться одним из самых могучих средств к усилению темпа кооперированности. С этой целью в плане капитального строительства с.-х. индустрии по всем кооперативным системам необходимо прежде всего сделать большее ударение на новые районы. Необходимо вообще усилить строительство с.-х. индустрии по всему Союзу, так как народнохозяйственный эффект ее огромен [2]), в ускорении же темпа кооперированности крестьянских хозяйств она будет иметь первостепенное значение.

В области специальных мероприятий по кооперированию бедноты необходимо устранить все обнаружившиеся недочеты: неполное отчисление из прибылей в фонды кооперирования, несвоевременное и часто не по назначению расходование данных фондов; вопрос о диференциации паевых взносов вывести из плоскости только разговоров и директив в плоскость действительного проведения в жизнь данного решения. Кооперативным центрам и союзам необходимо орга-

[1]) Так, например, по линии Маслоцентра на каждый рубль оборудования по контрольным цифрам Союза Союзов выпуск продукции предполагается на 1 р. 26 коп. по Сибири, по Сев.-Зап.—42 к., а в ЦЧО—на 1 р. 85 коп., в Башкирии—20. По картофельной кооперации в плане нет строительства крахмало-паточных и сушильных заводов в Зап. обл., где условия очень благоприятны для этого. По линии Плодовинсоюза совершенно нет строительства сушильных пунктов в ЦЧО, Средне-Волжск. Подобные недостатки есть и по другим системам.

[2]) Строительство предприятий с.-х. индустрии «происходит настолько быстро, что в большинстве случаев уже к концу того года, когда постройка начинается, предприятия поступают в эксплоатацию и дают первую продукцию». На единицу оборудования с.-х. индустрия дает в несколько раз больше продукции. На 1 рубль продукции она требует в среднем затрат на оборудование в 25 к. («План. Хоз.», № 7, 1928 г., ст. Вишневского).

низовать проверку выполнения первичной сетью и союзами имеющихся решений в области фондов кооперирования и паевых взносов. Необходимо усилить вовлечение хозяйств, возглавляемых женщинами (женами погибших солдат, красноармейцев, партизан), как преимущественно бедняцких (таких 15% среди всех хозяйств по СССР) Во всей работе по кооперированию бедноты необходимо решительно изжить обнаружившиеся искривления: кооперирование бедноты кабинетным путем, без организованного участия и самодеятельности самой бедноты, рассматривание этой работы, как вынужденной, ослабляющей кооперацию, неувязывание ее со всей ролью советской кооперации, как основного рычага по социалистическому переустройству деревни; необходимо сломить саботаж этой работы со стороны значительной части кооперативных кадров.

Необходимо заострить четкость классовой линии во всей агротехнической работе с.-х. кооперации, особенно ее специальных систем.

Надо всячески поощрять и расширять на все системы и все звенья кооперации начавшийся по некоторым системам и районам плановый подход к кооперированию бедноты (учет некооперированной бедноты, учет всех средств и возможностей по максимальному кооперированию бедноты как на каждый год, так приблизительный расчет срока полного кооперирования бедноты). Это придает работе по кооперированию бедноты больше систематичности, мобилизует лучше силы и средства, обеспечивает ей больший эффект.

В деле усиления роста с.-х. кооперации и улучшения ее социального состава большое значение будет иметь вопрос о кадрах. Он приобретает особую остроту в связи с большими перспективами развития с.-х. кооперации по линии специальных систем, когда потребуется целая армия специалистов и руководителей кооперативами с.-х. индустрии. Смотря по тому, как успешно будет создаваться и кем будет создаваться эта армия, от этого в значительной степени будет зависеть вопрос о технике и социальном направлении деятельности с.-х. кооперации. Вот почему необходимо выделить на этот участок кооперативной работы целый слой коммунистов не только из деревенских организаций, но и городских (это сделать теперь легче, в связи с районированием), провести их через сеть специальных кооперативных курсов, школ, заставить всерьез специализироваться по отдельным отраслям кооперативной работы, итти на нее на длительные сроки, без дерганий и частых перебросок. Необходимо заострить вопрос о подготовке работников через с.-х. техникумы, вузы. Без этого теперь нельзя занять руководящие посты по линии с.-х. кооперации вообще, и особенно по линии ее специальных систем, обеспечить четкую классовую линию в их работе.

Мы далеко не исчерпали всех возможностей по усилению темпа кооперирования бедноты и середняков. Мы остановились только на некоторых основных путях к этому. Но и на основе их можно заключить, что возможностей для усиления темпа у нас, безусловно, имеется много. Все будет зависеть от наших усилий и продвижения вперед в области производственного кооперирования, строительства с.-х. индустрии, широкой подготовки кооперативных кадров, от серьезности и размаха всей работы по кооперированию бедноты и основной массы середняков.

Г. Маленков.

Повышение производительности труда и задачи низовой партийной работы[1]).

В своей организационной работе наша партия всегда исходит из того, что очередные организационные задачи целиком связаны с очередными общеполитическими и социально-экономическими задачами, что формы и методы работы всецело определяются условиями конкретной обстановки переживаемого периода. Вот почему для того, чтобы правильно наметить в настоящее время задачи, формы и методы партийной работы на производстве, необходимо их рассмотреть в свете основных особенностей первого этапа социалистической реконструкции.

Реконструктивный период есть прежде всего период качественного преобразования нашего хозяйства. На настоящем этапе пролетарской революции рабочий класс в союзе с крестьянскими массами «приступает по всему фронту, включая и отсталую деревню, к выкорчевыванию корней капитализма, питающихся почвой мелкого товарного хозяйства» (ноябрьский пленум ЦК). К требованиям дальнейших количественных увеличений в реконструктивный период гораздо полнее прибавляется требование качественных достижений.

Социалистическая реконструкция есть тот путь качественного преобразования народного хозяйства, идя которым партия стремится обеспечить дальнейшее успешное разрешение коренной задачи пролетарской революции — повышения производительности труда. «Во всякой социалистической революции, — писал Ленин, — после того, как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того, как решается в главном и основном задача — экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация» (Очередные задачи советской власти).

Два основных условия повышения производительности труда неоднократно подчеркивал Ленин. «Под'ем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии... Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный под'ем массы населения... во-вторых, ...повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации». (Оч. з. совввласти).

[1]) Обработанная стенограмма доклада, сделанного автором 26 янв. 1929 г. в кружке партийного строительства при Коммунистической Академии.

На первом этапе социалистической реконструкции борьба за дальнейшее поднятие производительности труда требует преодоления особых трудностей. Рассмотрим кратко, чем обусловливаются эти трудности и какие задачи они выявляют для партийной работы на производстве.

Укрепление материальной основы крупной индустрии, т.-е. выполнение **первого условия** повышения производительности труда, в дальнейшем неизбежно связано: во-первых, с исключительной *напряженностью* наших хозяйственных планов; во-вторых, с *перераспределением* материальных ресурсов в пользу тяжелой индустрии; в-третьих, с решительным *развертыванием рационализаторской работы.*

Напряженность наших хозяйственных планов с достаточной ясностью характеризуется теми заданиями, которые ставит перед собою партия в отношении промышленности на ближайшее пятилетие: рост продукции более чем в 2½ раза, снижение ее себестоимости на 32%, повышение производительности труда на 85—107% (отправ. и оптим. планы). Уже в текущем году необходимо снизить себестоимость на 7% и поднять производительность труда на 17%. Осуществление такого плана означает, что промышленность будет давать продукции почти в три раза больше, чем в довоенное время. В то же время этот план требует от 13,3 до 15,6 (отправной и оптимальный планы) миллиардов капиталовложений («Э. Ж.» № 59, 60). Такая напряженность целиком вытекает из задачи в кратчайший исторический срок экономически догнать, а затем и перегнать передовые капиталистические страны. Задача же эта в свою очередь обусловлена невозможностью длительного *мирного* сосуществования советского государства с капиталистическими. «Мы живем,— писал *Ленин*,—не только в государстве, но и в системе государств, и существование советской власти рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен». (Доклад на VIII с'езде партии). Таким образом, мы связаны сроками в выполнении задач, возложенных на нас историей. Нам необходимо иметь максимально возможный быстрый темп хозяйственного развития, нам необходимо выполнять чрезвычайно напряженные хозяйственные планы. Но максимально возможный быстрый темп и напряженные планы базируются целиком на внутренних ресурсах страны. Это необходимо подчеркнуть, *во-первых*, для того, чтобы резче определилась теснейшая зависимость между уровнем производительности и возможностями под'ема материального благополучия трудящихся (намечаемое 5-леткой повышение зарплаты рабочих на 41—45% должно явиться результатом полного осуществления производственных заданий пятилетнего плана), а *во-вторых*, для того, чтобы была ясной неизбежность известных *ограничений в темпе* поднятия материального уровня трудящихся, в том числе и рабочего класса. Рабочий класс временно вынужден *самоограничивать* себя в целях более успешного и быстрого преодоления трудностей хозяйственного строительства и обеспечения таким образом в дальнейшем большей планомерности и прочности в под'еме материального уровня. Однако, в условиях роста народного хозяйства, в условиях благоприятных в общем показателей под'ема промышленности, отдельные слои рабочих и в первую очередь отсталые труднее усваивают необходимость самоограничения, необходимость более медленного, чем на первый взгляд кажется возможным, под'ема материального уровня. В части рабочих масс неизбежно обнаруживаются отрицательные настроения.

Процесс **перераспределения** материальных ресурсов в пользу тяжелой индустрии характеризуется хотя бы тем фактом, что в предстоящее пятилетие по тяжелой промышленности предполагается рост продукции на 175—

235% (отпр. и оптим. планы), по легкой же на 109—144%. Такое перераспределение целиком вытекает из задачи качественного преобразования народного хозяйства путем укрепления ведущей роли крупной индустрии. Но поскольку оно имеет своим результатом некоторое ограничение на первых порах роста продукции широкого потребления и связано с перекачкой прибылей из легкой промышленности в тяжелую, постольку естественно появление среди отдельных, в особенности отсталых, слоев рабочих настроений недовольства.

Социалистическая рационализация производства приводит в целом к численному росту рабочего класса и оказывает огромное положительное воздействие на все стороны его жизни. Бесспорным является тот факт, что на базе развертывающейся рационализации происходит под'ем материального и культурного уровня рабочих, а также значительно вырастает их политическая сознательность. Об этом с большой наглядностью свидетельствуют результаты реконструкции и рационализации нефтяной промышленности, которая прошла почти полный цикл своей перестройки. Заработная плата в этой отрасли промышленности за период реконструкции и рационализации непрерывно росла и в общем увеличилась с 1924—25 г. по 1-е полугодие 1927—28 г. более чем на 50%. На жилстроительство для рабочих нефтяной промышленности затрачено 23 миллиона рублей. Таких рабочих поселков, какие теперь имеются в Баку, еще не было нигде в нашем Союзе. При отсталом составе рабочих партийная прослойка в нефтяной промышленности является самой высокой (18%) сравнительно со всеми другими отраслями,— резкое увеличение ее произошло именно в результате коренной перестройки на базе высшей техники всей нефтяной промышленности. Однако, поскольку процесс рационализации связан с некоторым перераспределением рабочей силы, а следовательно, и с временным вытеснением, сокращением рабочих на отдельных участках производства, с отмиранием ряда квалификаций, поскольку рационализация неизбежно предполагает уплотнение рабочего дня, поднятие интенсивности труда — постольку проведение ее не может не сопровождаться болезненными явлениями. Об этом особенно красноречиво говорят трудности проведения рационализации в текстильной промышленности. В той же нефтяной промышленности в течение 1924 г. (начало реконструкции) отмечалось серьезное недовольство среди отдельных групп рабочих, вызванное отмиранием некоторых квалификаций и перебросками в связи с рационализацией.

Выполнение **второго** из указанных Лениным условий повышения производительности труда связано с задачей преодоления известного обострения в настоящее время проявлений **противоречия** между культурным уровнем масс, умением работать, организацией труда, состоянием дисциплины трудящихся, с одной стороны, и качественно усложнившимися, в связи с реконструкцией, задачами, с другой стороны. Каждый шаг продвижения по пути реконструкции все острее ставит вопрос о большей культурности, о лучшей организованности в работе, вопрос об умении работать. По существу, в целях дальнейшего поднятия производительности труда мы обязаны пред'являть и начинаем уже пред'являть к нашему рабочему, в смысле умения работать, требования, все более приближающиеся к уровню умелости рабочих передовых стран. Между тем, несмотря на огромные достижения в этом отношении за истекшие годы, еще до сих пор в некоторой мере справедливым остается замечание *Ленина* о том, что «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями».

О наличии некоторого обострения *проявлений* указанного выше противоречия свидетельствует такой крупный факт, как *серьезное падение за последнее время трудовой дисциплины на фабриках и заводах.* В специальном постановлении Совета Народ-

ных Комиссаров (6 марта 1929 г.) по этому поводу отмечено следующее: «Одной из главных причин, задерживающих рост нашей промышленности и всего хозяйства, является ослабление трудовой дисциплины среди некоторых отсталых групп рабочих на предприятиях промышленности и транспорта. В результате этого возросли прогулы, увеличилось число опозданий на работу, наблюдается небрежное обращение с машинами и материалами, невыполнение распоряжений администрации и другие нарушения правил внутреннего распорядка».

Следует подчеркнуть, что и до этой волны падения с трудовой дисциплиной на предприятиях дело обстояло далеко не благополучно. За календарный 1927 год по неуважительным причинам всеми рабочими было прогуляно 14 миллионов 557 тысяч дней; по разным причинам (без отпусков) один рабочий в среднем пропустил в 1927 году—26 дней, тогда как в 1913 году на одного рабочего приходилось 9,8 пропущенных дней [1]). В свете такого состояния трудовой дисциплины факт ее падения за последнее время, несомненно, приобретает прямо угрожающее значение.

Несомненно, что в основе падения трудовой дасциплины лежит значительная культурная отсталость некоторых, главным образом новых, слоев рабочих и слоев, связанных с деревней, непонимание ими задач социалистической рационализации, недостаточность классовой и политической сознательности. За последние пять лет на наши предприятия по одной только промышленности ВСНХ пришло 1.057 тысяч новых рабочих. По трем губерниям (Ив.-Возн., Владим., Москов.) из 520 тысяч текстильщиков—179 тысяч (34%) проживает в деревне [2]). В уже цитированном выше правительственном постановлении о мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях было отмечено: «Эти ненормальные явления в значительной мере вызваны притоком на предприятия новых слоев рабочих, в большинстве связанных с деревней, не прошедших школы производственной фабричнозаводской дисциплины».

Падение трудовой дисциплины в настоящих трудных условиях есть не что иное, как частью бессознательное, а частью и сознательное *сопротивление отсталых* слоев рабочего класса проведению рационализации производства, уплотнению рабочего дня, лучшей организации труда.

Сказанное выше о том, как обстоит в настоящее время дело с двумя основными условиями повышения производительности труда, характеризует трудности партийной работы на производстве и, вместе с тем, ярко подчеркивает ту основную задачу, которая встает в текущий период перед производственными ячейками.

Центральной задачей партийной работы на производстве является мобилизация масс на всех участках работы на сознательное и активное преодоление трудностей перехода на новую, более высокую ступень производительности труда.

Открыто и ясно ставя перед рабочими вопрос о трудностях, низовые организации должны добиться ясного понимания со стороны всей массы рабочих необходимости максимально быстрого проведения реконструкции, сознательного отношения к трудностям, связанным с этим темпом, с перераспределением средств в пользу тяжелой индустрии, с проведением рационализации производства. Ячейки на предприятиях должны уделить исключительное внимание вопросам производства, вовлечению масс в их разрешение, поднятию производственной квалификации рабочих, борьбе за трудовую дисциплину. На партийных и массовых пролетарских организациях лежит обязанность

[1]) См. брошюру тов. Т. А. Тирзбанурта, «За трудовую дисциплину».

[2]) См. брошюру Н. Семенова, «Лицо фабричных рабочих, проживающих в деревнях».

обеспечить со стороны всей массы рабочих активную поддержку мероприятий по рационализации, проявление инициативы в деле улучшения производства. Сейчас более, чем когда бы то ни было, нужна смелая и решительная общественная борьба с отсталыми настроениями, с элементами, дезорганизующими производство. Самое страшное, самое вредное в настоящее время может заключаться в том, что под влиянием трудностей и под напором отсталых слоев низовые организации сдадут и вместо выполнения авангардной роли в борьбе за повышение производительности труда окажутся плетущимися в хвосте, т.-е. по существу окажутся пассивным проводником влияния на все производство наименее культурных групп рабочих.

Производственный эффект участия масс в хозяйственном строительстве, активная поддержка рабочими практических мероприятий по преодолению трудностей перехода на высшую ступень производительности труда, — *вот что должно являться важнейшим критерием успехов и недостатков низовой партийной и массовой работы.*

Непосредственно из указанной выше центральной задачи вытекает необходимость самого **чуткого и внимательного** отношения к справедливым требованиям рабочих и возможно более полного удовлетворения их культурно-бытовых запросов. Как никогда, важно к этим вопросам подойти именно с точки зрения обеспечения непосредственных интересов производства, с точки зрения практического *облегчения рабочему перехода на новую ступень производительности труда.*

Правильной постановкой партийной и массовой работы на предприятиях мы обязаны полностью предупреждать оформление отрицательных настроений. *Ни одной волынки, ни одного конфликта на производстве из-за невнимательного отношения к настроениям рабочих, к их справедливым запросам,*— таков один из важнейших лозунгов повседневной партийной и массовой работы на производстве.

Коренную задачу социалистической революции — повышение производительности труда, — рабочему классу приходится решать в условиях известного **обострения классовой борьбы,** связанного с развертыванием наступления на капиталистические элементы, и при наличии **бюрократизма в госаппарате.** Рост активности слоев социально враждебных и полувраждебных пролетарской диктатуре, а также тот факт, что рабочий класс в своей «лихорадочной работе над переделкой страны» «встречает на своем пути злейший бюрократизм своего госаппарата, его громоздкость, его косность и возмутительную волокиту»,—все это выдвигает перед ячейками ряд новых задач, по-новому ставит вопрос о методах партийной работы. В этих трудных условиях в огромной степени вырастает роль производственных партийных ячеек в общей системе рычагов, которыми располагает партия для преодоления трудностей социалистического строительства. Ячейки должны стать в гораздо большей мере, чем до сих пор, боевыми органами мобилизации масс на преодоление социально враждебных нам настроений, а также боевыми органами привлечения рабочих к практической борьбе с бюрократизмом в госаппарате. В настоящее время с особой остротой выступают задачи — всей системой и методами работы обеспечить *более быстрый*, сравнительно со всеми слоями населения, рост политической активности рабочих масс, всей системой и методами работы обеспечить *массовый приток* в госаппарат передовых пролетариев из кадров рабочего класса.

Вместе с тем, усиление, под влиянием трудностей социалистического строительства, давления мелкобуржуазных влияний на рабочий класс и на ряды нашей собственной партии делает исключительно важной задачу *спло-*

чения партийных рядов в борьбе за правильную партийную линию, на базе отпора влияниям на рабочий класс и на нашу партию враждебных диктатуре мелкобуржуазных слоев. На всех этапах социалистического строительства находили свое конкретное политическое проявление (нередко в чрезвычайно резкой форме) трудности, вытекающие из нашей культурно-экономической отсталости. Каждый раз при трудностях в рядах самой большевистской партии находились элементы, готовые отступить перед трудностями, готовые пожертвовать «коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды» (Ленин).

Преодолевая трудности социалистического строительства, партия вела решительную борьбу с колебаниями в своих собственных рядах. На крутых поворотах истории большевики умели выделить *важнейший для данного этапа вид оппортунизма*, умели направить все усилия на борьбу с конкретными проявлениями его. Отклонения от правильной партийной линии уже в самом зачаточном их состоянии подвергались жесткому идейному обстрелу. Сила большевистской партии всегда заключалась в том, что она, определив генеральную линию развития для данного исторического этапа, воспитывала всю массу своих членов в духе активного действия именно в этом решающем направлении, в духе непримиримого отношения даже к самым слабым попыткам отклониться от намеченного пути. *Решающая роль в работе по преодолению проявлений оппортунистических шатаний всегда выпадала на долю производственных ячеек.*

В настоящее время оппортунистические колебания под давлением трудностей реконструкции находят свое проявление, с одной стороны, в троцкизме, и с другой—в правом уклоне. Партия ведет борьбу с этими уклонами. При чем в связи с разоблачениями в основном контрреволюционной сущности троцкизма, заостряет особое внимание на борьбе с правой опасностью. *Задачей производственных ячеек является консолидировать партийные силы на базе генеральной линии партии*, на базе решительной борьбы с отклонениями от этой линии.

Как мобилизуются массы на борьбу за повышение производительности. Что показал опыт перехода на 7-часовой день.

Ход кампании перевыборов в советы на предприятиях с наглядностью свидетельствует о росте политической активности рабочих. Массы целиком приемлют генеральную линию партии. Об этом говорит и тот факт, что производственные ячейки, давая решительный отпор антипартийным и антисоветским троцкистским настроениям, находили полную поддержку среди основной части беспартийных.

Важнейшим достижением работы партии в массах является *возросшее* среди рабочих стремление участвовать в руководстве хозяйственной жизнью предприятия и активно бороться с недостатками в производстве. Передовые рабочие понимают трудности социалистического строительства. Лучшие из них умеют призывать массу на преодоление этих трудностей. Типичным в этом смысле является выступление рабочего на одной из трестовских производственных конференций. «Мы забываем, что мы много пролили крови, чтобы получить эти ценности в руки рабочих и крестьян, поэтому нужно пролить и много пота, чтобы восстановить свое хозяйство, и для этого нужно беречь те ценности, которые у нас имеются». Первые итоги самокритики показывают, что огонь критики масс в основном направляется по линии борьбы с недостатками в хозяйственном строительстве. Можно сказать, что основной запрос передового рабочего заключается в том, чтобы продвинуться

на ступеньку выше по пути укрепления его роли хозяина в производстве. Важно подчеркнуть, таким образом, что между основной задачей—мобилизовать массы на сознательное и активное преодоление трудностей перехода на новую, более высокую ступень производительности труда—и основным запросом лучшей части рабочих *не только нет разрыва, но успех разрешения основной задачи обеспечивается активным стремлением рабочих бороться за улучшение производства.*

Успешное проведение работы по организации активности масс вокруг производственных задач обеспечивается также наличием тех коммунистических сил, которыми располагает партия в самом рабочем классе, и наличием значительных кадров беспартийного рабочего актива. По данным на январь 1929 года коммунистов-рабочих на производстве было 600 тыс., коммунистическая прослойка в составе фабрично-заводского пролетариата равнялась в октябре 1928 г.—12%. В это же время беспартийный профессиональный актив исчислялся, примерно, в один миллион человек. Рабочих-комсомольцев на производстве было 650 тысяч. Делегаток-работниц—100 тысяч. Активистов из беспартийных рабочих, работающих в кооперации, в советах—несколько десятков тысяч.

И вот, в условиях роста активности всей массы рабочих, при наличии значительной партийной прослойки на предприятиях и значительного слоя беспартийных активистов, при весьма развитой общественной системе на производстве,—при всем этом чрезвычайно **плохо решается задача мобилизации масс на преодоление трудностей перехода на высшую ступень производительности труда.** Ряд показателей свидетельствует о серьезных недостатках в партийной и массовой работе. Рассмотрим основные из этих недостатков на примере подготовки рабочей массы к переводу предприятий на 7-часовой рабочий день. Мы выбираем этот пример именно потому, что *перевод промышленности на 7-часовой рабочий день является мероприятием, непосредственно связанным с проблемой повышения производительности труда.* Таким путем пролетарское государство, ставя перед рабочим классом сложную и трудную задачу перехода на более высокую ступень производительности труда, всемерно облегчает ему этот переход.

По данным за 1927—28 г. и 1-й квартал 1928—29 г., на 7-часовой день переведено 125 предприятий с числом рабочих в 211 тысяч. По удельному весу основную группу переведенных предприятий составляют текстильные: 38 предприятий—140 тысяч рабочих. В течение II, III и IV кварталов 1928—29 хоз. года всего намечено к переводу 178 предприятий—172 тысячи рабочих. Наибольшее число рабочих среди переводимых на сокращенный день приходится на металлическую промышленность: 23 предприятия—54 тысячи рабочих. Из крупнейших предприятий намечены к переводу, а частью уже и переводятся: Днепропетровские заводы, Лысьвенские заводы, Харьковский паровозостроительный завод, Люберецкий завод, «Красный Треугольник», «Красный Богатырь», Б. Дмитровская мануфактура; Ленинград. ф-ка «Рабочий», «Красный Перекоп»—прядильно-ткацкий отдел.

Приведенные данные показывают, что вопрос о подготовке нескольких сотен тысяч рабочих к переходу на 7-часовой день по праву должен занять важнейшее место в работе как руководящих партийных и профессиональных организаций, так и низовых организаций тех предприятий, которые перешли или намечены к переходу на сокращенный день. Между тем, ЦК партии дважды в своих решениях [1]) отмечал, что одним из главнейших недостатков в деле подготовки является: «крайне недостаточная раз'яснительная работа

---

[1]) См. директиву ЦК от 7 мая 1928 г. и резолюцию ноябрьского пленума ЦК.

о значении 7-часового рабочего дня для рабочего класса, при чем широкая рабочая масса, как правило, не привлекалась к проработке практических условий перевода на 7-часовой рабочий день».

До сих пор, несмотря на то, что в общем подготовка к переходу после директивы ноябрьского пленума ЦК происходит несколько лучше, в этой работе все еще имеют место весьма существенные недостатки.

Многие партийные и профессиональные организации в своей повседневной раз'яснительной работе не имеют ясной и четкой установки. Ноябрьский пленум ЦК отметил, что проведение в жизнь 7-часового рабочего дня, помимо важнейшего принципиального значения для дела охраны труда рабочего класса и поднятия его культурного уровня, представляет собой огромной важности экономическую проблему. Успешное разрешение этой экономической проблемы, будучи обусловлено сохранением уровня зарплаты и выполнением заданий по снижению себестоимости, сопряжено со значительными трудностями. Между тем, при обсуждении вопроса о переходе перед рабочими далеко не всегда ставится вопрос о 7-часовом раб. дне, как о мероприятии, непосредственно связанном с осуществлением социалистической рационализации и проводимом в целях облегчения рабочему классу скорейшего перехода на более высокую ступень производительности труда. Не подчеркиваются с должной четкостью трудности, связанные с переходом, не выясняются перед рабочими те конкретные мероприятия по рационализации производства, лучшей организации труда, поднятию трудовой дисциплины, лучшему использованию оборудования, которые необходимо провести на данном предприятии для того, чтобы переход на 7-часовой день обеспечил выполнение производственной программы, программы по снижению себестоимости и сохранению уровня заработной платы.

Именно, в значительной мере результатом недостаточного выяснения перед рабочими до перехода на 7-часовой день конкретных мероприятий по лучшей организации труда, по поднятию труддисциплины, по лучшему использованию оборудования является то обстоятельство, что нередко массы оказываются неподготовленными к трудностям перехода и болезненно реагируют на эти мероприятия, когда они начинают проводиться в жизнь.

В результате замазывания до перехода предприятий на 7-часовой день трудностей даже коммунисты и передовые беспартийные рабочие не всегда уясняют себе значение этого перехода и трудности, связанные с ним. Показательным и притом далеко не исключительным является сообщение [1]) представителя металлозавода «Борец»: «На нашем предприятии не было достаточного понимания со стороны партийцев значения перехода. Во время подготовки к переходу это ясно обнаружилось на производственных совещаниях. Беспартийные рабочие задавали такие вопросы, что мы порой не могли на них ответить. В частности не могли в достаточной степени осветить выгодность перехода на 7-часовой день, никак не могли доказать этого. У нас есть производственный актив, который именно этого требовал. Рабочие говорили, что им понятна выгодность перехода в текстильной промышленности, но непонятно, насколько выгоден переход в металлопромышленности. Один рабочий так и поставил вопрос. Я, говорит, хозяин, я знаю, что у меня нехватает того, другого, третьего. А сейчас мне говорят—работай поменьше, может быть, я, как хороший хозяин, должен работать больше, чтобы дать больше продукции. Мы доказать выгодность для промышленности 7-часового рабочего дня не могли потому, что у нас на партийном собрании не было соответствующего доклада. Был только общеполитический доклад». На большинстве предприятий, в связи с переходом на 7-часовой день, парторганизации далеко не сумели еще добиться такого положения, чтобы коммунисты и передовая часть беспартийных рабочих являлись образцовыми в отношении выполнения своих производственных обязанностей, подавали всей массе рабочих пример дисциплинированности, инициативы в улучшении производства, бережного отношения к оборудованию.

[1]) На совещании при орграспреде ЦК партии.

Отсутствие во многих случаях правильного подхода в массовой работе к вопросам перевода предприятия на 7-часовой день, неумение опереться при подготовке к переходу на всю массу коммунистов и на передовые слои беспартийных рабочих приводит к тому, что партийные и профессиональные организации чрезвычайно неумело ставят работу по преодолению отрицательного отношения к переходу, а иногда и прямого сопротивления со стороны отсталых групп рабочих. Это особенно резко обнаруживается на текстильных предприятиях, где при сравнительной отсталости рабочей массы и преобладании женского труда приходится проводить значительное уплотнение рабочего дня, вводить третью смену.

Рассмотренный пример с подготовкой масс к переходу предприятий на 7-часовой день наглядно вскрывает основные недостатки в партийной и массовой работе, препятствующие разрешению задачи мобилизации масс на преодоление трудностей перехода на более высокую ступень производительности труда. Этот пример ярко показывает, что **организовать активность масс немыслимо без поднятия качества партийного руководства, без поднятия качества всей партийной работы** на предприятиях. В полном соответствии с качественным усложнением в связи с реконструкцией задач, встающих на производстве, остро стоит в настоящее время проблема качества партийной работы.

Успешное разрешение этой проблемы требует, во-первых, поднятия качественного состава производственных ячеек и осуществления ими авангардной роли прежде всего в качестве передового отряда образцовых производственников. Во-вторых, решительного улучшения методов связи ячеек с массами, полного устранения элементов казенщины и формализма в подходе к массам. В-третьих, взаимоувязки всей системы рычагов партийной и массовой работы на предприятиях, слаженности всего чрезвычайно развитого и разветвленного партийного и общественного механизма, в целях сосредоточения его усилий на основных задачах, стоящих перед данным предприятием. В-четвертых, поднятия организаторской квалификации кадров низовых работников на предприятиях. В-пятых, всемерного повышения руководства партийной работой на производстве со стороны партийных комитетов.

Партийная ячейка — передовой отряд образцовых производственников.

Чтобы итти во главе масс, необходимо самим коммунистам образцово выполнять то, что требуем от всей массы рабочих. Партия призывает рабочий класс на преодоление трудностей повышения производительности труда. В текущем году активность масс организуется вокруг задачи снижения себестоимости на 7% и повышения производительности труда на 17%. За семь и семнадцать!—является боевым лозунгом, который должен быть подхвачен всей пролетарской общественностью. Нужно действительно крепко подвинтить гайки, чтобы претворить этот лозунг в жизнь. Предпосылкой успехов должно явиться осуществление ячейками на предприя-

тиях своей авангардной роли прежде всего в качестве передового отряда образцовых производственников. Необходимо, чтобы коммунисты шли впереди, подавали пример дисциплинированного труда, активного отношения к устранению производственных недостатков, полной поддержки рационализаторских мероприятий, подавали пример в работе над повышением своей производственной квалификации. Коммунист на предприятии должен быть сознательным и стойким бойцом на производственном—этом важнейшем—участке фронта социалистического строительства, коммунист должен быть застрельщиком рационализаторской работы.

Можно ли сказать, что производственные ячейки должным образом выполняют эту свою роль? Далеко нельзя. Есть примеры действительно образцового воздействия партийной организации и передовых слоев рабочих на всю массу рабочих. Один из таких блестящих примеров был описан в «Правде» от 21 марта (Каменская писчебумажная фабрика, Тверской губернии). Но до сих пор еще многочисленными являются факты другого порядка—расхлябанного отношения к производству как со стороны отдельных коммунистов, так и со стороны (что реже, конечно) ячейки в целом. Самым опасным является *хвостизм* коммунистов в отношении к отсталым слоям рабочих. Различным образом проявляется этот хвостизм. Многочисленны факты недисциплинированного поведения коммунистов на производстве. Об этом свидетельствует немалое количество выговоров коммунистам за невыполнение правил внутреннего распорядка, встречаются члены партии и среди злостных прогульщиков. Нередко коммунисты возглавляют отсталые группы рабочих, выполняя в отношении к ним «авангардную» роль. Администрация и технический персонал далеко не всегда находят общественную поддержку в борьбе за поднятие трудовой дисциплины. Типичным является в этом отношении сообщение директора Выксунского завода. «Недавно я собирал мастеров и проводил с ними беседу по вопросу, что мешает мастерам правильно администрировать и поддерживать дисциплину. Мастера заявили: «Быть хорошим мастером—будешь плох рабочим, поэтому против тебя поведут кампанию—и вылетишь с завода. Быть хорошим для рабочих—падает дисциплина. Нам нет помощи со стороны организаций, верят только рабочим, а на нас не обращают внимания и не поддерживают». Заведующие цехами откровенно заявили, что они боятся к коммунистам применять взыскания, так как можешь напороться на такую неприятность, что потом не отделаешься».

Вопрос *о качественном составе* партийной ячейки на предприятии именно с точки зрения поведения коммунистов в проводимой под руководством партии борьбе за преодоление трудностей перехода на более высокую ступень производительности труда — является важнейшим вопросом. Под этим углом следует также вести работу по отбору в партию новых членов из рабочих от станка. Линия на увеличение до 50% рабочего ядра в составе партии ни в каком случае не означает ослабления качественных требований к принимаемым в партию рабочим. В рабочем классе есть достаточное количество самоотверженных, передовых элементов, проверенных на трудностях. Надо уметь взять их в партию, а не итти в отношении вовлечения в партию по линии наименьшего сопротивления (количество во что бы то ни стало!), не ориентироваться на самотек.

Перед партийными ячейками на предприятиях стоит задача воспитать своих членов в направлении образцового отношения к производственным обязанностям.

Надо добиться такого положения, чтобы каждый член партии и беспартийный рабочий понимал, что высокое звание коммуниста не может носить рабочий, получающий выговоры за безобразное отношение к производству,

«гуляющий» в то время как партия призывает к напряженной работе по преодолению трудностей. Вопрос о прогулах, поведении коммунистов на производстве должен выноситься на обсуждение партийных собраний. Здесь, на этих собраниях, на конкретных примерах ячейки должны воспитывать членов партии. В повседневной работе бюро ячейки, групповые организаторы обязаны внимательно изучать поведение коммунистов на производстве и во-время помогать исправлению товарищей, во-время ставить вопрос перед партийной организацией. В необходимых случаях не должно останавливаться перед исключением из партии. Прогульщикам, лодырям на производстве, недобросовестно относящимся к производству, нет места в партийных рядах. Если член партии не поддается исправлению—он должен быть исключен.

Однако, совершенно очевидным является, что не быть прогульщиком и лодырем, это—лишь самое элементарное требование. Всякий понимает, что от члена партии нужно требовать значительно *большего*. Коммунист должен активно бороться с недостатками в производстве, проявлять инициативу в организации трудового соревнования, систематически работать над поднятием своей производственной квалификации. Чем лучше поставлена партийная работа, тем больше должно выделяться из членов партии организаторов и активных участников образцовых бригад, кружков по повышению производственной квалификации, лучших производственников, инициативных проводников рационализаторской работы.

Производственные совещания, при всех недочетах в их работе, являются важнейшей формой привлечения масс к работе по улучшению производства. Между тем, многочисленные факты говорят о том, что коммунисты не принимают достаточно активного участия в производственных совещаниях. ЦК неоднократно отмечал это по докладам местных парторганизаций. Даже на передовых предприятиях участие коммунистов в производственных совещаниях не превышает 50% к общему составу партийных ячеек. В качестве задачи ближайшего же времени ячейки должны поставить поголовное вовлечение коммунистов в активную работу производственных совещаний. Эту последнюю необходимо считать одной из важнейших партийных обязанностей.

Только при условии упорной и решительной работы над переделкой самих себя коммунисты смогут возглавить всю массу рабочих в борьбе за выработку социалистических основ трудовой дисциплины, смогут оказать действенное влияние на всю массу рабочих и в проведении ближайшего лозунга о борьбе с прогульщиками, лодырями и разгильдяями на социалистических предприятиях.

Пути привлечения масс к преодолению трудностей.

Вопрос о связях производственных ячеек с беспартийными массами есть в настоящее время вопрос об использовании *опыта* всей массы рабочих и об организации действительной *проверки через беспартийных* работы партийных, о чем неоднократно писал *Ленин*. Пути укрепления связей с массами есть в то же время пути самого широкого использования творческой инициативы масс и привлечения их к осуществлению общественного контроля за всей грандиозной строительной работой.

Элементы казенщины и формализма, недопустимые вообще в отношениях с массой, в условиях настоящих трудностей являются совершенно нетерпимыми.

Решительное развертывание самокритики является основным условием успешной мобилизации масс на разрешение задач хозяйственного строитель-

ства и на борьбу с недостатками в работе всех организаций. Ячейкам необходимо взять на себя руководство и возглавление критики масс. На них ложится задача смело вскрывать перед рабочими от имени партийной организации недостатки в работе различных органов, отказываясь от огульной их защиты. Они должны выполнять роль организаторов и инициаторов осуществления избирателями-рабочими их права отзыва выборных лиц и досрочных перевыборов местных органов, вызывающих своей работой справедливое недовольство масс. Массы должны широко привлекаться к контролю за работой различных органов, к проверке выполнения предложений рабочих, решений рабочих собраний. Последовательное проведение лозунга самокритики требует решительной борьбы со всеми, кто тормозит и препятствует ее развертыванию, защиты от преследований всех активно выступающих с здоровой критикой с тем, чтобы критикующий рабочий чувствовал за собой организованную силу коллектива.

Для того, чтобы самокритика на предприятии не превратилась в пустое говорение, нужно в кратчайший срок проверять целесообразность каждого предложения рабочих, проверять правильность каждой жалобы и заявления рабочего и по проверке немедленно реагировать. В этом сейчас гвоздь действительного проведения в жизнь лозунга самокритики. Желание бороться с недостатками может крепнуть у рабочих лишь при уверенности в том, что указания и выявления недостатков будут иметь действенный эффект. Опыт показывает, что даже такое сравнительно элементарное мероприятие, как организация проверки всех замечаний, предложений и заявлений, высказываемых рабочими на собраниях, совещаниях и конференциях, с последующим докладом рабочих о результатах проверки и о принятых мерах в огромной степени повышает активность масс.

Надо взять за правило (и добиться того, чтобы каждый рабочий был уверен в его выполнении)—в случае повторного заявления со стороны рабочего на тот или иной непорядок и недостаток, организации и лица, не принявшие мер к его устранению в первый раз или не об'яснившие причин невозможности устранения, несут за это ответственность.

Само собой разумеется, что тем более важно во всей системе руководства решительно устранить возмутительно небрежное отношение к решениям рабочих собраний, конференций, производственных совещаний. В отношении последних надо прямо провести постановление о возможности привлечения в советском порядке к ответственности хозяйственников за невыполнение принятых ими предложений производственных совещаний. Пора в самом деле положить конец варварскому разбазариванию творческой инициативы масс. Ни один капиталист не допустит того, чтобы целесообразное предложение рабочего, с которым он, капиталист, согласен и которое можно провести, осталось не проведенным или затягивалось в проведении. А у нас на многих предприятиях дело обстоит именно таким образом. «Удивительное дело: у вас русских посовещались—ровно и дело уж сделали»—так метко охарактеризовал всю нашу безалаберность немецкий рабочий, работающий на одном из московских заводов. Работа кончается там, где она собственно лишь должна начинаться. Здесь дело не в неумении работать, а именно в безответственном отношении к инициативе рабочих.

В связи с задачей наиболее полного использования творческой инициативы масс исключительно важное значение приобретает в настоящее время вопрос о правильной организации здорового **соревнования и поощрения.** Во всей системе и методах работы по вовлечению масс в дело социалистического строительства принцип социалистического соревнования должен

занять особо выдающееся место. Ленин неоднократно писал, что именно в наших условиях открывается дорога для соревнования действительно в массовом масштабе. Надо всемерно развивать практику производственных смотров, конкурсов и перекличек, создание образцовых бригад и т. п. Решающее значение при этом приобретает вопрос об умении организационно закрепить результаты проводимых соревнований. Положительное воздействие массового соревнования на производство будет обеспечено лишь в том случае, если оно окажется не временным напряжением воли масс, но его результат будет закреплен, как исходная позиция для дальнейших достижений. При ином положении соревнование не только не принесет пользы, но может даже вредно отражаться на производстве, поскольку вслед за известным под'емом будет происходить ослабление усилий, падение производственного эффекта, достигнутого в результате соревнования. Вопрос о соревновании непосредственно связан с организацией коллективного и индивидуального поощрения. Практика показывает, что мы являемся кустарями в деле организации поощрения. Достаточно указать, например, на ограниченные фонды премирования сравнительно с огромным ростом изобретательства и всякого рода предложений об улучшении производства, на далеко не полное и неумелое использование и этих ограниченных фондов. Еще более разительным в этом отношении является слабое развитие коллективных форм премирования. Но вопрос стоит не только относительно материального поощрения. Во всей работе по выдвижению рабочих на хозяйственную, партийную, профессиональную и др. работы необходимо занять твердую линию на то, что руководителем может быть только рабочий, проявивший себя сам образцовым производственником, сумевший обнаружить себя, хотя бы в малом масштабе, как организатор общественного воздействия на повышение производительности труда окружающих рабочих. В этом же направлении должна быть широко и полно использована печать и гласность.

На ряду с развитием поощрения перед рабочими организациями на производстве стоит задача—опираясь на лучшие и сознательные слои рабочего класса, усилить методы **общественного принуждения** в отношении отсталых элементов, в отношении прямых дезорганизаторов производства. Надо широко ввести в практику товарищеские суды. Практика должна найти и другие подобные формы активного общественного воздействия организованной силы передовых элементов. В очередных задачах советской власти Ленин писал: «Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были положены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти». Вся пролетарская общественность должна помочь проведению в жизнь этого указания Ленина.

Осуществление задачи наиболее полного охвата активности и инициативы масс требует в настоящее время всемерного **укрепления непосредственных связей ячеек с массами,** укрепления связей коммунистов с беспартийным. В этом отношении мы имеем не мало недостатков. Необходимо создать решительный перелом в вопросе непосредственной связи ячеек с массами. Как правило, следует практиковать созыв открытых партийных собраний с широким привлечением на них беспартийных рабочих, приучить беспартийных к выступлениям на собраниях ячеек. Опыт показал, что полезной является практика докладов ячеек о своей работе перед рабочими собраниями. Точно так же необходимо сейчас добиться укрепления политических связей ячеек с беспартийным активом, созывать последний для бесед по важнейшим вопросам, волнующим массу беспартийных рабочих. В отношении индивидуальных

связей надо со всей решительностью поставить вопрос так, как ставил его ЦК партии в труднейший период первых шагов преодоления трудностей по восстановлению хозяйства. «Тот не коммунист, кто не сумел сгруппировать вокруг себя нескольких честных беспартийных рабочих, войти с ними в повседневные сношения, бывать у них дома, помогать им в повседневном быту, снабжать их газетой, выдвигать из их среды работников в профсоюзы и советские органы и т. п.».

О слаженности общественного механизма на предприятии.

На всех предприятиях мы имеем чрезвычайно развитой и разветвленный партийный и общественный механизм. Каждая из многочисленных организаций выполняет свои особые функции. Но перед всеми ими стоят и общие задачи, вытекающие в первую очередь из производственных заданий данного предприятия. Однако, при внимательном изучении работы партийных и массовых организаций на одном и том же предприятии резко выступает отсутствие сосредоточения усилий всего общественного механизма, как единого целого, на разрешении основных задач. На каждом предприятии остро стоит в текущий период задача мобилизации масс на преодоление трудностей повышения производительности труда. Если же присмотреться, над чем работают разные звенья партийных и массовых организаций, то чаще всего приходится убеждаться в разбросанности в смысле выбора задач. Разнобой в содержании работы, отсутствие единой целеустремленности, в основном определяемой задачами предприятия как производственного организма — является типичным недостатком.

Неотложным требованием в настоящее время является слаженность всего партийного и общественного механизма. На партийной ячейке лежит обязанность об'единить усилия всех организаций в направлении разрешения коренных вопросов, связанных с задачей повышения производительности труда. По существу в основе работ всех общественных организаций на данный плановый период должен быть единый по своей целеустремленности план работы.

Партийные ячейки, профсоюзные организации, комсомол, клубные организации, добровольные общества—все должны, в соответствии со своими особыми функциями, содействовать успешному разрешению указанной основной задачи. Примерно, в связи с тем, что перед предприятием особо остро стоит в настоящее время задача поднятия трудовой дисциплины, на ячейке лежит обязанность, исходя из конкретной обстановки, определить, какое именно участие должна принять в этой работе каждая из организаций. Основную роль, несомненно, должны сыграть профессиональные организации. Однако, комсомол обязан наметить и провести определенную работу среди молодежи; клубные организации—организовать серию соответствующих докладов, сеть кружков по повышению квалификации, просмотр соответствующих кинофильм и пр.; шефское общество должно помочь профсоюзам охватить пролетарским влиянием новых рабочих; антиалкогольная ячейка должна разработать и провести конкретный план общественной борьбы с пьянством на производстве и т. д.

Особо следует остановиться на вопросе о взаимоотношениях партийных и профессиональных организаций с хозяйственным органом. Тут надо добиться ясного понимания партийными, профессиональными и хозяйственными работниками смысла и значения указаний о полной ответственности администрации за всю оперативную работу, о единоличии в области административного управления. Эти указания ни в коем случае не могут и не должны быть поняты как ослабляющие участие масс в хозяйственном строительстве. Почему остро поставлен вопрос о поднятии ответственности хозорганов на предприятии? Потому, что в падении трудовой дисциплины существенную роль играет ослабление административно-технического руководства. За последний период накопилось большое количество фактов, свидетельствующих о том, что со стороны администрации отсутствует должная настойчивость в установлении трудовой дисциплины, имеет место не мало случаев хвостистского отношения к рабочим со стороны хозяйственников. Нечеткость же во взаимоотношениях парт., проф. и хозорганов обеспечивала поддержание такого безответственного отношения. Потребовались решительные указания о необходимости точного проведения в жизнь данных ранее директив партии о полной ответственности заводоуправления за состояние производства. Парт. и проф. организации должны всемерно помочь проведению в жизнь этих указаний. Ячейки и фабзавкомы имеют достаточно много возможностей без вмешательства в оперативную работу оказать воздействие на хозорган в случаях бюрократических извращений. Парт'ячейки должны мобилизовать массу в помощь хозоргану при проведении им директив высших партийных и хозяйственных организаций. На ячейки же ложится обязанность своевременно ставить перед вышестоящими парторганизациями вопрос о невыполнении администрацией директив партии и высших хозорганов. Нельзя допускать, например, таких фактов, чтобы невыполнение очень многими предприятиями приказа № 914 (о создании рационализаторских бюро) становилось известным лишь в результате организации массовой проверки.

Поднять квалификацию низовых руководителей

Успешное выполнение организующей роли партийных ячеек в деле мобилизации масс для разрешения сложных задач, встающих на производстве, не в малой мере упирается в качество кадров низовых партработников. Из общего количества 9.845 секретарей рабочих ячеек — 65,7% имеют партийный стаж с 1924 года. (Нужно отметить, что этот процент более высок, чем соответствующий процент коммунистов среди всех членов партии: по данным партпереписи среди всех членов партии со стажем после 1924 года было—59,1%). Уже этот один факт показывает, насколько острым является вопрос об организации систематической работы над поднятием квалификации низового партийного работника. Выросшие и вновь подрастающие кадры низовых партработников должны быть поставлены в такие условия, чтобы они могли наиболее легко овладевать громадным накопленным опытом организационной массовой работы, доведя до минимума учебу исключительно на собственных ошибках!

Если по всей линии партийного руководства мы плохо проводим важнейший ленинский лозунг—учиться, то в отношении кадров низовых работников это делается исключительно плохо. Нужно подчеркнуть, что Ленин никогда не придавал лозунгу учиться академического характера. Учиться—это значит уметь воспринять и использовать все ценное из прошлого опыта, внимательно изучать каждый шаг своей практической деятельности, учитывать все ошибки, уметь начинать с азов, неоднократно переделывать раз начатое в соответствии с учетом ошибок. Учиться, чтобы быть культурным, т.-е. для организатора и руководителя уметь руководить.

Чем дальше, тем с большим основанием можно утверждать, что отсутствие умения работать у руководителя об'ясняется тем, что он плохо учится. Бесспорно, что всякий руководитель, не умеющий сочетать практической повседневной работы с учебой в ленинском понимании этого лозунга, отстает от потребностей времени, отстает от растущих запросов масс и неизбежно тормозит, становится препятствием на пути осуществления задач, стоящих перед организацией. Это одинаково относится и к большим и к малым руководящим работникам.

В отношении низовых партработников партийные комитеты обязаны организовать учебу, обязаны научить их сочетать учебу с практикой. Пора от кустарщины перейти к систематической работе. Надо практически поставить вопрос об особых, постоянно действующих курсах секретарей производственных ячеек, наладить систематическую и квалифицированную консультацию, не ожидать выпуска добровольцами литературы по вопросам партийной работы, а выделять квалифицированных партработников для выполнения специальных поручений в этом отношении, включить в систему партпросвещения изучение вопросов практики оргработы.

На ряду со всем этим необходимо расширить начатую за последнее время (после решения ЦК от 7 января 1929 г.) практику посылки в помощь низовым организациям на предприятиях хорошо проверенных и имеющих опыт кадров руководящих работников.

Особо стоит вопрос о всемерном укреплении кадров партийных работников на крупнейших предприятиях. На этих последних в качестве партийных руководителей партия должна иметь квалифицированных партийных работников, по качеству своему являющихся работниками масштаба секретаря губернского или окружного комитета.

О качестве руководства парткомов работой производственных ячеек.

Важнейший принцип политической и организационной работы заключается в умении сосредоточиться в каждый отрезок времени, на каждом участке работы на основном и главном. В заключительной речи на IX с'езде партии Ленин говорил: «Мы должны твердо помнить, что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, на основном...».

Что значит уметь сосредоточиться на главном и основном? Это значит, во-первых,—уметь, исходя из директив партии и учитывая все своеобразие конкретной обстановки, правильно определить, в условиях данной организации и на данный отрезок времени, центральные задачи, основное содержание и направление работы. Во-вторых, все организационные усилия направить в сторону разрешения этих задач, успеху разрешения их подчинить и методы работы.

Два требования необходимо строго выполнять для того, чтобы принцип главного оказался практически действенным и давал наибольший эффект.

Первое. Необходимо, чтобы правильно намеченные основные задачи оказывали свое решающее влияние на все участки работы. Выделение некоторой центральной задачи ни в каком случае не означает, что все остальные должны ускользать от внимания. Эти остальные задачи должны быть теснейшим образом увязаны с главной, основной задачей. Так, если на всех предприятиях в настоящее время центральной задачей, определяющей все направление и методы работы, является мобилизация масс на преодоление трудностей повышения производительности труда, то с тем большей остротой выступают вопросы чуткого и внимательного отношения к нуждам и запросам рабочих на производстве, вопросы поднятия культурного уровня, обслуживания бытовых нужд. Точно так же ни в каком случае не следует, что выделение в качестве основных некоторых организационных путей должно приводить к забвению всех остальных возможностей. Это выделение необходимо делать как раз для того, чтобы вся организационная система успешнее заработала в направлении разрешения основных задач. Так, если в конкретных условиях данной организации основным является подбор и подготовка кадров низовых руководителей, то это есть лишь важнейшее из мероприятий, без которого немыслимо обеспечить сосредоточение всех организационных усилий.

Второе. Нельзя искусственно выбирать главное и основное. «Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться»,—говорил Ленин на XI с'езде партии. Выбор главного должен явиться результатом самого тщательного изучения конкретных условий, конкретной обстановки.

На примере руководства работой производственных ячеек можно видеть, что рассмотренный принцип далеко не достаточно внедрился в практику работы партийных комитетов.

Прежде всего о выборе задач. В качестве важнейшего недочета в работе всех промышленных организаций, заслушанных в ЦК в течение последнего года, отмечалось недостаточное внимание к делу вовлечения масс в хозяйственное строительство, т.-е. недостаточное внимание к основному вопросу партийно-массовой работы на предприятии. Артемовск. — «ЦК отмечает, что окружком в своей работе по снижению себестоимости промышленной продукции не уделил необходимого внимания делу вовлечения масс в проведение рационализации производства». Свердловск.—«Окружком в руководстве своей работой по развертыванию промышленности в округе уделял совершенно недостаточное внимание делу снижения себестоимости промпродукции, а также вовлечению рабочих масс в проведение связанных с этим мероприятий по рационализации производства, удешевлению капитального строительства, режиму экономии, удешевлению работ по заготовке топлива и т. д.». Моск.-Нарвский район. — «...РК не использовал еще в должной мере растущую активность рабочих масс в деле хозяйственного строительства и в массовой работе». Днепропетровск. — «Необходимо, чтобы работа руководящих органов партийных и профессиональных в руководстве промышленностью базировалась в большей степени на действительном вовлечении всей партийной и рабочей массы в обсуждение коренных вопросов реконструкции и рационализации производства». Николаевский окружком. — «При высокой политической активности рабочих масс... вовлечение рабочих в производственное строительство недостаточно».

В организационном отношении в руководстве имеет место распыленность внимания. Перед партийной ячейкой данного предприятия на плановый период стоит ряд определенных задач. В то же время, если проследить руководство сверху этой ячейкой (обследования, директивы, запросы и т. п.), то оказывается, что, во-первых, — нередко все это руководство сосредоточено на других задачах и, во-вторых, различные звенья этого руководства сосредоточивают свое внимание на разных задачах. Таким образом, если одно из звеньев руководства или сама ячейка сумели правильно выделить основные задачи, то остальные в своем «руководстве» бьют мимо цели, дергают и мешают, не содействуют выполнению основных задач.

Уметь выделить главное по всей линии партийного руководства в отношении каждой конкретной организации на данный плановый период, уметь сосредоточивать внимание на одних и тех же, действительно важнейших задачах во всех звеньях руководства,—вот что является самым насущным требованием в настоящее время. Задач много, работы непочатый край—разбросанность, распыление сил в таких условиях есть наиболее отрицательное качество руководства.

Другим существенным требованием в организационной работе является конкретность организационного руководства. Это в одинаковой мере относится как к партийным комитетам, так и к низовым руководящим организациям. Партийная директива должна не только четко и ясно намечать

задачи, но и указывать пути и методы их выполнения. В этом именно и заключается конкретизация партийного руководства. Нет нужды приводить фактический материал в доказательство того, что организационные директивы страдают общностью. Этот недостаток в основном является прямым результатом плохого изучения нашего собственного богатейшего опыта и невнимания к вопросу о создании положительного опыта.

Во всей системе руководства со стороны партийных комитетов важнейшее место должны занять показ в работе, изучение и создание положительного опыта, создание образцового примера. По линии положительного опыта, по линии образцовых примеров должна выравниваться вся практика повседневной работы. Ленин писал, что именно в наших условиях «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие». Основной метод создания положительного опыта заключается в сосредоточении крупных квалифицированных сил на небольшом участке работы и в выделении отдельной организации под особое, систематическое и повседневное наблюдение партийного руководства. В целях наибольшего воздействия образцовых примеров на повседневную практику было бы не вредно многие директивы заменить толковым изложением положительного опыта.

Только-что рассмотренные основные недостатки в практике организационной работы—неумение сосредоточиться на главном и неконкретность руководства — являются главной причиной неумения во всей системе работы наладить как по линии руководства, так и в низовой работе п р о в е р к у в ы п о л н е н и я партийных директив. Еще Ленин на XI с'езде партии выдвинул задачу—во всей работе «центр тяжести перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения». С тех пор прошло 6 лет. За это время в партийных директивах не раз подчеркивалось решающее значение лозунга о проверке выполнения. Тем не менее, опыт показывает, что работа больше всего страдает именно от отсутствия этой проверки. В чем тут дело? Изучение практики позволяет сделать вывод о том, что решающим препятствием является тут неумение в наших директивах и во всей нашей работе выделить главное, основное на данный плановый период и неконкретность партийных директив. Именно вследствие этого происходит метание от одной задачи к другой. «Времени нехватает» для того, чтобы всерьез сосредоточиться на основных вопросах. «Некогда» заниматься проверкой. «Вновь и вновь» встающие задачи отвлекают внимание от ранее данных директив. Тов. Сталин в одной из своих речей говорил, что нужно не только проверять выполнение директив, но и проверять также п р а в и л ь н о с т ь данной директивы. Изучение организационных директив местных партийных комитетов обнаруживает всю важность этого замечания. Надо заняться проверкой правильности директив и на конкретном опыте научить партийные организации не распылять своего внимания, правильно намечать узловые проблемы для данного района на каждый отрезок времени и строить организационную практику в соответствии с этими проблемами. Только таким путем возможно действительно подвести прочную базу под дело проверки исполнения.

Необходимо раз'яснить.

(Письмо в редакцию).

Уважаемые товарищи!

Я, член партии, получил задание от редколлегии стенной газеты своего учреждения написать передовую статью по поводу перевыборов в Московский и районные советы.

В одном месте своей статьи я написал:

«В результате семилетнего существования нэпа мы на основе незыблемости диктатуры пролетариата д о б и л и с ь к о л о с с а л ь н е й ш и х у с п е х о в. Выросли и окрепли с о ц и а л и с т и ч е с к и е элементы нашего хозяйства и общества. Вырос и окреп пролетариат—гегемон нашей социалистической революции. Выросла и развивается наша социалистическая индустрия. Растет и крепнет кооперация—потребительская и сельскохозяйственная. Последняя достигла колоссальнейших успехов в деле кооперирования и обобществления индивидуального крестьянского хозяйства.

Но н а р я д у с н а ш и м и у с п е х а м и на базе той же новой экономической политики, на базе индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства несколько выросли и враждебные нам силы—нэпман в городе и кулак—в деревне».

Слова «несколько выросли» редколлегия газеты выбросила, заменив их словом «обнаглели».

Не споря по поводу того, что враждебные нам силы (нэпман и кулак) действительно обнаглели, я стал выяснять, почему же, однако, нельзя писать, что о д н о в р е м е н н о с р о с т о м с о ц и а л и с т и ч е с к и х э л е м е н т о в «на той же базе (нэп), на базе индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства несколько выросли враждебные нам силы—нэпман в городе и кулак в деревне».

Каково же было мое удивление, когда я узнал от партийного члена редколлегии, что приводимая фраза не могла-де быть допущена потому, что она... троцкистская.

Не вдаваясь в споры о сущности троцкизма, я неофициально поставил этот вопрос перед секретарем ячейки, некоторыми членами бюро и др. коммунистами из ячейкового актива. И что же выяснилось?

Оказалось, что о д н и товарищи полностью присоединились к данной мною формулировке и считают ее абсолютно правильной, д р у г и е считают ее троцкистской, т р е т ь и поставили вопрос в той плоскости, что у нас-де не только не растут, но не могут «вообще» расти враждебные нам социальные группы,—почему и приведенная формулировка неправильна; ч е т в е р т ы е—что этот спор—пустяшный и не стоит о нем говорить и т. д. и т. п.

Короче,—оказалось, что по совершенно, как будто, ясному вопросу среди достаточно политически развитых коммунистов имеются такие разногласия. И, очевидно, разнобой по этому вопросу имеется среди коммунистов не только одной нашей ячейки.

Считая возникший между нами спор чрезвычайно важным, а не пустяшным, как думают некоторые мои товарищи, я прошу редакцию «Большевика» дать по этому вопросу исчерпывающее раз'яснение.

Почему я ставлю этот вопрос на страницах ЦО нашей партии и почему я настаиваю на правильности своей формулировки?

1. Если при всех наших внутренних и внешних затруднениях, при слабости нашей промышленности, отсутствии достаточно больших резервов и т. д.,—кулак и нэпман в результате 9-ти лет нэпа на базе индивидуального мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства не выросли (на ряду с колоссальным ростом социалистического сектора) и, как некоторые иные думают, даже и не могут расти (!),—то совершенно правы в таком случае сторонники правого оппортунистического уклона, которые, «не видя в деревне классов», усыпляют нашу бдительность по отношению к нашим классовым врагам, выступая против генеральной линии нашей партии и ее цека. В самом деле: какой смысл предупреждать партию и привлекать ее внимание к опасностям, идущим от нэпмана и кулака, раз кулак не растет и вообще не может расти?

И совершенно не случайно некоторые наиболее умные сторонники правого уклона пытаются оспорить возросшую опасность со стороны наших врагов и защитить себя от обвинений их в оппортунизме, сводя эти обвинения к... троцкизму, думая, что, если они приклеят ярлык троцкизма к ленинским формулировкам, то тем самым партийная масса, раз она не поддерживает троцкизма, «по совокупности», так сказать, отбросит и формулировки, даваемые сейчас партией.

2. Приведенная формулировка абсолютно правильна и вполне соответствует всему тому, чему учил нас Ленин и что было сказано в последнее время руководящими органами и руководителями нашей партии, так что, если троцкизмом является приведенная формула, то в троцкизме надо обвинить и Ленина, и цека нашей партии, и «Правду», и тов. Сталина, и некоторых других товарищей.

Что писал по интересующему нас вопросу Ленин?

В преддверии, так сказать, новой экономической политики, Владимир Ильич видел и привлекал внимание всей партии, всего рабочего класса к тем опасностям, которые несет с собою мелкое производство, к тем опасностям, которые вырастают из самой сущности нашей крестьянской экономики.

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить... Мы корней капитализма не вырвали, и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали» (Том XVII, стр. 427).

Опираясь на учение Маркса и Энгельса, Ленин, в отличие от мелкобуржуазных обывателей от революции, считал и привлекал наше внимание к тому что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (т. XVII, стр. 116).

Приведенные здесь цитаты из Ленина с чрезвычайной ясностью и убедительностью показывают, насколько антиленинским является утверждение, по которому у нас на ряду с гигантским ростом социалистических элементов совершенно якобы не происходит и даже не возможен,—пусть временный и пусть незначительный,—это вопрос другой,—но все же рост капиталистических элементов.

В нашем споре с товарищами, некоторые из них пытались оспаривать правильность ленинских формулировок для настоящего времени, ссылаясь на диалектику. «Надо,—говорят эти товарищи,—быть диалектиком. Ленинская формула была-де правильна в 1920 году, когда наш социалистический сектор был чрезвычайно слаб. Сейчас это положение резко изменилось, почему и нельзя теперь ссылаться на то, что говорил когда-то Ленин» (!).

Такая «диалектическая» постановка вопроса, однако, нисколько не спасает наших «диалектиков». Хотя за 8 лет, прошедших с тех пор, когда сказал это Ленин, социалистический наш сектор и колоссально вырос,—об этом никому не следует забывать,—все же приведенная формула Ленина, как и большинство его других формулировок, верна и по сей день.

Следует таким «диалектикам» вообще напомнить, что многие и многие формулировки Ленина не только не устарели, но сохранят свою свежесть, остроту и злободневность и в будущем.

Обращаясь к существу вопроса, надо сказать, что ленинское утверждение «о ежедневном, ежечасном, стихийном рождении капитализма в массовом масштабе из недр мелкого производства» могло бы устареть лишь в том случае, если бы вместо все еще имеющегося в деревне господства мелкого производства превалирующей формой хозяйствования в сельском хозяйстве стало крупное коллективное хозяйство.

Иначе: ленинская формула могла бы устареть лишь в том случае, если бы в результате количественного нарастания коллективных форм в сельском хозяйстве, которое сейчас происходит, произошло уже и его качественное изменение и мы бы уже имели не 25 миллионов мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, как сейчас, а, скажем, только 3 или 5 миллионов, еще не успевших об'единиться и влиться в господствующие уже крупные коллективные хозяйства, об'единенные единой системой управления и руководства и базирующиеся на высокой машинной технике и электрификации.

Но этого мы сейчас—об этом надо сказать ясно и недвусмысленно—не имеем. Мы теперь идем к этой цели, но, чтобы ее достигнуть, нам нужны годы величайшего напряжения всех своих сил по пути дальнейшего строительства социализма, развертывания нашей индустрии, кооперирования и коллективизации сельского хозяйства и т. д. и т. п.

Вот почему ленинские слова о выделении капитализма в массовом масштабе на базе мелкого производства, сказанные им в 1920 г., верны и сейчас—через 8 лет.

Вот почему партия, проводя ленинскую линию и помня его слова о том, что кулака «никогда нельзя примирить с рабочим классом», зорко следит и ограничивает рост кулака, проводит «усиленное социалистическое наступление», в мероприятиях которого (соц. наступления. *Р. Г.)* борьба с кулаком сопровождается усилением помощи и организации бедноты, укреплением союза с середняком, усиленным строительством совхозов, колхозов и т. д.

3. В полном соответствии с Лениным поэтому в передовой статье в «Правде» от 15 февраля 1928 г. («Первые итоги хлебозаготовительной кампании и задачи партии») было сказано:

«Из ряда причин, определивших затруднения в хлебозаготовках, следует отметить следующее:

Выросла и разбогатела деревня. Вырос и разбогател прежде всего кулак».

Мысль о том, что рост кулака оказался одной из немаловажных причин в затруднениях с хлебом, зафиксирована и в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК о хлебозаготовках. В резолюции сказано:

«В основе этих затруднений лежало резкое нарушение в рыночном равновесии, при чем обострение диспропорции в рыночных отношениях... об'ясняется повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких элементов»...

Формулировки абсолютно точные и недвусмысленные. И даны они были именно потому, что, как говорил тов. Сталин на октябрьском пленуме МК и МКК, в связи с весенними затруднениями в хлебозаготовках прошлого года выяснилось, что

«целый ряд коммунистов в волостях и селах выступал против политики партии, ведя дело на смычку с кулацкими элементами».

Анализируя социально-экономические основы правого уклона, обосновывая свою мысль, что правый уклон представляет для нас наибольшую опасность, тов. Сталин в той же речи говорит:

«Правая опасность... теперь выступает более выпукло в виду усиления мелкобуржуазной стихии».

Отрицание известного «усиления мелкобуржуазной стихии» и самых возможностей к этому усилению, которое происходит пока на ряду с колоссальным усилением нашего социалистического сектора, совершенно недопустимо для большевика. Забвение или замазывание этого факта находится в прямом противоречии с основами ленинизма и ведет (сознательно или бессознательно, это вопрос другой) к оппортунизму и примиренчеству с ним, ведет к «смычке с кулацкими элементами» под прикрытием того сладенького комвранья, с которым боролся Ленин.

И именно никто другой, как Ленин, так не бичевал тех коммунистов, кто это забывал или не понимал.

«В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать каждый трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянское и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождает этот капитализм постоянно,—если он этого не понимает, то хоть бы он сто раз объявлял себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена. Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (т. XVI, стр. 13).

Эти ленинские слова необходимо теперь еще раз напомнить!

Р. Гринберг.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Судя по приводимым тов. Гринбергом материалам, в споре с товарищами из редколлегии стенгазеты он занимал в общем правильную позицию: совершенно неправильны утверждения в роде того, что «у нас-де не только не растут, но не могут «вообще» расти враждебные нам социальные группы» (?!—*Ред.)*. Подобные утверждения, действительно, являются (в данном случае, повидимому, не осознанным) отражением идей правого уклона.

Однако, пытаясь иллюстрировать слова Ленина о корнях капитализма и социализма в стране «арифметическим» примером, т. Гринберг сам впадает в ошибку, противоположную ошибке его оппонентов, не видящих корней капитализма. Он рассматривает деревню совершенно вне связи с социалистическим городом, между тем как этот последний играет все же крупнейшую роль при подобном «подсчете сил» капитализма и социализма. Цифры тов. Гринберга («3», «5» и «25 миллионов хозяйств») явно нуждаются в коррективе: если в самой деревне корни капитализма и социализма, например, будут только равны по силе и прочности, то и тогда,—при наличии мощных экономических высот социализма в городе — социализм уже будет иметь в стране гораздо более прочную базу, чем капитализм.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«ЧУВАШСКОЕ ХОЗЯЙСТВО», журнал хозяйственного и соц.-культ. строительства. Издание Госплана ЧАССР. 1928 г. № 3—4.

В этом журнале наше внимание привлекла одна статья: «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана народного хозяйства Чувашской Республики». Она дана в качестве передовой, редакционной статьи. Статья эта прежде всего очень путанная, во многом резко расходящаяся с содержанием других статей, помещенных в этом же номере журнала. Но главное, что и заставляет нас заняться ее разбором, заключается в том, что она содержит в себе ряд крупнейших политических ошибок. Помещенная без подписи автора и безо всяких оговорок со стороны редакции журнала, являющегося руководящим экономическим журналом Чувашской Республики, она может дать местным работникам совершенно неправильную ориентировку в вопросах огромной важности.

К чему сводятся основные положения этой статьи?

Автор ее, совершенно правильно указав, что колониальная политика царизма является причиной хозяйственного оскудения Чувашии, длящегося в течение десятков лет, и вырождения населения, вслед за этим заявляет:

«К сожалению, и революция пока-что не могла поставить что-нибудь реальное для противодействия этому процессу: земли чувашский крестьянин никакой не получил, лишь налоговые льготы несколько облегчают положение крестьянина, но они не могут ни в какой степени приостановить ужасного процесса. Крестьянское хозяйство продолжает дробиться, размеры землепользования из года в год все уменьшаются, и на наших глазах население мельчает во всех отношениях».

Вывод же, к какому приходит автор статьи, таков:

«Факт основных диспропорций народного хозяйства Союза, направляет исключительной силы удар по хозяйству Чувашии, он выбивает его из общей орбиты хозяйственного развития и приковывает к рутинному натурально-потребительскому хозяйству, оставляя в стороне от столбовой дороги к социализму».

И дальше:

«В настоящее время Чувашия... благодаря натурализации сельского хозяйства, вследствие дробления и измельчания, начинает выпадать из системы общественного разделение труда в Союзе. Задача заключается в том, чтобы вместо ускользающего звена зернового хозяйства ухватиться за другое звено цепи и через это звено включить Чувашию в общую систему общественного разделение труда Союза».

Звено цепи, за которое нужно ухватиться,—это индустриализация Чувашии:

«Центральным местом в работе должна быть, само собой разумеется, индустриализация края; индустриализация—это единственный якорь спасения для чувашского хозяйства и крестьянства». Основным же вопросом индустриализации края, по мнению автора, является разрешение «проблемы дуба». «Если проблема дуба не найдет разрешения в ближайшее пятилетие, то не будет преувеличением, если мы скажем, что дело индустриализации Чувашии встретится с большими препятствиями и значительными затруднениями. Проблема дуба—это гвоздь проблемы индустриализации».

Приведенных цитат достаточно для характеристики основных положений автора разбираемой статьи. Эти цитаты с полной очевидностью показывают, что ее автор считает, что Октябрьская революция «пока-что» ничего не изменила в том положении, в котором Чувашия находилась при

царизме, что наличие диспропорций в хозяйстве Союза по существу обрекает Чувашию на положение колонии, оставляя ее «в стороне от столбовой дороги к социализму», что на зерновом хозяйстве нужно поставить крест и что выход из того оскудения, в каком находится чувашское хозяйство, нужно искать не столько в под'еме сельского хозяйства, сколько в индустриализации края. Вся установка статьи такова, что вопросы сельского хозяйства, которым в Чувашии занято 95% населения, целиком отодвигаются на второй план.

Конечно, в с е эти положения сугубо неправильны. Их отстаивание представляет собой крупную политическую ошибку.

Верно то, что чувашское хозяйство и в настоящее время проявляет признаки оскудения, что констатировал и Совнарком РСФСР в своем постановлении по докладу Совнаркома ЧАССР 30 августа 1928 г., сказавши:

> «Народное хозяйство на территории Чувашской АССР отстает от общего уровня, проявляя признаки оскудения, что выражается в отношении сельского хозяйства в одностороннем зерновом направлении полеводства с ничтожным развитием интенсивных культур в неустойчивости и падении урожайности полей, в малоземелье и перенаселенности, в мелких размерах крестьянского хозяйства, в плохом качестве скота, при значительном недостатке кормов, в ничтожном проценте индустриализации сельского хозяйства, в неземлеустроенности крестьянских земель при весьма значительных недостатках землепользования и в крайне незначительной роли промышленности в хозяйстве Чувашской АССР».

Верно и то, что сельское хозяйство Чувашии не достигло еще (по размерам урожайности) довоенного уровня. Однако, довоенного уровня сельское хозяйство, в своей зерновой части, не достигло и по всему Союзу в целом. Является ли это основанием для того, чтобы и в отношении всего Союза говорить о зерновом хозяйстве, как об «ускользающем звене цепи», а тем более, чтобы противопоставлять задачи под'ема зернового хозяйства задачам индустриализации страны?! Верно то, что в Чувашии налицо процесс дробимости крестьянских хозяйств. Но разве этот процесс не свойственен и всему сельскому хозяйству Союза? И разве из этого процесса дробимости крестьянских хозяйств правильно умозаключать относительно деградации сельского хозяйства? А ведь постановка вопроса у автора разбираемой нами статьи сводится именно к такому умозаключению. Он стоит на той точке зрения, что сельское хозяйство Чувашии д е г р а д и р у е т. Иначе нечем об'яснить такие его заявления:

> «О зерновом хозяйстве и говорить не приходится, оно не только не разрешит проблемы, но даже может направить наши мероприятия по совершенно ложному пути. Ведь при таком катастрофическом малоземелье даже переход на многопольный севооборот не поможет делу товаризации, сельскохозяйственная продукция и в этом случае не будет в состоянии удовлетворить личные потребности сел.-хоз. населения».

Ясное дело, что такая ультра-пессимистическая оценка перспектив зернового хозяйства в Чувашии может принести лишь громадный вред делу изживания чувашским хозяйством тех признаков оскудения, которые в нем сейчас еще имеются. Задачей всего Союза является всемерная помощь таким отсталым республикам и областям, как Чувашия, в целях скорейшего изжития хозяйственного оскудения, являющегося наследием царизма. Но совершенно очевидно, что для таких ярко выраженных сельскохозяйственных районов, как Чувашия, это изживание хозяйственного оскудения должно итти по линии под'ема зернового хозяйства и интенсификации сельского хозяйства. Предложение ставить крест на зерновом хозяйстве здесь есть не что иное, как парение в облаках.

Вне всякого сомнения, сельское хозяйство Чувашии находится в тяжелом состоянии, даже сравнительно с состоянием его в других районах СССР. Однако, и здесь наш автор чрезмерно сгущает краски. Вот пара примеров.

Приводя данные о действительно огромном аграрном перенаселении Чувашии, автор приводит цифры относительно плотности населения Чувашии. Указав на ч е т ы р е района с плотностью свыше 60 человек на кв. километр, он заявляет:

> «В других районах эта цифра колеблется от 48,22 до 58,72 чел. на кв. километр. Только в двух районах она равняется 23,22 и 35,61 чел. Плотность приведенных в табличке районов является характерной для Чувашии».

Но он забывает прибавить, что в табличке им приведена плотность населения 4 районов, а их в Чувашии 17 и средняя плотность населения по Чувашии в том же номере журнала «Чувашское Хозяйство», в статье инженера Д. И. Джуся, приводится такая: 53,25 человек на кв. килом., а в докладе Совнаркому РСФСР А. М. Михайлова (одного из редакторов этого же журнала)—и еще меньшая (49,6 чел. на кв. килом.), т.-е. как раз приведенные 4 района характерными считаться не могут. И тем не менее, наш автор, указав, что плотность населения ЦЧО выражается в 51,9 чел., заявляет: «Центрально-Черноземная Область по плотности отстает от Чувашии в круглых цифрах на целых 20 чел.». Хорошие «круглые цифры!»

Второй пример. Наш автор утверждает, что отхожие промыслы для чувашского крестьянина никогда не играли и не могут играть сколько-нибудь заметной роли, сравнительно с той ролью, какую они играют для русского крестьянина, из-за незнания чувашами русского языка. Он пишет:

> «Если разоряющийся русский крестьянин (дело идет о временах царизма) во многих случаях мог рассчитывать перейти на другую работу, то такой путь выхода из тупика для разоряющегося чувашского крестьянина был заказан: незнание русского языка приковывало его к клочку земли».

И дальше:

> «Что же касается Центрально-Черноземной области, то аграрное перенаселение там смягчается отходами сельского населения в промышленные районы и в южные сельскохозяйственные районы. Этого никак нельзя сказать относительно Чувашии: здесь хозяйство зерновое, трехпольное, а отходы весьма ограничены: незнание или плохое знание русского языка в особенности служит большим к этому препятствием».

Наш автор, видимо, считает свой аргумент, основанный на незнании чувашами русского языка, настолько убедительным, что и не пытается каким-либо фактическим материалом подтвердить свою мысль о том, что отходы в Чувашии весьма ограничены. Между тем опять-таки в том же номере «Чувашского Хозяйства» помещена статья И. Риманова «Отхожие промыслы в Чувашской республике», в которой не только черным по белому написано, что «бывшая Казанская губерния, в состав которой входила и Чувашия, по количеству отхода сельскохозяйственного населения на заработки сравнительно с соседними губерниями занимала п е р в о с т е п е н н о е место», но и приведены соответствующие цифры, подтверждающие эту мысль. И. Риманов указывает также, что сравнительно с 1913 г количество отходничества значительно снизилось (на 24,5%). Чем это об'ясняется?

> «Такой значительный процент снижения уходящих на отхожие промыслы по сравнению с довоенным временем об'ясняется, во-первых, тем фактом, что процесс диференциации крестьянского хозяйства в условиях советской действительности происходит неизмеримо слабее, чем это имело место в дореволюционное время... Во-вторых, ростом доходности крестьянского хозяйства...».

Все эти данные, приводимые в статье И. Риманова, целиком опровергают выставленный автором разбираемой нами статьи тезис.

Мы остановились столь подробно на вопросах о сравнительной плотности населения в Чувашии и на отходничестве для того, чтобы показать, насколько легкомысленно автор статьи «К вопросу о постановке проблем» и т. д. обращается с фактами, насколько он поспешно делает выводы.

Сельское хозяйство СССР развивается чрезмерно медленным темпом сравнительно с развитием промышленности, сравнительно с потребностями индустриализации страны. Этот замедленный темп развития особенно остро дает себя знать в отдельных районах, в том числе и в Чувашии. Но тем не менее, оно идет вперед и во всем СССР и в частности в Чувашии. Глупо говорить о его деградации и в СССР и в частности в Чувашии. В Чувашии до революции всего 7% хозяйств применяли плуг. В 1928 году плуг применяется уже в 23% хозяйств. Это уже значительный шаг вперед сравнительно с прошлым, хотя он и очень мал сравнительно со стоящими перед нами задачами социалистического переустройства сельского хозяйства. До революции Чувашия не знала ни многополья, ни удобрений, ни протравливания семян ни других видов агропомощи. А вот что пишет М. Спиридонов в статье «Весенняя посевная кампания в Чувашской республике» все в том же номере того же журнала:

«Если в деле социального и технического переустройства сельского хозяйства мы разовьем такой же темп, как в текущем году, то в ближайшие 5—7 лет будет покончено с трехпольем, и значительная часть деревни будет организована в коллективы и переведена на социалистические рельсы».

Мы, конечно, не можем с полной категоричностью утверждать, что М. Спиридонов в данном случае не переоценивает перспектив, но для всякого ясно, что, во-первых, на будущие годы темп технического и социального переустройства сельского хозяйства должен быть еще более напряженным, чем в истекшем году, о котором пишет М. Спиридонов, а, во-вторых, такие перспективы (не взятые под сомнение редакцией журнала «Чувашское Хозяйство») находятся в вопиющем противоречии с основной установкой передовой статьи этого журнала, ибо они не дают никаких оснований утверждать, что Чувашия оказывается «в стороне от столбовой дороги к социализму», что она «начинает выпадать из системы общественного разделения труда Союза». Автор этой злосчастной передовой утверждает, что даже при полном переходе на многополье «сельскохозяйственная продукция не будет в состоянии удовлетворить личные потребности с.-х. населения», т.-е. не даст товаризации сельского хозяйства. Но ведь в уже цитированном нами выше докладе Совнаркому РСФСР А. М. Михайлова приводится такая таблица товарности сельского хозяйства Чувашской республики:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Коэффициент товарности	14,7	16,4	12,9	15,2

Это мало чем отличается от коэффициента товарности сельского хозяйства ряда других районов СССР. Значит ли это, что и они «выпадают из системы разделения труда», «стоят в стороне от столбовой дороги» и т. д.? Конечно, ни в какой мере не значит. Это говорит лишь о том, до какой степени передовик из «Чувашского Хозяйства» потерял всякие перспективы перед лицом тех признаков оскудения чувашского хозяйства, которые до настоящего времени в нем действительно продолжают сказываться, до какой степени он способен впадать в панику перед действительно трудной, но разрешимой проблемой поднятия зернового хозяйства. И это говорит о том, что у нас еще очень часты случаи самого пустого прожектерства, вместо обсуждения конкретных путей преодоления трудностей, стоящих на пути социалистического строительства.

Нет никакого сомнения, что «проблема дуба» имеет для чувашского хозяйства первостепенное значение. Но пустым прожектерством является утверждение, будто для выхода из того оскудения, которое продолжает сказываться в чувашском хозяйстве, нужно выпустить из рук «ускользающее звено зернового хозяйства» и схватиться за новое звено, каким является

проблема дуба. С таким же успехом в отношении ЦЧО можно сказать: оставим задачу под'ема зернового хозяйства или отодвинем ее на второй план, а на первый план поставим задачу индустриализации ЦЧО и при составлении пятилетнего плана по ЦЧО будем особенно нажимать на отпуск средств для разработки Курской магнитной аномалии. Иначе-де ЦЧО окажется «в стороне от столбовой дороги к социализму» и «начнет выпадать из системы разделения труда в СССР».

Нет никакого сомнения в том, что одной из причин наличия признаков оскудения в хозяйстве Чувашии следует признать слабое развитие в ней промышленности. Вопрос о развитии промышленности, базирующейся на переработке местного сырья (в том числе и дуба) и в первую очередь сельскохозяйственных продуктов, имеет весьма важное значение для Чувашии.

Но значит ли это, что правилен лозунг «индустриализация Чувашии»? Этот лозунг абсолютно неправилен. Когда партия выдвинула лозунг индустриализации страны, то на местах часто ставили вопрос об индустриализации своей республики, области, губернии, края, округа, уезда и т. д. Это неправильно, так как лозунг индустриализации, как неоднократно говорилось и подчеркивалось, не равнозначен простому развитию промышленности. Он означает такое развитие промышленности и развитие таких ее отраслей, при котором наша страна в экономическом отношении превращается из аграрного дополнения к мировому хозяйству, из далекой окраины капиталистического мира в страну, врезывающуюся в сложившееся на мировом рынке разделение труда, так изменяющую его, что она становится страной экономически самостоятельной, центром, вокруг которого будут группироваться отпадающие от капитализма страны.

При таком единственно правильном понимании лозунга индустриализации СССР совершенно бессмысленными становятся лозунги местных индустриализаций для всех без различия областей, и поскольку они выдвигаются, они в той либо другой мере становятся отражением националистических, мелкобуржуазных и буржуазных давлений на отдельные слои партии. Конечно, возможность таких давлений особенно велика в национальных республиках и областях, особенно хозяйственно отсталых.

Необходимо самым напряженным образом работать над осуществлением директивы XV с'езда партии, выраженной в словах: «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры».

Забвение этой директивы было бы величайшим проявлением великорусского шовинизма. Но отпор должен даваться не только великорусскому шовинизму, но и национализму местному, не видящему и не желающему видеть общих задач строительства. А что именно такого рода национализмом попахивает от разбираемой нами статьи, это вне всякого сомнения. Ведь, в самом деле, мы видели, что автор ее усмотрел единственный плюс от Октябрьской революции в том, что она несколько облегчила налоговое бремя для чувашского крестьянства. Но она-де не приостановила его вырождения. Он забывает упомянуть о том, что до революции процент охвата чувашских детей школами едва достигал 30, а сейчас он поднялся до 78, о значительном понижении процента смертности как всего населения, так и детей, о широких мероприятиях в области медицинской помощи населению, о мероприятиях по борьбе с трахомой — этим бичем чувашского населения, наконец, о том, что местный бюджет в Чувашской республике свыше 70% своей доходной части получает из общереспубликанских и союзных средств, о том, что за время существования Чувашской республики на чувашском языке

издано несравненно больше книг, чем за все время существования чувашской письменности и т. д., и т. п. Его точка зрения, по сути дела, сводится к тому, что Чувашия как была русской колонией, так и осталась. Когда он пишет,— «итак, четыре момента — индустриализация, товаризация сельского хозяйства, транспорт и проблемы культурной революции—должны быть конкретно разработаны и поставлены в пятилетке, как первейшая и очередная задача, ибо если эти задачи не будут поставлены и по силе возможности не разрешены (явная опечатка, следует читать: «разрешены»), то теряет, по сути дела, всякий смысл существование автономии», — то как можно это понять? Только так, что до сих пор существование автономии не имеет никакого смысла, что она является лишь прикрытием колонизаторской великорусской политики в отношении Чувашии, что социализм в СССР строится за счет отсталых национальных республик, а они остаются в стороне от столбовой дороги к социализму.

Несомненно, что такого рода настроения, довольно явственно звучащие у автора разбираемой нами статьи, не являются чем-то чисто случайным, не являются просто индивидуальной ошибкой автора этой статьи. Они являются, как и всякие проявления национализма, продуктом давления на отдельные звенья госаппарата и партии подрастающей новой чувашской буржуазии, которая свою борьбу против диктатуры пролетариата в СССР ведет под прикрытием жалоб и намеков на то, что хозяйство Чувашии развивается слишком медленно или даже деградирует по той причине, что за ее счет идет социалистическое строительство в других районах. Несомненно, что кое-что от таких националистических влияний имеется и в данной статье, чем и об'ясняются допущенные в ней крупные политические ошибки.

Чем скорее редакция журнала «Чувашское Хозяйство» на своих страницах исправит их, тем лучше.

По имеющимся у нас сведениям, основные положения этой статьи встретили дружный отпор со стороны актива чувашской партийной организации.

Борис Ольховый.

Редколлегия:
Астров, В.
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Ярославский, Е.